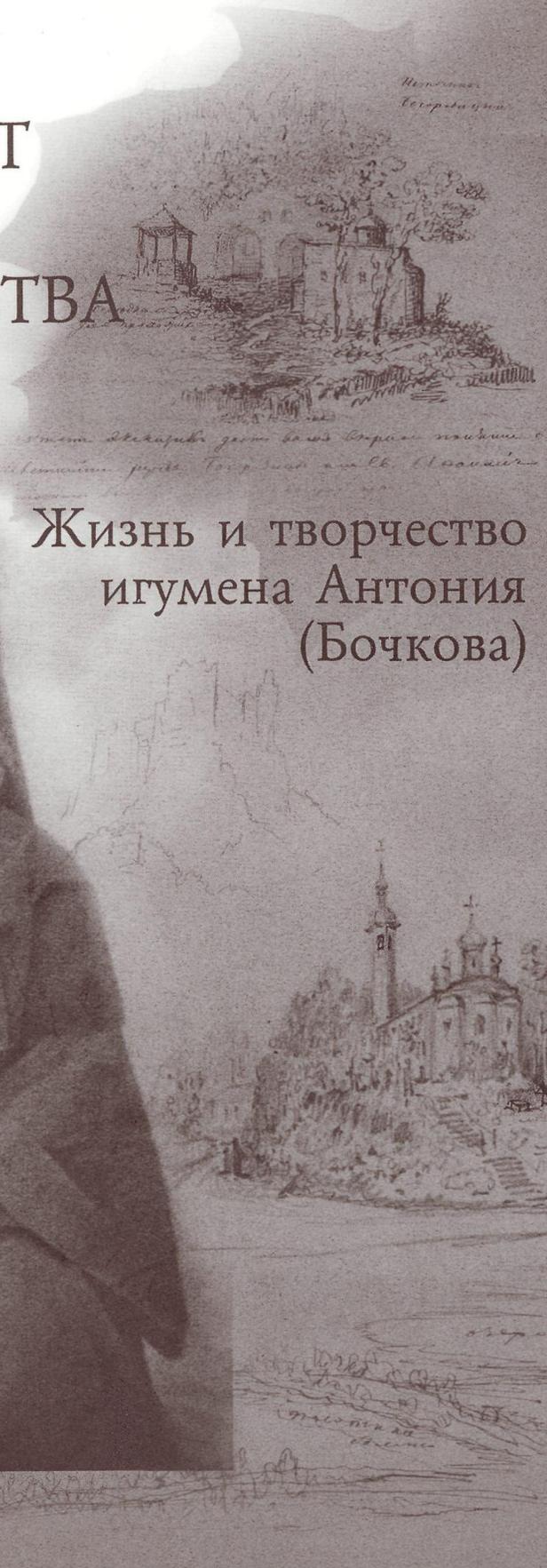

ДОН-КИХОТ РУССКОГО МОНАШЕСТВА

Жизнь и творчество
игумена Антония
(Бочкова)

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

Российский государственный исторический архив

УДК 882.92
ББК Ш5(2=р)5-4

Редакционная коллегия

Е. М. Аксененко, иеродиакон Антоний (Козин),
Н. С. Крылов, А. М. Любомудров, А. Р. Соколов, О. Л. Фетисенко

Редакторы-составители:

Е. М. Аксененко и иеродиакон Антоний (Козин)

Ответственный редактор:

канд. филол. наук О. Л. Фетисенко

Рецензенты:

д-р. филол. наук Е. И. Анненкова,
канд. филол. наук А. П. Дмитриев

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие социальных,
культурных и языковых общностей»*

Д 67 *Дон-Кихот* русского монашества: Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова) (1803–1872): Исследования и публикации / Сост. Е. М. Аксененко, иеродиакон Антоний (Козин). — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010. — 288 с., ил.

Настоящий сборник — первая книга о жизни и творчестве замечательного духовного писателя и подвижника благочестия XIX века игумена Антония (в миру Алексея Поликарповича Бочкова; 1803–1872), многообразное и обширное наследие которого до сих пор не опубликовано. Она открывает читателю человека с необычной судьбой, который не оставил литературных занятий и после принятия монашества, рассказывает о загадках его биографии, воссоздает образ романтика и идеалиста, Дон-Кихота, горячо верящего в реальность своего идеала и много размышлявшего о судьбах России и мира. Впервые публикуются стихи и письма о. Антония из архивных источников.

ISBN 978-5-91476-020-2

© Ред.-сост. Е. М. Аксененко, иеродиак. Антоний (Козин), 2010

© Коллектив авторов, 2010

© Издательство «Пушкинский Дом», 2010

Предисловие

Настоящий сборник — первая книга о жизни и творчестве духовного писателя и подвижника благочестия игумена Антония (в миру Алексея Поликарповича Бочкова; 1803–1872). Сегодня, в начале XXI века, имя его несправедливо забыто. Между тем это был человек с необычной и интереснейшей судьбой. Биография его полна загадок, а весьма обширное литературное и эпистолярное наследие до сих пор остается неизвестным широкому читателю.

Будущий игумен прошел удивительный духовный путь. С юности увлекшись словесностью, в 1820-е годы Алексей Бочков вошел в круг столичных литераторов, близких к журналу «Благонамеренный». Известность молодому прозаику принесли его исполненные лиризма романтические повести «Монастырь св. Бригитты» и «Красный яхонт», путевые очерки «Письма из Ревеля». После безвременной кончины жены Бочков пережил глубокий духовный кризис, исходом из которого стало принятие монашества.

Он жил во многих монастырях: около сорока обителей стали местом его иноческого подвига. Игумен Антоний — это «очарованный странник» русского монашества, душа, взыскующая в земных обителях обитель небесную. Воспитанный эпохой романтизма, он всю жизнь искал идеальный монастырь, напоминая подчас трагикомический образ Дон-Кихота, горячо верящего в реальность своего идеала. Несмо-

тря на множество разочарований и приобретенный с годами критицизм, отец Антоний сохранил свою веру в возможность идеального монастыря.

Будучи монахом и священником, игумен Антоний не оставил литературных занятий, но в своем позднем творчестве он отдавал предпочтение уже поэзии. В поэтическом наследии Бочкова 1850-х — начала 1870-х годов можно найти произведения самых различных жанров: от небольших лирических стихотворений до крупных лиро-эпических форм.

Помимо литературного, большой интерес представляет эпистолярное наследие игумена Антония. Его корреспондентами были святитель Игнатий (Брянчанинов), преп. Макарий Оптинский, иеросхимонах Сергей (Веснин), писавший под псевдонимом Святогорец, писатель А. П. Башуцкий, монахиня-поэтесса Мария (Шахова) и другие. Необычайно широк круг тем, обсуждавшихся в письмах, — это литература и искусство, богословие и аскетика, реалии современной монастырской жизни, события российской и мировой политики.

Игумену Антонию, много размышлявшему о судьбах России и всего мира, свойственны были подлинны прозрения. Скорбью о будущем проникнуты строки его писем: «...Что будет с нами, что будет с Россией, которая до сего времени видит землю обетованную во Франции и Иерусалим в Париже? (...) Где будет развязка непонятных дел человеческих и действий непостижимых Великого Творца? Вавилоном кто назовется? Лондон ли, или наш Петербург, или другой будущий город прибрежный?»¹

¹ *Переписка*. С. 533. (Список принятых в нашем издании сокращений приведен на с. 279.)

Настоящее издание возвращает русской литературе имя игумена Антонии, незаслуженно преданное забвению в предшествующую эпоху. В основу большинства статей, включенных в сборник, положены материалы Первых Антониевских чтений, состоявшихся 20 октября 2007 года в подмосковном Николо-Угрешском монастыре, где о. Антоний провел последний год своей жизни и был похоронен.² Наряду с этой обителью организаторами чтений стали Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Иоанно-Богословский Черемнецкий монастырь. В приветственном слове наместник Николо-Угрешского монастыря епископ Люберецкий Вениамин отметил: «В наше время, когда мы часто слышим слова о необходимости духовного возрождения нашего Отечества, особенно важно понимать, что движение к этой цели невозможно без знания православных традиций, созданных христианским обществом на протяжении веков, и сознательного следования им. Невозможно возродить духовность в нашем обществе, не построив здание благочестия на фундаменте, заложенном многовековыми традициями христианского подвига, совершаемого во благо Церкви и ближних. Собирая камни, некогда лежавшие в этом фундаменте, было бы непростительно забыть имена исполинов духа, которыми столь богато было наше Отечество. Среди них — имя игумена Антония (Бочкова)».

Книга, вводящая имя забытого литератора в контекст исторической эпохи и российской словесности XIX века, содержит статьи о жизни и творчестве

² См.: Любомудров А. М. Первые Антониевские чтения (к 135-летию со дня кончины А. П. Бочкова) // Русская литература. 2008. № 3. С. 245–248.

о. Антония, его взаимоотношениях с известными современниками, а также включает в себя публикации его поэтического и эпистолярного наследия.

Открывает сборник подробный очерк жизни и творчества игумена Антония, написанный автором первых исследований о нем, профессором Тартуского университета С. Г. Исаковым. Особый интерес представляет анализ художественного наследия Бочкова. Его творчество обширно и многообразно, хотя свет увидела лишь одна его книга — «Русские поклонники в Иерусалиме», изданная уже посмертно. Литературная позиция игумена Антония была уникальна и для монаха-аскета по-своему парадоксальна: он был горячим поклонником поэзии Некрасова, высоко ценил романы Достоевского. Ему была внутренне близка сатирическая линия: Фонвизин — Грибоедов — Гоголь.

Литературную тему продолжает статья А. М. Любомудрова, посвященная проблемам художественного творчества, обсуждавшимся в переписке игумена Антония (Бочкова) и святителя Игнатия (Брянчанинова). Святитель Игнатий, не отвергая поэтический дар как таковой, пытался при этом направить своего собеседника на путь большего аскетизма в творчестве. В статье, в частности, затронут интересный эпизод из переписки, когда о. Антоний, отзываясь о присланных ему «Аскетических опытах» и не соглашаясь с точкой зрения святителя, ставит в пример нравственную позицию героя стихотворения Некрасова.

С непростой и подчас драматичной историей многолетних взаимоотношений святителя Игнатия (Брянчанинова) и игумена Антония знакомит читателей в своей работе протоиерей Геннадий Белово-

лов. Игумена Антония он называет «романтиком духа, Алешей Карамазовым, вышедшим из монастыря». По мысли автора, причина разрыва со своим духовным учителем, причина духовного кризиса — религиозный максимализм: Бочков долгое время не мог простить будущему святителю его «неготовности» к «исповедничеству», как он тогда его понимал. Конфликт идеального и реального наложил отпечаток на весь жизненный путь игумена Антония. Будучи максималистом, он требовал от всех, чтобы идеальное непременно было воплощено в реальность, что невозможно по самой природе идеального. Он не боялся ошибиться и обладал особым духовным мужеством — верить, что Господь поймет и простит ошибку, однако считал грехом расчетливую осторожность, бдительность. По мнению о. Геннадия, игумен Антоний являет собой особый духовный тип, обогащающий русскую культуру и духовность.

Поэтическое творчество игумена Антония рассматривается в работе Е. Н. Егоровой. Автор анализирует стихотворения, до сих пор неизвестные широкому читателю, приводя ряд цитат по архивным рукописям.

Статья историка иерея Александра Бергаша рассказывает о том времени, когда игумен Антоний жил и настоятельствовал в Черемнецком монастыре Санкт-Петербургской епархии. Не случайно его часто называют не по фамилии, а по титулу: Антонием Черемнецким. В настоящее время обитель возрождается, и одной из задач своей деятельности видит увековечение памяти игумена Антония. Иноки изучают его наследие, расшифровывают рукописи, готовят публикации.

Основная часть личного архива игумена Антония находится в двух петербургских архивохранилищах: Российском государственном историческом архиве и Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Этот чрезвычайно важный документальный материал, освещающий более углубленно и объективно многие стороны жизни и творчества монаха-писателя и его эпохи, ждет своих исследователей в лице филологов, богословов, историков церкви и культуры.

В настоящем сборнике публикуются стихотворения и письма игумена Антония к монахини Марии (Шаховой). Они являются частью большого комплекса его писем к последней за 1862–1869 годы, хранящихся в ИРЛИ в личном фонде Шаховой. Эта переписка представляет собой уникальный биографический источник. Выбранные для публикации Е. М. Аксененко два письма посвящены личности святителя Игнатия (Брянчанинова), духовного наставника обоих корреспондентов.

Поэтический диалог игумена Антония и монахини Марии представлен в еще одной обстоятельной публикации Е. М. Аксененко, построенной на материалах архива Шаховой. Громко заявившая о своем таланте несколькими поэтическими сборниками в конце 1830-х — начале 1840-х годов, молодая поэтесса Елизавета Шахова в 1845 году стала послушницей Бородинского монастыря. Святитель Игнатий (Брянчанинов) поддерживал и направлял присущий послушнице Елизавете дар слова. Вскоре после своего отъезда на епископскую кафедру в Ставрополь он поручает Елизавету своему духовному другу — игумену Антонию. Две эти незаурядные личности за время их многолетней дружбы

сблизило не только духовное родство, но и поэтическое сотворчество, узнать о котором возможно прежде всего из писем игумена Антония. Переписка монахини Марии и о. Антония продолжалась без малого 10 лет. Особый интерес представляет осмысление ими сущности духовной поэзии и ее исторического развития.

Все тексты из архивных источников публикуются по рукописям и сопровождаются тщательным комментарием, конъектуры публикатора заключены в угловые скобки. Один из основных источников, использовавшихся в большинстве статей, — Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова) в 8 томах (М., 2001–2007). Ссылки на это издание приводятся в текстах с указанием тома и страницы.

Надеемся, что сборник «Дон-Кихот русского монашества» будет содействовать восстановлению связи времен и культурных традиций, явится первым шагом в раскрытии личности и постижении многообразия творческого наследия игумена Антония, а также побудит к более углубленному исследованию его отношений с другими яркими представителями как духовной, так и светской культуры России второй половины XIX века.

А. М. Любомудров

Игила игумена Антония (Бочкова) в Николо-Угрешском монастыре, восстановленная в 2007 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Игумен Антоний (Бочков). Жизнь и творчество

В истории русской культуры XIX века еще много неизученного. Порою незаслуженно забыты деятели, оставившие свой след в духовной жизни русского общества того времени. К их числу относится и игумен Антоний (в миру Алексей Поликарпович Бочков; 14 марта 1803, Санкт-Петербург¹ — 5 апреля 1872, Москва), религиозный мыслитель и поэт, деятель Церкви, интереснейшая личность с любопытной неординарной судьбой.

Биография и творчество А. П. Бочкова до сих пор не были предметом специальных разысканий, немногочисленные краткие обзоры его жизненного пути полны «белых пятен», загадок.² В какой-то мере

¹ Свидетельство, выданное Троице-Сергиевым монастырем А. П. Бочкову для поступления в монахи и метрическая выпись // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.

² Первый биографический очерк А. П. Бочкова появился в 1874 г. в качестве предисловия к его книге «Русские поклонники в Иерусалиме» (ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. I–IX) и принадлежал хорошему знакомому о. Антония, послушнику Николо-Угрешского монастыря, Д. Д. Благово (впоследствии архим. Пимен; 1827–1897), скрывшемуся под астронимом * * *. Хотя автор очерка имел возможность воспользоваться утерянным позже дневником Бочкова и его монашеским службным списком, тем не менее, в его труде много ошибок и неточностей, которые мы можем выявить лишь при сопоставлении приводимых им данных с досто-

исследованы (главным образом автором этих строк) лишь ранние произведения Бочкова середины 1820-х годов,³ но совершенно не изучено его позднее творчество 1850-х — 1860-х годов, большей частью не опубликованное. Оно дошло до нас далеко не полностью; известно, к примеру, что «Записки» и дневники Бочкова то ли затерялись после его смерти, то ли они были уничтожены.⁴ Многие стихи его известны нам только по упоминаниям в его переписке.⁵ Тем не менее, довольно много его произведений 1850-х — 1860-х годов сохранились в архивах,⁶ и по ним можно составить представление о позднем творчестве игумена Антония.

верными архивными или книжными источниками. Дополнительные биографические сведения о Бочкове можно найти в посвященных ему заметках А. А. Ивановского, А. А. Чумикова, кн. Н. С. Голицына, архим. Пимена (Мясникова) (библиографические данные их приведены в последующих примечаниях). К сожалению, они не освещают всех этапов жизни Бочкова, к тому же многие из этих сведений противоречат друг другу. Последний краткий биографический очерк А. И. Рейтבלата (Русские писатели, 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 322–323) тоже не лишен неточностей, не говоря уже о вполне объяснимой и извинительной в данном случае неполноте материала.

³ См.: Исаков С. Г. О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1960. Вып. 98. С. 158–170. См. также: Русская повесть XIX века. Л., 1973. С. 112, 117, 118, 131.

⁴ О «Записках» о. Антония см.: Чумиков А. А. Алексей Поликарпович Бочков, в монашестве от. Антоний // *РСт.* 1889. № 2. С. 380.

⁵ Прежде всего по письмам к монахине Марии (Елизавете Никитичне Шаховой), см.: ИРЛИ. Сигн. 3589. 183 л.

⁶ См.: Стихотворения о. Антония Бочкова // ИРЛИ. Сигн. 3577. 102 л.; Стихотворения игумена Антония // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. 113 л.

* * *

А. П. Бочков родился в семье богатого купца, владельца знаменитых Бочковских бань, приносивших семье большой доход. Отец Алексея Поликарповича рано умер, и воспитанием его занимался дед, который постарался дать внуку хорошее образование. Он учился в одном из лучших иностранных пансионов в столице, где основательно выучил французский и немного научился немецкому и английскому языкам. Бочков уже в юные годы был прекрасно начитан, «превосходно рисовал (...) и имел дар весьма легко сочинять стихи».⁷ Талант художника, любовь к рисованию он сохранил до конца жизни: в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Российском государственном историческом архиве в Петербурге хранятся папки с его рисунками;⁸ рисунки пером или карандашом часто встречаются и в письмах Бочкова. Пробуждению же литературных интересов юноши способствовало и то, что в их доме проживала поэтесса Анна Петровна Бунина, с которой Бочков был знаком.⁹

В 1822 или 1823 году Бочков женился на дочери известного петербургского сахарозаводчика П. И. Пономарева, Анне Прокопьевне (1805–1827). Родственные связи способствовали тому, что живо интересовавшийся словесностью молодой человек

⁷ ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. II.

⁸ ИРЛИ. Сигн. 3582 (8 рисунков, главным образом с видами Черемнецкого монастыря); РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 14 (16 рисунков, также в основном с видами Черемнецкого монастыря).

⁹ Письмо к монашине Марии (Шаховой) от 26 января 1864 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 93 об.; *Письма игумена Антония*. С. 331.

вошел в круг столичных литераторов, близких к А. Е. Измайлову, издателю журнала «Благонамеренный» (Измайлов входил в кружок С. Д. Пonomаревой).¹⁰ Впрочем, литературные симпатии и антипатии Бочкова середины 1820-х годов не во всем совпадают с воззрениями круга Измайлова. Бочков в эти годы идейно близок к декабристам, он в восторге от произведений К. Ф. Рыльева и А. С. Пушкина, хранит у себя их запрещенные стихи.¹¹ Уже после восстания 14 декабря 1825 года он через своего друга А. А. Ивановского, чиновника Следственной комиссии по делу декабристов, которому удалось изъять из бумаг комиссии художественные произведения и письма арестованных участников восстания, знакомится с ними.¹²

Известно пять писем Бочкова к Ивановскому,¹³ который позже, в 1828 году, познакомил его с Пушкиным.¹⁴ Эти письма поражают не только великолепным знанием их автором тогдашней русской словесности, тонкими и умными наблюдениями над ее явлениями, но не в меньшей мере горячим сочувствием делу декабристов, духом свободолюбия.

¹⁰ Об этом кружке см.: Вацуро В. Э. Из истории литературного быта Пушкинской поры. М., 1989.

¹¹ См.: Бочков А. П. Знакомый незнакомец, или Слова, сказанные кстати и некстати: Истинный анекдот // ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 3–4 об., 10 об.

¹² См. об этом: Зильберштейн И. С. (Комментарии) // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 57.

¹³ Четыре письма опубликованы в «Русской старине» (РСт. 1889. № 7. С. 113–125), одно — в «Литературном наследстве» (Т. 58. С. 53–57).

¹⁴ См. об этом: Ивановский А. А. Александр Сергеевич Пушкин. 21-го и 23-го апреля 1828 г. // РСт. 1874. № 2. С. 399.

«Письма Бестужева, мой любезный друг, — писал Бочков, — я читал почти со слезами. Мысль, что он погиб навсегда для нас и что эта потеря не скоро вознаградится, убивала меня. Его заслуги важны для нашей словесности (...). Бестужев первый привел их (молодых писателей. — С. И.) к одному алтарю, показал им благороднейшую цель: славу России, — и средство: пламенную любовь к родине и знание старины. Но „Полярная звезда“ скоро закатилась. Бестужевы, Рылеев, Корнилович, Кюхельбекер — сколько надежд погибло!.. Бедные наши писатели! Как немилосердно клюет вас цензура. Святая наша инквизиция!»¹⁵

Письма Бочкова показывают, насколько вошли в сознание людей той эпохи литературные воззрения декабристов, нашедшие выражение в статьях А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рыльева. Бочков вслед за декабристами упрекает Карамзина, Жуковского и даже Пушкина в подражательности, в следовании иноземным образцам; величайшей заслугой писателей-декабристов он считает утверждение ими самобытной оригинальной русской литературы. Бочков выражает опасение, как бы после гибели декабристов литература не вернулась на путь подражательности. В соответствии со взглядами декабристов на комедию Грибоедова он не соглашается с известными замечаниями Пушкина в адрес «Горя от ума», хотя в то же время целиком солидарен с Пушкиным и опять же с декабристами в высокой оценке Крылова, которого пытается принизить Вяземский, превыше всего ставящий И. И. Дмитриева.¹⁶ Кстати, высокую оценку «Горя от

¹⁵ Там же. 1889. № 7. С. 113.

¹⁶ Литературное наследство. Т. 58. С. 53–57.

ума» и восторженное отношение к Грибоедову Бочков сохранил до конца своей жизни.¹⁷

Проза Бочкова 1820-х годов, в которой он обращается к популярной в русской литературе тех лет ливонской теме, в сущности представляет собой подражание произведениям декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. Это романтические повести «Монастырь св. Бригитты» и «Красный яхонт», опубликованные под криптонимом Л. С. в альманахе А. Е. Измайлова и П. Л. Яковлева «Календарь муз на 1827-й год», путевые очерки «Письма из Ревеля» («Благонамеренный», 1826. Ч. 32) и «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле» («Календарь муз на 1826-й год»), напечатанные анонимно. Эти произведения и принесли Бочкову известность в литературных кругах.¹⁸

Бочков явно следует за повестью Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке» (1823) и в своей сентиментально-романтической повести «Нарвская станция» (1827), оставшейся в рукописи.¹⁹ Она относится к другой разновидности тогдашней русской повествовательной прозы — к жанру светской галантной повести. Можно говорить о формирующемся романтическом психологизме в повестях Бестужева и Бочкова; на их произведениях лежит столь характерный для романтизма налет лиризма, особого «настроения». Их повести утверждают свободу чувства, величие любви и исполнены у Бестужева несколько более сильной, у Бочкова менее заметной

¹⁷ См. письмо к монахини Марии (Шаховой) от 8 апреля 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1 об.). См. также письмо от 14 июня 1864 г. (Там же. Сигн. 3577. Л. 79 об.).

¹⁸ См.: Исаков С. Г. О ливонской теме... С. 163–170.

¹⁹ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–22 об.

критики большого света, надменности, бессердечности, а иногда и аморальности его представителей. Никакими особенными художественными достоинствами эта повесть Бочкова не обладает, но вместе с тем и не опускается ниже среднего уровня образцов русской повествовательной прозы тех лет.

Хотя Бочков печатался мало, да и то, что он напечатал, появилось анонимно или же под криптонимами А. Б., Л. С. и Л. Л., тем не менее в памяти современников он запечатлелся как удивительно талантливый и интересный человек. Ивановский, характеризуя примечательного молодого человека, писал: «Лучшая образованность и все возможные таланты: музыка, живопись, глубокий и многосторонний взгляд, увлекательный дар слова, редкая способность легко владеть возвышенным пером и в прозе, и в стихах; добрая, строго честная и высокая душа, лучший друг и родной, прекрасная наружность, умное, кроткое и привлекательное выражение глаз и лица; изящный тон и манеры и вместе с тем всегда щегольская одежда, радушное гостеприимство, независимое состояние — все, что так щедро было соединено в нем природою и фортуною».²⁰ Ивановскому вторит Е. В. Аладьин, характеризуя Бочкова как человека, «пользовавшегося любовью и уважением своих сограждан — достойного любви и уважения добросовестных русских литераторов».²¹ В уже цитированном очерке «Знакомый незнакомец» (1824), рассказывая историю знакомства автора с Ивановским, Бочков шутливо заявлял о себе: «Я, который сам писал в стихах и прозе и которого сочинения, в особенности письма, были читаны с восторгом; я,

²⁰ *РСт.* 1874. № 2. С. 395.

²¹ Православное Волковское кладбище. СПб., 1847. С. 29.

которого некоторые благомыслящие писатели сравнивали с Дельвигом, не последним стихотворцем своего времени». ²² Более критически и сурово оценивал Бочкова А. А. Чумиков. ²³

И вот наступило николаевское царствование, и для людей типа Бочкова оказались закрытыми пути к общественной да в какой-то мере и к литературной деятельности. Он, как и многие люди его круга, тяжело переживал изменения в обществе. К тому же Бочкову пришлось перенести страшный удар и в личной жизни — в 1827 году умирает его горячо любимая жена. «Он долго грустил, был душевно болен и перенес и телесную тяжкую болезнь: нервную горячку (...). „Мне казалось, — рассказывал он впоследствии одному из своих знакомых, — что мои ноги вытягиваются как эластик и могут обвиваться, подобно веревке, около ножки стола“. Во время своего выздоровления он произнес мысленно обет, что ежели он совершенно выздоровеет, то пойдет в монашество». ²⁴ Но Бочков, судя по всему, не сразу осуществил свой обет.

Карьера чиновника его не устраивала, и он, как пишет Чумиков, «дабы не быть привлеченным к службе в столице, приписался к ревельскому купечеству, русская часть которого в то время не участвовала в городском управлении». ²⁵ Сначала Бочков, видимо, погрузился, как и многие его современники, в изучение философии, но «прочитав все, что можно прочитать на французском языке, он охладел ко

²² ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2.

²³ Чумиков А. А. А. П. Бочков // *РСт.* 1874. № 3. С. 566.

²⁴ *ЧОИДР.* 1874. Кн. 4. С. III.

²⁵ *РСт.* 1889. № 2. С. 378.

многим системам и умствованиям человеческим».²⁶ Наступил период ипохондрии и разочарования во всем. Чумиков, настроенный не слишком благожелательно к Бочкову, замечает, что тот в Ревеле начала 1830-х годов казался «скучающим», «не знающим, куда девать свою особу».²⁷ Тогда, опять же, как и многие люди той поры, не находившие разрешения мучившим их вопросам жизни и бытия, Бочков обращается к религии, к христианству. Позже он сам так характеризовал сложный процесс своего духовного развития: «...Борьба со врагом мысленным почти с самого раннего развития мысли; потом своевольство этой мысли и отступление ее от христианства; страшные бóрьбы и скорби, возвращение всею душою в лоно Церкви...»²⁸

Бочков, оставив малолетнего сына тестю,²⁹ решает удалиться в монастырь. Однако его представления об истинном монашестве находились в явном противоречии с реальной практикой тогдашней монастырской жизни в России. «Ему, вследствие его слишком идеальных понятий о монашеской жизни, никак не удавалось открыть для постоянного пребывания такой монастырь, который бы вполне удо-

²⁶ *Ивановский А. А.* Александр Сергеевич Пушкин. С. 395.

²⁷ *РСт.* 1889. № 2. С. 378.

²⁸ Письмо к монахине Марии от 31 мая — 1 июня 1867 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 8. См. с. 250 наст. изд.

²⁹ Судьба единственного сына, Петра, еще одна трагическая страница в жизни Бочкова, за которую его осуждали некоторые из современников, в частности Чумиков. Петр Бочков, материально прекрасно обеспеченный, стал вести беспутную жизнь, транжирить деньги в Париже, позже тяжело заболел и умер после 8-летних тяжких страданий (см. письмо Бочкова к М. А. Башуцкой от 25 <февраля> 1869 г. — ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 14).

влетворял его желаниям, и ⟨...⟩ по этой причине он перебивал в нескольких (вернее было бы сказать — во многих. — С. И.) монастырях», — писал Чумиков.³⁰ На это указывают и другие современники. «Долго присматривался он к монашеской жизни и к монастырскому строю, живя то в той, то в другой обители, но никуда еще не вступая, а пребывая везде как гость и богомолец. Он искренно любил монашество и составил себе о нем понятие по сказанию древних подвижников, а потому и не находил нигде осуществления созданного его мыслию первообраза».³¹

Эти обстоятельства нашли выражение в дневнике Бочкова: «Восстановление монашества, благолепия церковного и внутренних светильников — вот что бы видеть хотел я до кончины моей: мантиями покрытых ангелов и таинства неба в дольних храмах! Утреню тихую, молитвенную и полудень светлый, св(ятую) Литургию и вечер церковный, покаянный, умиленный, не грешный. И паки исшествие на глас Жениха, и паки уготовление ко гробу. Как вещественные занятия и попечения о теле отторгают человека от храмов Божиих! Нельзя ли и самое малое дело освятить молитвою, молчанием, умным деланием? Об этом пеклись преподобные отцы наши. За молитвы их, Господи, помилуй, вразуми, исправи и спаси мя, грешного!»³²

Нет ничего удивительного, что странствия Бочкова по монастырям продолжались и после того, как он уже встал на стезю монашества. Когда же это произошло? Первый его биограф утверждал, что такие

³⁰ РСт. 1889. № 2. С. 378.

³¹ ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. III.

³² Там же. С. III—IV.

«хождения» по монастырям начались с 1828 года.³³ Эта дата вызывает некоторые сомнения. Ведь сам Бочков обычно указывал на середину 1830-х годов, когда он порвал с мирской жизнью, перестал писать стихи и даже читать журналы.³⁴ Но, возможно, и до этого он посещал какие-то монастыри в поисках душевного успокоения.

Окончательно же Бочков вступил на монастырскую стезю в 1837 году, когда стал послушником Троице-Сергиевой пустыни близ Петергофа, где наместником в то время был архимандрит (позже епископ) Игнатий (Брянчанинов; 1802–1867).³⁵ Именно его Бочков считал своим «духовным отцом и первым наставником в монашеской жизни».³⁶ Рассказав в одном письме о блужданиях своего духа, Бочков отмечал: «И потом, как конфирмация после кроваво-сердечного Крещения, как помазание Святого Духа — знакомство с Пр(еосвященным) Игнатием и св. отцами, до того мне вовсе неизвестными».³⁷ История взаимоотношений Антония с Игнатием (Брянчаниновым), с которым он позже долго находился в переписке, — это увлекательнейшая история многолетнего общения двух оригинальных личностей. Бочков чрезвычайно высоко ценил богословские и аскетические труды о. Игнатия, считал его лучшим духовным писателем современности, но, вместе с тем, не

³³ ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. III.

³⁴ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1 об. Ср.: Там же. Сигн. 3577. Л. 79 об.

³⁵ См. о нем: *Здравомыслов К. Игнатий* // Православная Богословская энциклопедия. СПб., 1904. Т. V. С. 797–799.

³⁶ Письмо к Новгородскому и Петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому) от 13 марта 1861 г. // *Переписка*. С. 529.

³⁷ Письмо к монахине Марии от 31 мая — 1 июня 1867 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 8. См. с. 250–251 наст. изд.

принимал некоторые черты его личности и упрекал за неумение и, как ему казалось, нежелание навести порядок в управляемом монастыре.³⁸

В свое время епископ Игнатий начинал свой монашеский путь как ученик знаменитого оптинского старца Леонида, сопровождая своего наставника в странствиях из Александро-Свирского монастыря в Площанскую, а затем в Оптину пустынь.³⁹ В своих богословских трудах, в частности в знаменитых «Аскетических опытах», он весьма высоко отзывался об оптинских старцах Леониде и Макарии, ставя их в пример истинного монашеского жития.⁴⁰

Можно предполагать, что именно о. Игнатий привлек внимание Бочкова к Оптиной пустыни и ее старцам. В «Летописи скита Оптиной пустыни» под 1838 годом сказано: «В июне месяце 14-го числа прибыл в скит из С.-Петербургской Сергиевой первоклассной пустыни проездом из Киева рясофорный монах Алексей Поликарпович Бочков (...). Расположился духом к скитской жизни и, съездивши в С.-П(етербург), жил в скиту при келлии скитского начальника иеромонаха Антония. Весною 1839-го

³⁸ Черновик письма к неустановленному лицу (1860-е гг.) // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 78–79. См. также с. 251–254 наст. изд.

³⁹ См.: А. Г. Предисловие // Письма Игнатия Брянчанинова, Епископа Кавказского и Черноморского, к Антонию Бочкову, Игумену Черемнецкому. М., 1875. С. II–III; Домашняя беседа. 1867. № 24. С. 661–663. О пребывании Брянчанинова в Оптиной пустыни см.: РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 20–20 об.

⁴⁰ *Игнатий Брянчанинов, еп.* Сочинения. СПб., 1865. Т. I: Аскетические опыты. С. 535–536, 542–543, 545. Правда, в частной переписке 1860-х годов отношение свт. Игнатия к Оптиной пустыни становится более критическим (см.: *Переписка*. С. 547).

года перешел по своему желанию в обитель и трудился в послушаниях обще с братиею; а в июне того же 1839 поехал в Калужскую Тихонову пустынь с старцем иеросхимонахом Львом,⁴¹ в которой и остался на жительство; но вскоре и оттуда выбыл в другую обитель в Северной России».⁴²

В Оптиной пустыни Бочков стал учеником о. Леонида. В какую именно северорусскую обитель отправился он из Тихоновой пустыни, о которой, между прочим, всегда отзывался высоко, ставя ее не ниже Оптиной,⁴³ неизвестно. По крайней мере, с 5 сентября 1840 по 27 февраля 1841 года Бочков вновь проживал в Троице-Сергиевой пустыни.⁴⁴ Имеется не очень ясное свидетельство о том, что зимой 1841 года он опять побывал в Оптиной (см. сообщение в его воспоминаниях об о. Леониде, что зимой 1841 года он уехал из Козельска, близ которого, как известно, расположена пустынь).⁴⁵ Однако это посещение «Скитской летописью» не отмечено. Вообще же в эти годы Бочков посещал многие монастыри, но наи-

⁴¹ К этому месту в «Летописи» сделано примечание: «Старец Лев (Леонид), по поступлении в Тихонову пустынь ученика его, иеромонаха Терентия, строителем, ежегодно посещал его с учениками для утверждения в духовных подвигах и, побыв около месяца, возвращался в Оптину».

⁴² РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 32.

⁴³ См. его труд по истории монашества (без заглавия): РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 12.

⁴⁴ Свидетельство, выданное Троице-Сергиевым монастырем... // Там же. Ед. хр. 1. Л. 1.

⁴⁵ (Леонид (Кавелин), иером.). Историческое описание скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1862. С. 118.

большее значение для него, без сомнения, имело пребывание у о. Леонида в Оптиной пустыни.

О. Леонид, как и его наставник о. Феодор и другой его собрат по монашеству о. Клеопа, остались на всю жизнь для Бочкова образцом и примерами; он называл их великими старцами своего времени.⁴⁶ Причем, Бочков, по-видимому, стал одним из близких учеников о. Леонида. Он участвовал в утренних (фактически ночных) чтениях Евангелия в скиту у о. Леонида.⁴⁷ Старец ответил на 14 вопросов Бочкова; позже как вопросы, так и ответы на них о. Леонида были напечатаны.⁴⁸ Оптинский подвижник, шутя, называл Бочкова «последним римлянином», ведь он иногда высказывался в том духе, что мы переживаем последние времена монашества, которое падает из-за тех же причин, которыми доведена была до падения и Римская Империя — из-за роскоши, изнеженности и человекоугодия.⁴⁹ К этим утверждениям Бочков неоднократно возвращался и позже.

После смерти о. Леонида Бочков взялся составить его жизнеописание. Не полагаясь на память, он тщательно собирал материалы об о. Леониде и, в частности, записал в Петербурге весьма интересные воспо-

⁴⁶ Послесловие к поэме «Живой плач» // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 98.

⁴⁷ *Климент (Зедергольм), иером.*. Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). М., 1876. С. 99. (По современному данным, автором этой книги был архим. Леонид (Кавелин), одноименный же труд иером. Климента впервые был издан уже посмертно: Одесса, 1890. Впрочем, оба автора пользовались одними и теми же источниками из оптинского архива. Далее оставляем принятую С. Г. Исаковым атрибуцию — *Ред.*)

⁴⁸ Там же. С. 211–217.

⁴⁹ Там же. С. 101.

минания архимандрита Иосифа о пребывании о. Леонида и о. Феодора на Валааме и в Александро-Свирском монастыре.⁵⁰ Эти сведения затем повторялись во всех биографических очерках о старце Леониде. Однако Бочков не довел свой труд до конца, хотя дважды принимался за него. Его записками позже воспользовались биограф старца Леонида иеромонах Климент (Зедергольм) и автор описания Иоанно-Предтеченского скита ученый монах Леонид (Кавелин). В их книгах приведены обширные отрывки из этих записок, в частности, описание кельи, учеников и окружения старца в скиту.⁵¹ Записки Бочкова — своеобразный очерк личности и деяний оптинского подвижника. Судя по сохранившимся отрывкам, о. Леонид, его образ жизни, его речи произвели сильное впечатление на Бочкова и, вероятно, сыграли важнейшую роль в дальнейшей его судьбе. «Я скажу еще об одном особенном свойстве о. Леонида, — писал Бочков, — в его присутствии многие ощущали внутренний мир, успокоение сердечное и радость. Те помыслы, которые казались страшными, неодолимыми и непрестанно тревожили, исчезали при нем, как будто их никогда и не было. Это всего лучше известно монашествующим, страдавшим сими духовными болезнями, мало известными миру.

О. Леонид для многих был живая книга. Учил делом — что более всего действует на наши чувства и нас убеждает. Учил и словом — как понимать слово евангельское, как приводить его в исполнение

⁵⁰ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–14 об.

⁵¹ См. *Климент (Зедергольм), иером.*. Жизнеописание оптинского старца... С. I—II, 37–38 и др.; *Леонид (Кавелин), иером.*. Историческое описание скита... С. 110–121.

и как врачевать им наши немощи».⁵² Во всем этом чувствуется нечто очень личное, пережитое и испытанное самим Бочковым.

О старце Леониде Бочков впоследствии неоднократно вспоминал и в своих письмах,⁵³ и в сочинениях на духовные темы.⁵⁴ «Подобным быть» о Леониду «было бы великою милостию Господа и Бога нашего», — признавался он монахине Марии в письме от 8 апреля 1864 года.⁵⁵ Бочков посвятил оптинскому подвижнику стихотворение «Памяти отца Леонида» (другое название — «Плач на гробе отца»⁵⁶), в котором создает яркий образ старца, рисует вполне достоверную картину его жизненной судьбы, его злоключений и преследований.

Сложивши иго тяжкого правленья,
Ты иго послушанья возложил;
Оставя явное богослуженье, —
Ты явно человечеству служил.
Я помню твои кроткие советы
И власть твою над сердцем и умом;
И как легко было давать обеты,
Когда ты был порукой пред Творцом.
И как легко тогда было спасенье,
Когда ты путь указывал детям:
Путь послушания, любви, терпенья —

⁵² *Леонид (Кавелин), иером.*. Историческое описание скита... С. 117.

⁵³ См. письма к монахине Марии от 8 апреля 1864 г. и от 16 февраля 1865 г.: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1 об., 110–110 об.

⁵⁴ См. труд по истории монашества (без заглавия): РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 12, 15 об.

⁵⁵ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1 об.; *Письма игумена Антония*. С. 350.

⁵⁶ Под таким заглавием оно приведено в списке «Летописи скита Оптиной Пустыни за 1852–1860 гг.», где снабжено обширным предисловием в стихах и датировано 21 марта 1852 г. (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 19 об.).

Ты сам прошел по серным сим стезям.
Ты не носил личины фарисейства,
Открыт и прост и сердцем, и лицом;
Ты шутками учил твое семейство,
И дети были веселы с отцом.⁵⁷

Бочков и после кончины старца Леонида не раз бывал в Оптиной. Четыре месяца — с 11 июня по 11 октября — он прожил здесь в 1845 году, причем, как указывается в «Летописи скита Оптиной пустыни», «нарочито отложил выезд», несмотря на требование архиепископа Полтавского Гедеона (Вишневого).⁵⁸ Бочков вновь прибыл в скит Оптиной пустыни 30 августа 1847 года, возвращаясь из Иерусалима. В начале сентября он вместе со старцем Макарием и монахом Петром (Григоровым) навещает И. В. Киреевского в его имении Долбино близ Белева. И только 19 сентября, опять же вместе с о. Макарием, Бочков через Тихонову пустынь отправляется в Малоярославецкий монастырь,⁵⁹ где в ту пору игуменом был о. Антоний, с которым иногда смешивали Бочкова, также нареченного в монашестве Антонием.⁶⁰ В Оптиной Бочков встретился с сосланным сюда за резкое обличение властей валаамским игуменом Варлаамом.⁶¹

⁵⁷ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 110.

⁵⁸ РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 56 об., 61. См. также: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.

⁵⁹ РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 94–94 об.

⁶⁰ В частности, Н. К. Пиксанов приписал А. П. Бочкову книгу «Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Мало-Ярославецкого Николаевского монастыря» (М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1869). См.: *Пиксанов Н. К. А. С. Грибоедов и А. А. Бестужев*. СПб., 1907. С. 9.

⁶¹ См. <Вариант статьи о русском монашестве, ответ газете «День» (1865)> // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 28.

К великим старцам своего времени Бочков относил и ученика старца Леонида Макария, с которым познакомился и близко сошелся в свои приезды в Оптиную пустынь. Именно ему Бочков прислал в 1852 году цитированное выше стихотворение, посвященное о. Леониду.⁶² Впоследствии он переписывался со старцем. Единственное опубликованное письмо о. Макария к иеромонаху Антонию от 7 ноября 1859 года свидетельствует о том, что последний все время поддерживал связи с Оптиной пустынью и у него был широкий круг знакомств среди оптинских монахов.⁶³ Бочков высоко ценил не только личность и образ жизни старца Макария, но и его письма, как образец прекрасной духовной литературы.⁶⁴ В письме к Сергию, прозванному Святогорцем (в миру Семен Авдиевич Веснин; 1814–1853), с которым Бочков находился в оживленной переписке, он утверждал, что «после о. Макария не останется старцев».⁶⁵ Заметим, что Бочков написал предисловие к публикации писем Святогорца.⁶⁶

Вообще Оптина в представлении Бочкова была ближе всего к образцу истинной обители.⁶⁷ И все же столь свойственный ему дух критицизма, вернее — сверхкритицизма, и вечной неудовлетворенности существующим, реальным приводили его (как, впрочем, и Игнатия Брянчанинова, и Сергия Святогорца) в 1850-е — 1860-е годы к убеждению, что и Оптина

⁶² РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 13 об.—14.

⁶³ ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 252–253.

⁶⁴ (Дополнение к статье о русском монашестве) // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2 об.

⁶⁵ ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 247.

⁶⁶ Там же. С. 234–235.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 12, 27 об.

пустынь тоже далека от идеала, что и в ней много «внешнего», что Пустынь начинает «сдавать», «красоваться». «Желал бы я видеть где-либо настоящее скитское устройство, хотя эта христианская практическая философия: познание своей греховности и целение своей души, — не прививается к нам, русским, — писал Бочков в работе, относящейся к 1860-м годам. — К тому же монастыри с прославленною святостью: с иконами, с мощами, — привлекают мирских; и обитель безмолвия делается сначала молебным местом, потом ярмонкою. Цель скита совсем другая, но и в Оптиной пустыни — барыни, цветочки, нотное пение — дали какой-то особенный вид пустынному прекрасному просёку. Он стал некоею выставкою оленей за забором ⟨...⟩ Если туда забралась суета, то где искать идеального скита?»⁶⁸ Эти критические высказывания, конечно, объясняются особенностями натуры Антония, о которых у нас еще пойдет речь.

Но вернемся к монашескому пути Бочкова. Если верить его первому биографу, то до 1844 года он в основном проживал в Сергиевой пустыни,⁶⁹ хотя часто и в других монастырях, а также и в Петербурге у сына и тестя. В мае 1844 года Бочков был по собственному желанию переведен в Троицкий Густынский монастырь Полтавской епархии, близ города Прилуки, но он там только числился, в действительности же находился при епископе (позже архиепископе) Полтавском Гедеоне (Вишневском), к нему весьма благоволившем. В конце 1844 года Бочков был пострижен Преосвященным Гедеоном в монахи

⁶⁸ Там же. Л. 36.

⁶⁹ ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. IV.

с наречением ему имени Антоний.⁷⁰ Вскоре после этого он стал иеродиаконом и сразу же вслед за тем иеромонахом. 5 ноября того же года Бочков начал вести дневник. И, как пишет биограф, многое о Антонию не нравилось «в среде, его окружавшей, где столько разнородных личностей приходит в общение, правильнее сказать, в столкновение друг с другом (...). Отец Антоний и по пострижении своем, как и прежде, все еще не мог найти для себя желаемого и переходил из монастыря в монастырь».⁷¹ По-видимому, в 1845 или 1846 году Бочков переходит в небольшой заштатный Старо-Ладожский Николаевский монастырь,⁷² расположенный в Старой Ладоге на левом берегу Волхова и, согласно преданию, основанный еще в XIII веке в честь победы Александра Невского над шведами.⁷³ В 1851 году в Старой Ладоге после 15-летнего перерыва Бочков вновь начинает писать стихи.⁷⁴ В декабре 1852 года он становится духовником Старо-Ладожского монастыря.⁷⁵ Вскоре после этого о. Антоний переходит в Тихвин-

⁷⁰ В честь преп. Антония Сийского (память 7/20 декабря).

⁷¹ Там же. С. VI.

⁷² Староладожский Николаевский монастырь. СПб., 1862. С. 35.

⁷³ См. о нем: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. Вып. 2. С. 81–102. Среди жертвователей на монастырь мы видим сына и тестя Бочкова (см.: Там же. С. 102). Богатые родственники Бочкова обычно жертвовали немалые суммы на монастыри, где пребывал о. Антоний, да и он сам отдавал приютившей его обители положенный ему по наследству «пенсион».

⁷⁴ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1 об.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2–2 об.

ский Богородице-Успенский Большой монастырь,⁷⁶ но, видимо, в 1857 году возвращается в Старо-Ладожскую обитель.⁷⁷

В эти же годы Бочков совершает паломничества, в Святую Землю, посещает Афон. Датировка этих путешествий не совсем ясна. О. М. Бодянский датировал их 1847–1848, 1852 и 1857 годами.⁷⁸ «Летопись Оптиной пустыни» уточняет: Бочков был в Палестине в 1846–1847 годах.⁷⁹ Вероятно, именно этими годами надо датировать первое путешествие о. Антония в Святую Землю. Не бесспорна и вторая, как, впрочем, и третья дата. Из письма Сергия Святогорца к Бочкову от 20 декабря 1851 года как будто явствует, что он по пути из Палестины домой посетил Афон в 1851 году.⁸⁰ С другой стороны, сохранилось свидетельство о том, что летом 1852 года о. Антоний отправился на Афон.⁸¹ В июне 1857 года он ходатайствовал о разрешении поехать на год в Святую Землю и на Афон и просил выдать ему и его спутникам «паспорта в Иерусалим чрез Одессу и обратно чрез Италию и Австрию для удобнейшего возвращения по европейским путям».⁸² Из стихов и поэм о. Антония следует, что он действительно побывал в Италии. Но если это так, то путешествие надо датировать 1857–1858 годами.

⁷⁶ См. о нем: Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого монастыря, состоящего в Новгородской епархии, в городе Тихвине. СПб., 1859.

⁷⁷ ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. VI.

⁷⁸ Там же. С. IX.

⁷⁹ РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 94.

⁸⁰ ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 236.

⁸¹ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3.

⁸² Там же. Ед. хр. 3. Л. 4.

Впечатления от паломничества в Палестину дали Бочкову материал для единственной появившейся в печати его книги — «Русские поклонники в Иерусалиме», написанной еще в 1850-е годы, но опубликованной уже посмертно — сначала в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1874. Кн. 4), а затем, в 1875 году, и отдельно в издании того же Общества. «Простота и прелесть рассказа, теплота чувств и искреннее благочестивое настроение духа очаровывают читателя его повествований как о случившемся на море, так и о виденном им на материке Святой Земли, — писал о книге Бочкова редактор «Чтений...» О. М. Бодянский. — Внимая его рассказу, кажется, как бы сам присутствуешь при том, видишь своими глазами, слышишь своими ушами, идешь с ним же и его спутниками. Такова-то сила всякой естественности, прямоты и правды, чарующая сила простоты сердца, духа и слова!»⁸³ Книга помимо прочего интересна многочисленными этнографическими картинками и бытовыми подробностями жизни простых русских паломников, причем Бочков не скрывает и ее темных сторон. Книга Бочкова «Русские поклонники в Иерусалиме», наряду с книгами А. Н. Муравьева и А. С. Норова, достойна занять заметное место в обзорах русских «путешествий» в Святую Землю.

В эти годы, кроме Афона, который произвел на Бочкова сильное впечатление и где у него установились дружеские связи с иноком Сергием Святогорцем, он посещает и другие монастыри. В 1850 году о. Антоний побывал на Валааме, где встретился со

⁸³ ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. IX.

знаменитым юродивым Антоном Ивановичем Зиновьевым, которому позже посвятил поэму.⁸⁴ Все эти путешествия объясняются всё той же неудовлетворенностью Бочкова существующим укладом монастырской жизни и поисками «идеальной» обители. Как правило, эти поиски кончались новыми разочарованиями и убеждением, что «в России нет нигде места монаху».⁸⁵ Продолжая эту тему в следующем письме к монахине Марии, о. Антоний размышлял: «Если б я знал, что меня ожидает, то 40 лет тому назад пошел бы иною дорогою. Но теперь уже невозможно обратиться совершенно на путь Христов...»⁸⁶ Бочков приходит к выводу, что монастыри и монашество в их современном виде исчерпали себя и движутся к неминуемой гибели. И в этом убеждении он не был одинок — приблизительно к такому же выводу пришел и епископ Игнатий.⁸⁷

Эти пессимистические выводы были обусловлены прежде всего действительностью тогдашней российской монастырской жизни. Но известную роль тут сыграли и особенности природы о. Антония, человека болезненно-впечатлительного, мягкого, мечтательного, все близко принимавшего к сердцу. Архимандрит Пимен (Мясников), так характеризовал Бочкова: «О. игумен Антоний был человек весьма тихого и кроткого характера, и с ним было бы жить весьма легко, ежели бы он сам имел поболее силы воли и не

⁸⁴ См.: Послесловие к поэме «Живой плач» // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 98.

⁸⁵ Письмо к монахине Марии от 4 декабря 1864 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 79; *Письма игумена Антония*. С. 407.

⁸⁶ Письмо от 5 декабря 1864 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 80 об.; *Письма игумена Антония*. С. 409.

⁸⁷ См.: *Переписка*. С. 533–534, 539–540, 543, 547–549.

так легко смущался, иногда весьма ничтожными обстоятельствами. Он был человек от природы весьма умный, начитанный, имел обширную память, был приятный собеседник, человек воздержанный и любивший монашество (но мечтавший о невозможном, то есть о совершенной независимости монашества, как в первые века своего существования), и потому провел все время своего иноческого жития в отыскании несуществующего и в стремлении к недостигаемому. Один из покойных Владык новгородских выразился о нем так: „О. игумен Антоний — сосуд драгоценный, но, к сожалению, совершенно разбитый. Он желал невозможного и иногда не умел пользоваться существующим в действительности, и потому не мог нигде найти постоянного места для своего жительства, ни свыкнуться с одними и теми же людьми“». ⁸⁸ Это удачная характеристика инока-романтика, каким был о. Антоний; из нее видно, как относилась к Бочкову высшая церковная иерархия.

В 1859 году о. Антония назначили настоятелем Введенского Островского монастыря, основанного в XVI веке и расположенного в Новолadoжском уезде Петербургской губернии на реке Ояти. При вступлении в должность он обнаружил массу пропав в монастырском имуществе, о чем и сообщил начальству. ⁸⁹ В 1861 году иеромонах Антоний был возведен в сан игумена, а в 1862 году переведен настоятелем в заштатный Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь, где исполнял эту долж-

⁸⁸ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 209–210. Ср.: Голицын Н. С., кн. Иеромонах Антоний Бочков // *РСт.* 1889. № 11. С. 373.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3–3 об.

ность до января 1868 года.⁹⁰ До апреля 1871 года он оставался в Черемнецкой обители на покое, но вследствие конфликтов со своим преемником был вынужден покинуть ее.⁹¹

Большая часть дошедших до нас произведений о. Антония относится именно к черемнецкому периоду его жизни. По-видимому, именно здесь сложились наиболее благоприятные условия для его творческой деятельности, почему этот период и оказался столь продуктивным.

Черемнецкий монастырь находился в Лужском уезде Петербургской губернии, в 20 верстах от города Луги, на острове Черемнецкого озера. Точная дата основания монастыря неизвестна, но в XV веке он уже существовал. Основание его связано с чудесным явлением иконы Иоанна Богослова, которая находилась в соборном храме монастыря. Обитель располагается среди красивой природы. Бочков в своем очерке, посвященном Черемнецкому монастырю, так его описывал: «Как нарочно для храма святого евангелиста Иоанна Богослова кинут небольшой островок на самую середину озера, осененный великолепными дубами, липами, вязами, кленами и неизбежными нашими березами. Из густоты деревьев белеется только тоненькая, осмигранная колокольня и чуть-чуть видны главы собора; стены, кельи — все потонуло в зелени... Сероватые стенки булыжного камня; крыши низменных деревянных зданий, крытые черным толем; кельи, притаившиеся у подошвы

⁹⁰ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 253–254. Приводимые в биографических очерках в ЧОИДР (1874. Кн. 4. С. VI) и в словаре «Русские писатели» (Т. 1. С. 323) даты ошибочны.

⁹¹ Воспоминания архимандрита Пимена... С. 209.

холма, — все сливается с роскошною, густою зеленью. Один только храм святого апостола господствует над всем, белея на высоком холме, природном своем пьедестале, и привлекая к себе внимание благочестивого поклонника...

Черемнецкий монастырь доселе богат одними видами ⟨...⟩ а собственно монастырь, содержимый в порядке, имеющий около сорока человек живущих (правда, среди них было только 8 монахов.⁹² — С. И.), — есть самый бедный и последний во всей Петербургской епархии». ⁹³

Обитель в 1862 году, по словам архимандрита Пимена, «была в крайнем упадке». ⁹⁴ О. Антоний обновил и благоустроил монастырь: при нем был поновлен собор, построены каменный братский корпус и гостиница, а также ряд хозяйственных строений, добавлена часть каменной ограды. ⁹⁵ «Но главного, внутреннего порядка, — вспоминал о. Пимен, — он не мог вполне достигнуть по своей чрезмерной доброте и доверчивости; он не имел людей, которые бы ему были преданы, а те, на которых он полагался, во зло употребляли его благорасположение. Чувствуя

⁹² См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 252.

⁹³ И. А. ⟨Антоний (Бочков), игумен⟩. Черемнецкий Богословский монастырь // Домашняя беседа. 1866. № 7. С. 187. И. А. — криптоним А. Бочкова, неотмеченный у И. Ф. Масанова и расшифровываемый как «Инок Антоний» или «Игумен Антоний». Принадлежность очерка перу о. Антония сомнению не подлежит, поскольку в архиве Бочкова сохранился его рукописный вариант (см.: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 83–84 об.).

⁹⁴ Воспоминания архимандрита Пимена... С. 209.

⁹⁵ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 2. С. 249–250.

свою несостоятельность в деле правления, он тяготился настоятельством и по прошествии небольшого времени стал проситься на покой».⁹⁶ К тому же Бочков стал сдавать физически. 1 марта 1865 года он писал монахине Марии: «Здоровье мое плохо, лучше сказать, состав мой постепенно разрушается: ноги не могут выстаивать долго; зубы начали покачиваться (...). При первой напряженности все силы исчезают».⁹⁷

В Черемнецком монастыре Бочков вел оживленную переписку с монахиней Марией, с епископом Игнатием, с Н. П. Киреевской, общался с писателем А. П. Башуцким, читал многие журналы и газеты, следил за современной литературой (о чем свидетельствуют его письма к монахине Марии), кое-что печатал в «Домашней беседе» В. И. Аскоченского, с которым поддерживал личные связи, хотя его и не любил.⁹⁸ Сохранились свидетельства современников, посещавших Черемнецкий монастырь: о. Антоний и в эти годы поражал людей своим умом, образованностью, эрудицией, красивой внешностью, «любезным обхождением» и своими «идеальными понятиями об истинном иночестве».⁹⁹

В апреле 1871 года Бочков переходит в Николаевский Угрешский монастырь под начало архимандрита Пимена (Мясникова). Этот старинный монастырь (основан во второй половине XIV века Димитрием

⁹⁶ Воспоминания архимандрита Пимена. С. 209.

⁹⁷ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1б об.

⁹⁸ См. отзывы о В. И. Аскоченском в письмах к монахине Марии (Там же. Л. 88, 92 об.-93; *Письма игумена Антония*. С. 324–325, 330).

⁹⁹ *Голицын Н. С., кн. Иеромонах Антоний Бочков*. С. 373. Ср. отзыв Чумикова: *РСт*. 1889. № 2. С. 380.

Донским на месте, где ему явилась перед походом на Мамая икона святителя Николая) расположен невдалеке от Москвы.¹⁰⁰ О. Антоний поселился в скиту. Сохранилось выразительное описание внешнего облика Бочкова в период его жительства в Угрешском монастыре, сделанное его биографом, собратом по скиту, Дмитрием Благово:¹⁰¹ «Не правда ли, что эта голова чисто *античной красоты*, как говорят художники, и могла бы служить *типом* для изображения апостола? Вглядитесь в это высокое чело: сколько величия, спокойствия и богомыслия прочтаете вы на нем! Какая глубина и кротость во взгляде! Как прекрасен профиль! Как в целом все черты одна другой соответственны! Весьма немного, редко случается встречать такие *идеально-прекрасные и художественно-правильные* старческие обличия!»¹⁰²

Мы подошли к трагическому финалу жизненной судьбы о. Антония и, вместе с тем, к ее самой героической странице, запечатлевшейся в памяти многих современников. В 1871 году московское епархиальное начальство предложило монастырям направить в московские больницы иеромонахов для отправления треб. Некоторые из монастырей уклонились от этого дела,¹⁰³ тем более, что как раз в это время в Мо-

¹⁰⁰ См. о нем: Воспоминания архимандрита Пимена... С. 270–281; Исторический очерк Николо-Угрешского мужского монастыря. М., 1872.

¹⁰¹ Об архим. Пимене (Благово) — в то время послушнике Дмитрии — игумен Антоний упоминает в письме к М. А. Башуцкой от 25 апреля 1871 г., где характеризует его следующим образом: «...добрый товарищ; московский дворянин, знающий многие языки (...) человек голубиного характера и еще стихотворец» (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 34).

¹⁰² ЧОИДР. 1874. Кн. 4. С. I—II.

¹⁰³ См.: Воспоминания архимандрита Пимена... С. 206–207.

скве вспыхнула эпидемия тифа. О. Антоний одним из первых горячо откликнулся на призыв и в январе 1872 года добровольно отправился в отделение для чернорабочих Старой Екатерининской больницы, хотя настоятель всячески отговаривал его от этого шага, представляя ему, что «идти на призыв в Москву — значило идти почти на смерть». Но о. Антоний «с мужеством и твердостью настоял на своем решении (...). Едва прибыв туда, в Екатерининскую больницу, он сразу же приступил к исправлению духовных треб для всех больных и умиравших от тифа, исправлял их ежедневно, еженощно, почти ежедневно, не имея при этом почти ни минуты покоя, отчего, конечно, истомился, ослабел, получил расположение к заразе, заразился и слег в постель».¹⁰⁴ О. Антоний, не ограничиваясь лишь совершением треб, читал больным чернорабочим книги, наставлял их на путь истины.¹⁰⁵ О себе он говорил, «что во всю свою жизнь никогда не пользовался таким здоровьем и не был так покоен духом, как в это время».¹⁰⁶ Однако болезнь взяла свое. Архимандрит Пимен хотел увезти больного обратно в монастырь, но тот отказался и лишь просил похоронить его в скиту Николо-Угрешского монастыря.

Игумен Антоний скончался в больнице 5 апреля 1872 года, как пишет Н. С. Голицын, пожертвовав «собою и своею жизнью на благо страдавшей и умиравшей меньшей братии своей».¹⁰⁷ Похоронили его

¹⁰⁴ Голицын Н. С., кн. Иеромонах Антоний Бочков. С. 373.

¹⁰⁵ См. об этом в письме к М. А. Башуцкой от 25 января 1872 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 16–17 об.).

¹⁰⁶ (Леонид (Кавелин), иером.). Историческое описание скита... С. 218.

¹⁰⁷ Голицын Н. С., кн. Иеромонах Антоний Бочков. С. 374.

в скиту Николо-Угрешского монастыря, который так пришелся ему по сердцу.

Нам осталось охарактеризовать мироощущение, литературные воззрения и творчество позднего Бочкова.

В 1860-е годы это личность в высшей степени сложная, даже противоречивая и в то же время весьма любопытная. В это время для мироощущения Бочкова характерна глубокая неудовлетворенность современным миром, современной цивилизацией в целом — в них он видит один сплошной хаос, новый Вавилон. Его в равной мере не устраивает и современная западная цивилизация, и положение России. Картины современной цивилизации окрашиваются у него в апокалиптические тона. Вот, например, его строки о России: «Со времен Романовых она, как тело, росла, ширела, боролась с болезнями внутренними и с наружными, а в наше время все соки уже истощены, все пришло в брожение, близкое к гноению и разложению». О. Антоний находит, что в России все плохо: появились «партии», множится число нигилистов, дворянство и купечество разлагается, крестьяне пьянствуют. «Все напряжено так, что котел уже кипит, а между тем подбрасывается непрестанно к нему горючих материалов». Подобное, по мнению Бочкова, уже было в Европе перед 1848 годом. Со всем этим связано и удаление от религии в обществе. Опыта Западной Европы и Америки Бочков также не приемлет. «Поэтому *я так полагаю* — конец близок», — писал он в середине 1860-х годов.¹⁰⁸ «Для России я не предвижу ничего доброго

¹⁰⁸ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 106–109 об. См. также размышление обобщающего характера в письме к свт. Игнатию (Брянчанинову) от 15 июля 1862 г.: «...Все связи и опоры челове-

от общего ослабления нравов, от обеднения крестьян, от вырубки лесов, от расстройств финансов, от огромных окладов высших сановников (...). Народ еще многого не знает, что делается в высших сферах: когда узнает — будет худо», — рассуждал Бочков в письмах к монахине Марии.¹⁰⁹

В эту картину всеобщего разложения органически входят и современные монастыри, и современное монашество, да, пожалуй, и современная Православная церковь в целом. Антоний, как и епископ Игнатий, взгляды которого он полностью разделял, были исключительно резкими и суровыми критиками современных монастырских порядков и монашеских нравов.¹¹⁰

«Окидывая и умом, и глазами и Восток, и Россию, приходишь к тому убеждению, что правильное монашество сошло с лица земли», — писал Бочков 9 мая 1864 г.¹¹¹ «Монашество в последние 150 лет вслед-

ского общества разрываются и падают, не представляя ничего в будущем, чем заменить разрушающееся; надобно с часу на час ждать развязок, разгадок этих человеческих драм, этих длинных историй, которые сочинялись мимо Господа, Творца всяческих. Все политические и финансовые склейки раскалываются в прах; ум человеческий, никогда еще столько не напряженный, утомлен до невозможности, соображая прошедшее и вперяясь во все телескопы во мрак будущего: повсюду тьма для правдивого философа. А между тем опьяненные XIX веком и его открытиями, обманутые ложным прогрессом легкомысленные юноши и старики, еще более презренные, вопиют о всеобщих надеждах и будущих завоеваниях науки! Какое-то бесовское восхищение, какой-то сатанинский праздник повсюду. Есть чему радоваться врагу человеческого рода!» (*Переписка*. С. 542–543).

¹⁰⁹ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 145 об. (письмо конца марта 1868 г.).

¹¹⁰ См. примеч. 87.

¹¹¹ Там же. Л. 27 об. *Письма игумена Антония*. С. 356.

ствии разных обстоятельств сделалось чиновничеством, не более; цель чисто мирская: возвышение, обогащение, *position sociale*¹¹²», — отмечал он в другом месте.¹¹³ Эта критика переносилась и на все современное Православие: «...наше православное „христианство“, по моему слабому и темному взгляду, по букве обветшало. Но предсказано ли обновление наше? Может ли переформироваться Соборами и веками установленное здание? Если нет, то времена близки (<...>). Человечество чаёт своего Избавителя; мы, православные, — Страшного Судию».¹¹⁴

При всей резкости критики Бочковым современных монастырей и монашества важно отметить, что он не выступал против монастырей и монашества вообще. Он лишь считал, что надо очистить монастыри от всего им чуждого, освободить от навязчивой опеки свыше, от ненужной регламентации всех сторон их жизни; надо вернуться к древним отеческим традициям монашеской жизни. Правда, зачастую о. Антоний сомневался в том, что это еще возможно, но все же иногда мелькает у него и иная мысль: «Россия глубоко в тайниках земли своей хранит источники благочестия и любви к монашеству; при первом ее потрясении они пробиваются и бьют столбом, как вода артезианского колодца или кавказские потоки (<...>). Рано или поздно при потрясении царства мы вспомним нам врожденное Право-

¹¹² Общественное положение (*франц.*).

¹¹³ Записка о монашеской жизни (без заглавия) // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

¹¹⁴ Письмо свт. Игнатию Брянчанинову 1861 г. (*Переписка*. С. 533). Ср. в статье «Душа русского во второй половине 1855-го года» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3).

славие и, конечно, не около воскресных школ и академий соберется народ русский».¹¹⁵

Критика Бочковым современных порядков, в том числе монашеских и церковных, ведется, конечно, с консервативных позиций. Он не приемлет технический прогресс, недоволен отменой предварительной цензуры,¹¹⁶ не в восторге даже от отмены крепостного права, верноподданнически восхваляет Николая I. И в вопросах религиозных о. Антоний ориентируется на прошлое, на древнее как исконное и истинное — требует следовать старинным монашеским порядкам, древнему иконописанию, древнему церковному пению, которое он высоко ценил: вообще, Бочков считал, что момент эстетический, момент красоты в Церкви очень важен, он способствует духовному воспитанию человека.¹¹⁷

Однако при всем том позиция Бочкова не лишена и своеобразного демократизма. Для него характерна защита низов, «униженных и оскорбленных», точно так же, как и острое ощущение социальных противоречий. Критика социальных пороков в современном обществе в трудах Бочкова неизменно направлена прежде всего против «сильных мира сего», барства, тех, кто у власти, и уже во вторую очередь против «испорченности» низов. «Что это за мир, где мы живем? Это полу-ад, — писал Бочков Марии Андреевне Башуцкой (супруге А. П. Башуцкого) 25 января 1872 года, незадолго до смерти. — Люди богатые живут в сумасшествии, если сравнить их

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 13.

¹¹⁶ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 43 (письмо к монахине Марии от 20 апреля 1865 г.).

¹¹⁷ Там же. Л. 20–20 об. (письмо к М. А. Башуцкой от 27 февраля 1872 г.).

прихоти с нуждами их братьев меньших; а бедные погрязают во мраке неведения, дурных привычек и в грязи домашней. Выйти невозможно из этого состояния».¹¹⁸ Прочитав в марте 1868 года в газете «Весть», что во всех народных бедах виновато пьянство, Бочков пишет монахине Марии: «...вина не столько падает на народ, как на правителей народных. „Весть“ указывает где-то, как самый сильный аргумент, что народ мог бы и заплатить подать и сохранить остатки, если б не пропил, не знаю сколько миллионов по статистическим указаниям. А что бы ей указать, сколько пропито дворянством на „шампанском“ и на других винах, в том числе и на простой водке, сколько миллионов вывезено за границу? (...) И ныне, несмотря на крики „Вести“, не демократия у нас правит и вершит дела, а родство, связи, покровительство, побряжки своему роду и племени, начиная от Сената до последнего земского дела. Включим туда же и Синод, во всем побрякающий своей *всепоядающей* касте».¹¹⁹

Вот Бочков размышляет о расколе, и неожиданно ход его мыслей меняется: «А наше барство ничего не знает и знать не хочет. Их тянет в Париж магнитом, и туда уносятся все потовые и трудовые рубли простого народа».¹²⁰ Такого же рода демократизм замечен и в высказываниях Бочкова по вопросам литературы и в его художественных произведениях.

Как человек искренне и глубоко религиозный, Бочков видит единственный путь спасения в религии, в верности христианству, но вся беда в том, что

¹¹⁸ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 17.

¹¹⁹ Там же. Л. 145–145 об.

¹²⁰ Там же. Л. 131 об. (письмо к монахине Марии от 4 ноября 1865 г.).

«семен к возрождению христианского общества нет уже в нашей крови, в умах наших и в обычаях».¹²¹ И конечные выводы Бочкова чаще всего смыкаются с уже отмеченными апокалиптическими мотивами: конец мира — близок!

Столь же сложны и противоречивы воззрения Бочкова 1850-х — 1860-х годов на литературу. В словесности он ощущал себя архаистом, «старомодным» автором, представителем того поколения, к которому принадлежали Ф. Н. Глинка и кн. П. А. Вяземский.¹²² Его литературные симпатии и вкусы во многом определились еще в молодости, в 1820-е годы, при этом надо учесть, что эпоха та, с одновременным развитием и романтизма, и реализма, не отличалась внутренней цельностью. Это же можно сказать и о литературных взглядах Бочкова. С одной стороны, многие его поэтические декларации 1860-х годов носят откровенно романтический характер,¹²³ с другой — он чрезвычайно высоко оценивает Грибоедова и его комедию «Горе от ума», отдавая ему предпочтение даже перед Пушкиным.¹²⁴

¹²¹ Там же. Л. 108 (письмо от 6–10 мая 1866 г.).

¹²² Там же. Л. 127 об (письмо от 24 сентября 1865 г.).

¹²³ См., например, поэтическую декларацию в поэме «Успенский монастырь» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 67).

¹²⁴ Отметив, что в творчестве Пушкина он находит лишь отдельные замечательные вещи, которые, однако, все равно не достигают уровня Шекспира и Мильтона, Бочков далее пишет: «Один Грибоедов останется с маленькою своею комедиею величайшим русским гением, не парящим, но грозно держащим свое алмазное зеркало и перед Москвою, и перед нашим обществом: это всемертвящая, но великая истина, облеченная в живейшее слово поэзии, которое, как электрическая искра, проникла все и оживила все в нашей литературе. Доселе — как я писал Вам — Грибоедова еще не оценили

Бочкову внутренне близка сатирическая линия: Фонвизин — Грибоедов — Гоголь. «Вот пророки времен наших; и напрасно Гоголь устыдился своей ядовитой правды!»¹²⁵ — писал он, явно намекая на «Выбранные места из переписки с друзьями». Позиция для монаха-аскета уникальная и по-своему парадоксальная!

И все же Бочков не застыл на позициях своей молодости. С 1850-х годов он внимательно следил за новейшей русской литературой, и его суждения о ней отличаются нестандартностью, свежестью и... сочетанием трудно сочетаемого. Бочков высоко ставит духовные стихи старика Ф. Глинки,¹²⁶ ему импонируют обработки христианских легенд А. Н. Майкова,¹²⁷ круг его литературных знакомств 1860-х годов ограничивается в основном религиозными писателями — Игнатием (Брянчаниновым), А. П. Бащущким и монашествующей поэтессой Марией (Шаховой). И в то же время он горячий и неизменный поклонник поэзии Н. А. Некрасова. «Очень рад, что вы прочли Некрасова, — писал он монахине Марии. — Это поэт современный: много правды, много теплого, неподдельного чувства в его прекрасных живых стихах: он глубже проникнут народным русским горем, нежели бывшие великие поэты, не знавшие народного быта и не слышавшие этого великого стога, которым еще и доньне полна Россия. Освобожденный от неволь-

по достоинству» (ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 79 об.; *Письма игумена Антония*. С. 370). См. также в письме к монахине Марии от 8 апреля 1864 г.: Там же. С. 351.

¹²⁵ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 29 (письмо от 17 августа 1865 г.).

¹²⁶ Там же. Л. 71 об.; *Письма игумена Антония*. С. 396.

¹²⁷ Записка о деятельности архимандритов Фотия и Феодосия (черновик) // РГИА. Ф. 1680. Оп 1. Ед. хр. 8. Л. 6.

ничества и продажи крестьянин никогда не освободится от незаконного суда; горе и стон не умолкнут до Страшного пришествия Христова».¹²⁸ Одно из этических положений «Аскетических опытов» святителя Игнатия Бочков оспаривал ссылкой на... «Ари-ну, мать солдатскую» Некрасова!¹²⁹

Бочков ценит И. С. Никитина и не приемлет В. Г. Бенедиктова, который «редко извлекал слезы, пленяясь сам собою, своею блестящею, рассыпною музыкою: это не Глинка поэзии. Но богатство и блеск его созвучий в свое время изумляли многих. Никитин своею эпитафиею («Вырыта заступом яма глубокая...» — С. И.) превзошел все литературное — модное и салонное; плач его над своею могилою чистыми, верными звуками болящего сердца не литература и не сочинение, а истинная поэзия природы. Конечно, и у Никитина нет христианского вышеестественного чувства: верующий не сказал бы его бесподобных стихов; но как сын степей он запел над собою жалобным голосом горящей птицы. Но христианство доселе и не имело поэта».¹³⁰

Для Бочкова идеал — возвышенная религиозная поэзия, утверждающая великие христианские истины, однако в современной литературе ему ближе всего Некрасов и Никитин. Бочков высоко ставил романы Ф. М. Достоевского о петербургских трущобах¹³¹ — это «верная картина модного Петербурга,

¹²⁸ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 24 об.

¹²⁹ *Переписка*. С. 555–556.

¹³⁰ Письмо к монахине Марии от 9 ноября 1864 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 70; *Письма игумена Антония*. С. 394.

¹³¹ Из-за отсутствия кавычек в рукописи в понимание фрагмента из письма к монахине Марии от 24 сентября 1865 г. вкралась явная ошибка, разделяемая, кажется, всеми цити-

который, как и утроба наша, исполнен нечистотами, хотя и покрывает их кринолинами».¹³² Во всех этих утверждениях проявляется глубокий стихийный демократизм Бочкова, не противоречивший его глубокой религиозности; и в то же время его симпатии склонялись к реализму, принципам которого он часто следовал в своих собственных произведениях.

Эти литературные симпатии и антипатии Бочкова, без сомнения, оказали влияние на его собственное творчество. Оно весьма обширно и многообразно. В 1850-е — 1860-е годы Бочков писал богословские произведения, труды по истории Русской Церкви и, главным образом, по проблемам монашества и монастырской жизни, в которых он предстает резким критиком современного их состояния и борцом за возврат к древним, «исконным» началам. Пишет он и всевозможные записки автобиографического характера, мемуарные портреты деятелей Церкви.¹³³ Из-под пера Бочкова выходят также публицистические статьи с критикой внутренних порядков Российской Империи.¹³⁴ Создает он и рассказы, тематикой которых является монашеская жизнь. Наилучший из

рующими данный фрагмент. О. Антоний имел в виду, конечно, не романы Достоевского о «петербургских трущобах», а помянул рядом с романами Достоевского популярный роман В. В. Крестовского «Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных)» (1864–1867). — *Ред.*

¹³² Там же. Л. 128.

¹³³ Помимо уже упоминавшихся выше очерков жизни и деяний о. Леонида см., например, мемуарный портрет архимандрита Феофана Новоезерского (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10–11).

¹³⁴ См., например, статью «Душа русского во второй половине 1855-го года» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–4), навеянную печальными событиями Крымской войны, где Бочков

них — «Сон болящей монахини Мелании»; в основу рассказа положено описание двух снов или видений героини, построенное на контрасте: первый сон — об идеальном прекрасном монастыре, второй — о некоей страшной тюрьме.¹³⁵ Но все же основную и наиболее ценную часть творческого наследия игумена Антония составляют поэтические произведения.

Поэзия Бочкова дошла до нас далеко не полностью и в свое время не попала в печать — осталась в рукописях, как и почти все его творчество.¹³⁶ Сам о. Антоний утверждал, что своих стихов «никогда не назначал для печати»,¹³⁷ в чем можно и усомниться: в одном из писем к монахине Марии (1865) имеется указание на то, что Бочков все же посылал свои стихи в «Странник» и другие журналы, но там их отвергали.¹³⁸ Действительно, стихи Бочкова, как он сам признавался, «не в духе нашего времени» и относятся к «исключительному роду» в поэзии тех дней,¹³⁹ то есть никак не вписываются в общее русло поэзии 1860-х годов, даже в картину тогдашней духовной поэзии в той мере, в какой мы можем о ней судить по публикациям в «Домашней беседе» и в других подобных изданиях. Но тем интереснее они для нас.

утверждает, что в России «сверху блеск, снизу гниль» (Там же. Л. 2).

¹³⁵ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5–9.

¹³⁶ Нам известно лишь одно опубликованное стихотворение Бочкова: Св. Иоанн Богослов // Домашняя беседа. 1866. № 3. С. 73 (напечатано анонимно; в оглавлении автор обозначен криптонимом *И. А.*). См. рукопись стихотворения: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 82.

¹³⁷ Письмо к монахине Марии от 9 мая 1864 г. ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 26 об; *Письма игумена Антония*. С. 356.

¹³⁸ Там же. Л. 99.

¹³⁹ Там же. Л. 26 об.

Бочков, как мы знаем, писал стихи и в молодости, но тогда это были либо альбомные мелочи, либо переводы с французского. Если верить его собственным признаниям, с середины 1830-х годов Бочков замолчал и лишь с 1851 года вернулся к поэзии, написал несколько переложений из Четий-Миней,¹⁴⁰ к 1852 году относится его стихотворение, посвященное старцу Леониду, «Плач на гробе отца». Основной же корпус дошедших до нас стихотворений Бочкова создан в 1860-е годы. Сохранились две большие подборки его стихов, в значительной мере повторяющие друг друга. Подборка, хранящаяся в РГИА, содержит 59 произведений, а подборка из Рукописного отдела ИРЛИ — 47, включая и отдельные отрывки из более крупных вещей.

Свою поэзию игумен Антоний воспринимал как поэзию христианскую и монашескую, которая еще отсутствует в России. «...Начиная со стихов Дмитрия Ростовского и его современников и до сего дня и до меня грешного монашеская поэзия ничего не произвела полного, соответственного духу своему. <...> ...все рифмованные переложения Псалмов, разных священников, разных архимандритов, нотные и ненотные: все это <...> слабо и непоэтично до крайности».¹⁴¹ Отец Антоний признавался, что очень

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 8. Впрочем, не совсем ясно, было ли в промежутке полное молчание — в письме к монахине Марии от 1 апреля 1864 г. о. Антоний упоминает, что в 1840 г. написал прозаическую поэму «Повилика, обвивающая дуб» (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 59; *Письма игумена Антония*. С. 347). Текст самой поэмы см.: РГИА. Ф. 1680. Ед. хр. 12. Л. 59–62.

¹⁴¹ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 91; *Письма игумена Антония*. С. 360–361. Ср. в письме от 9 ноября 1864 г.: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 70; *Письма игумена Антония*. С. 394.

трудно заманить поэзию в монашескую келью, особенно в наше время.

При всем том у Бочкова почти нет религиозных, в традиционном понимании, стихов. «Христианскую философию и богословские откровения редко можно вылить в стихи», — написал он монахине Марии.¹⁴² В другом письме конца 1860-х годов (к М. А. Башуцкой) он заметил: «...в последние годы моей жизни я отказался от попыток писать что-либо духовное, церковное, а перехожу в детство, хотя и не в евангельское: люблю шутки, смех и пустяки. К последнему роду принадлежат и письма мои».¹⁴³ Поэтому монашеская поэзия Бочкова носит достаточно специфический и совершенно не укладывающийся в традиционные рамки характер.

Конечно, кое-что тут объясняется особенностями дарования, поэтической индивидуальности Бочкова. Он явно тяготел к описательной поэзии, к жанру поэмы или большого эпического стихотворения. У Бочкова почти нет чистой лирики (как и лирики философской), в немногочисленных его лирических стихотворениях всегда присутствует эпический элемент (см., например, стихотворения «Цветы от Васкладу в альбом...» и «Ночная птица»). Он и сам осознавал эту особенность своего таланта: «Для меня

¹⁴² Там же. Л. 1. *Письма игумена Антония*. С. 350. Ср. в том же письме: «...Я в себе чувствую способности более к юродству, нежели к премудрости» (Там же. С. 349).

¹⁴³ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 39–39 об. Эти свои пристрастия Бочков обосновывал и примерами из мировой литературы: «Действительность представляет нам ежедневно сцены веселья после трагических: этим пользовался Шекспир и не забывал сам Омир. Поэтому я вмещал истинные анекдоты в свои фантазии» (Там же. Л. 127 об.; письмо к монахине Марии от 24 сентября 1865 г.).

картины легче лиризма. Истинный поэт соединяет то и другое». ¹⁴⁴

Многое в произведениях Бочкова навеяно его впечатлениями от тогдашней монашеской жизни и отражает тот дух критики, который мы отметили и в письмах, и в других работах о. Антония. Оттого-то так сильна сатирическая струя в его поэзии. Причем поэт даже тяготился своим сатирическим даром: «Страшно становится за себя и за ответственность перед Судиею, а удержаться не могу: сатира так и каплет с пера, и я премножество отгонял и уничтожил своих стихов в этом желчном роде. Разумеется, оправдаться могу лишь тем, что жизнь представляет несравненно более картин унижения, нежели возвышения». ¹⁴⁵ Отвечая на призыв матери Марии писать в стиле плачей библейских пророков, Бочков заметил, что, увы, жизнь дает материал не для плачей, а для сатиры: «Теперь перенеситесь в *комедию* наших времен: курение дыма, пары, телеграфы, стук, треск; суэта, болтовня, торопливость, пресса; журналы, всемирные названные опекуны и печальники человечества — всё стремится с шумом (...). Где и как будет говорить пророк? (...) О чем ему говорить, о чем плакать? Не о Петербурге ли, где, *решиительно скажу*, нет места Христу голову подклонить (...). Поэтому и появляются наши Фонвизины, Грибоедовы, Гоголи. Вот пророки времен наших». ¹⁴⁶ «Вы любите капитальные труды (...). Я же не могу по слабости ис-

¹⁴⁴ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1-1 об.; *Письма игумена Антония*. С. 350.

¹⁴⁵ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 128 (письмо к монахини Марии от 24 сентября 1865 г.).

¹⁴⁶ Там же. Л. 29 (письмо от 17 августа 1865 г.).

тощенного ума писать ничего возвышенного».¹⁴⁷ Последнее утверждение, конечно, не совсем справедливо: Бочков умел писать и «возвышенно», когда обращался к высоким темам, к описанию природы, но, пожалуй, действительно наибольшие удачи его ожидали на другом пути.

Все поэтическое наследие игумена Антония можно разделить на эпические произведения, рисующие положительные начала в жизни, близкие авторскому идеалу. Эти начала автор ищет почти исключительно в прошлом. Сюда относятся поэмы и стихотворения на библейские и евангельские сюжеты («Гефсимания», «Новая жертва» и др.), на исторические темы (сохранившаяся лишь в отрывках большая поэма о восстании афонских монахов против турецкого ига в 1821 году; «Тивериада»; «Мститель» и др.) и в особенности многочисленные обработки преданий о святых, частью заимствованных из Пролога, Четий-Миней и других древнехристианских источников, частью же из устных сказаний, слышанных самим автором в его многолетних «хождениях» по монастырям («Живой плач», «Тихвинский пещерник», «Вонифатий и Аглаида», «Старинные гусли», «Пустынный и Ангел», «Пролог», «Чудо святителя Николая о ковре», «Примирение по смерти» и др.).

К этой же части творческого наследия Бочкова в известной мере можно отнести описательные поэмы и стихотворения, рисующие картины природы, церковно-исторические и архитектурные достопримечательности (поэмы «Зеленецкий лес», «Севастья», «Успенский монастырь», стихотворение «Черемнец» и др.), хотя в них уже порою встречаются

¹⁴⁷ Письмо к монахине Марии (сер. января 1864 г.) // Там же. Л. 88 об.; *Письма игумена Антония*. С. 325.

и сатирические нотки. Весь дух поэзии Бочкова, в сущности, лишен аскетизма, его стихи отличаются душевной веселостью, своеобразным приятием природы, стремлением увидеть в ней красоту божественного мира. Таково большинство стихотворений афонского цикла, навеянного неоднократно посещениями Святой Горы (среди стихов этого цикла один из шедевров лиро-эпики Бочкова — «Источник Богородицы»).¹⁴⁸ К этой же части творчества Бочкова относятся переложения псалмов и стихотворения, написанные в стиле этих переложений.¹⁴⁹

Другую часть поэтического наследия Бочкова составляют сатирические и юмористические произведения, рисующие отрицательные стороны современной жизни, в том числе монашеской. Этот ряд сочинений — как бы противоположный полюс поэзии Бочкова.

Если в произведениях первой группы присутствует романтическое начало и элементы архаики, то в поэмах и стихотворениях второй группы сильнее ощущается реалистическое начало. Стиль и поэтическая образность произведений первой группы в большинстве случаев традиционны и в значительной степени ориентированы на поэзию 1820-х годов, на творчество Пушкина и Рылеева (встречаются прямые переключки с их поэзией).¹⁵⁰ Есть

¹⁴⁸ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 36–36 об.

¹⁴⁹ См., например, «Вольное переложение псалма 142» (Там же. Л. 24).

¹⁵⁰ Возможно, именно к рылеевским «думам» восходит весьма любимый Бочковым жанр — стихотворение на историческую тему с обширными комментариями. Бочков и в 1860-е годы продолжал интересоваться поэзией Рылеева, хотя и без прежнего чувства восхищения ею (см. его упоминание о чтении «думы» Рылеева «Михаил Тверской» в письме к монахи-

отдельные и чисто романтические произведения («Евнух безжизненный, безбрадый...»). Особой архаичностью и старомодностью отличаются стихотворения аллегорического характера и притчи («Орлы и петухи», «Две птицы», «Искры света»), а также примыкающие к ним немногочисленные философско-моралистические опусы типа стихотворения «Слезы и желчь». В них особенно дает о себе знать устарелость вкусов Бочкова. Хотя в стиле и образности сатирических произведений Бочкова мы тоже иногда находим элементы архаики, нечто характерное для поры молодости поэта, все же тут больше точек соприкосновения с современной реалистической поэзией.

К числу лучших сатирических произведений Бочкова относятся поэмы «Ангел-странник»¹⁵¹ и «Ангел-сборщик»,¹⁵² — о последней автор говорил: «...это есть любимое мое чадо»,¹⁵³ — а также стихотворения «Ответ г. А. П. Б(ашуцко)му, будто бы видевшему меня в Петербурге»¹⁵⁴ и «Кавалер-архимандрит».¹⁵⁵

Первые две поэмы весьма близки сюжетно и композиционно. В них ангел получает от Бога наказ посетить Петербург и видит в столице многочисленные

не Марии от 25 мая 1864 г. — ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 23; *Письма игумена Антония*. С. 358). К декабризму как общественно-политическому движению Бочков в эти годы относился отрицательно.

¹⁵¹ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 66–70 об. Ср.: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 43–44 об.

¹⁵² РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 21–28 об.

¹⁵³ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 61 об.; *Письма игумена Антония*. С. 374 (письмо от 8 августа 1864 г.).

¹⁵⁴ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 34–35. Ср.: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 96–96 об.

¹⁵⁵ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 35–35 об.

картины несправедливой, пьяной, сытой и развратной жизни столичного высшего света, богатого купечества и духовенства; их жизнь очень далека от норм и законов истинного христианства — Православия. В поэме «Ангел-сборщик» архангел Рафаил принимает облик сборщика-монаха. Ни в столичном храме, ни в обществе столичных богачей он не встречает сочувствия и помощи, и лишь среди бедняков, обитателей петербургских трущоб, кстати описанных весьма реалистично и красочно, ангел находит понимание и получает приношения на монастырь. В поэму включено очень характерное для Бочкова «пророческое» размышление о будущем России:

Что дальше будет — неизвестно:
Теперь у нас имперьялизм,
Хоть волю дали — все же тесно,
А заведем социализм —
Россию новую избавим
От византизма, от попов,
Господ, монахов передавим,
Монахинь так же, как клопов
Ко удивленью всего света.
<...>
Чтоб нищий одевался чище
Возьмем придворный гардероб,
А кто не даст нам даром пищи,
Тому, конечно, пулю в лоб.¹⁵⁶

В стихотворении «Кавалер-архимандрит» выведен «тип чисто российский и нигде кроме России

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 23–23 об. Ср. в другом стихотворении:

Чем кончим? Царством гильотины
Или по-русски топором?
(ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 29 об.)

невозможный»¹⁵⁷ — явно списанный с природы образ архимандрита «из хохлов», гордого, чванливого, ко-рыстолюбивого.

С обличением монашества, современной монастырской жизни, нравов белого духовенства мы встречаемся и в других произведениях Бочкова. Иногда, как, например, в юмористической поэме о монахе Панкратии, это составляет фон действия.¹⁵⁸

Бочков любил и жанр смешанного «фельетонного» обзора в стихах, состоящего из отдельных, сюжетно не связанных друг с другом частей, среди которых есть и описательные картины современной жизни, и сатира, и отступления на исторические темы, и общие рассуждения. Таково, например, произведение под названием «Л. У. М.» (Ладожский Успенский монастырь).¹⁵⁹ Начинается оно с описания праздника в женском монастыре в Ладожском уезде, описания, выдержанного в сатирическом язвительном тоне: прихожане в церкви заняты разговорами друг с другом и сплетнями, игуменья ведет себя как барыня, устраивает торжественный обед в монастырских хорах для дворянства и купцов, где рекой течет шампанское, клико, водка. За этим как бы по контрасту следует переработка псалма, исполненная искреннего религиозного чувства, затем рассказ об истинном монахе — юродивом; выдержанное в высоких тонах описание обители на берегу Волхова, экскурс в историю, в эпоху Петра I, когда в Успенский монастырь была заключена его супруга Евдокия; сюда же вставлены лирические отступления в романтическом духе, каков должен быть на-

¹⁵⁷ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 35.

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 38–39.

¹⁵⁹ Там же. Л. 63–68 об.

стоящий поэт, воспоминания о Ревеле, о церкви св. Олая и легендах, с нею связанных, и проч. Составные части этого стихотворного «обозрения» затем появляются и в виде отдельных самостоятельных произведений.

В этих «обозрениях» особенно заметен основной недостаток всей поэзии Бочкова — многословие, неумение писать кратко, обилие прозаизмов. Впрочем, он и сам сознавался в этом недостатке: «Стихи хотя и гладки, но не живы; иногда сбиваются на прозу».¹⁶⁰

Как мы уже отмечали, многие произведения Бочкова до нас не дошли — мы знаем о них лишь по упоминаниям в письмах. Так, можно составить себе представление о содержании шуточной поэмы об отце Герасиме, валаамском иеромонахе (по пересказу содержания в письме к монахине Марии от 8 апреля 1864 г.).¹⁶¹

Технический уровень поэзии Бочкова достаточно высок, не ниже большинства духовных поэтов той поры. Его стих отличается «гладкостью», в нем почти нет нарушений ритма или рифмы. Правда, стих Бочкова характеризуется известной старомодностью, что ощущалось и самим автором, хотя он старался учитывать достижения новейшей русской поэзии. В письме к монахине Марии от 8 апреля 1864 года, упомянув о годах, когда он вовсе не писал стихов, Бочков заметил: «В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперед, что за ним мне следовать едва ли можно. (...) Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не говорю о мыс-

¹⁶⁰ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1; *Письма игумена Антония*. С. 349–350 (письмо от 8 апреля 1864 г.).

¹⁶¹ *Письма игумена Антония*. С. 349.

лях, но о конструкции. После Фета, Бенедиктова, Мея, Майкова, Некрасова все *усечения* сделались уже смешными: „преклоненны“, „воспламененны“ почти изгнаны из поэзии. Глаголы уступили место новым словам». ¹⁶²

Действительно, словесно-образная структура стихов Бочкова несет на себе отпечаток архаичности, как, впрочем, и русская духовная поэзия вообще. Но нельзя не отметить исключительно разнообразный ритмический репертуар Бочкова: у него встречаются самые разные двух- и трехсложные размеры, вольные ямбы, образцы народного стиха и — что совершенно уникально в поэзии середины XIX века — подражания русской силлабике XVII — начала XVIII века. Это, конечно, не силлабический виршевой стих в чистом виде. Это тонкая и, как правило, удачная, неожиданно свежо звучащая стилизация под этот стих, которая иногда нужна автору для создания колорита древности, а иногда, наоборот, для создания комического эффекта, возникающего из противоречия между содержанием — современным и сатирическим — и формой его выражения (именно таков эффект употребления силлабики в шутивно-иронической поэме о злоключениях хромого монаха Панкратия в столице). Думается, что силлабика Бочкова должна привлечь внимание стиховедов.

Сам Бочков характеризовал свою поэзию как «анахронизм для нынешнего блестящего века». И все же его поэзия, на наш взгляд, любопытна и заслуживает всестороннего исследования.

¹⁶² Там же. С. 350–351.

А. М. Любомудров

**Вопросы художественного творчества
в переписке святителя
Игнатия (Брянчанинова)
и игумена Антония (Бочкова)**

Проблема соотношения церковного мировоззрения и художественного творчества возникла с началом Нового времени, когда пути Церкви и пути культуры решительно разошлись. Подобные вопросы не стояли перед средневековым иконописцем, создававшим иконы в посте и молитве, отражавшим горный мир духовных реальностей, не привносящим ничего «от себя», но бережно слушающим Вечность.

Сегодня можно встретить самые разные точки зрения на эту проблему. Апологетами абсолютной ценности мирской культуры часто выступают ее создатели. Они призывают к полному приятию всего, выходящего из-под пера художника, который видится «демиургом», «творцом-соратником Бога». Наиболее последовательно подобный взгляд был изложен Н. А. Бердяевым, говорившим об омертвлении современного христианства, парализующего творчество, и положившим в основу своей религиозной философии культ творчества как силы, оправдывающей человека. «Творческий акт есть самооткровение и самоценность, не знающая над собой внешнего суда», — писал он, утверждая, что «культ святости

должен быть дополнен культом гениальности» и что «искусство может быть искуплением греха».¹

С другой стороны, схиархимандрит Софроний (Сахаров) в своей книге «Старец Силуан» целую главу назвал «О четырех видах воображения и об аскетической борьбе с ними». Автор утверждает: «Мир человеческой воли и воображения — это мир „призраков“ истины. Этот мир у человека общий с падшими демонами, и потому воображение есть проводник демонической энергии». Чтобы достичь истинного богословия и истинно богоугодной жизни, необходимо преодолеть такие виды проявления воображения, как художественное творчество, научная работа, философское искание: «Божественные созерцания даются человеку не тогда, когда он их, и именно их, ищет, а тогда, когда душа сойдет во ад покаяния и действительно ощутит себя хуже всякой твари».²

Так что же все-таки являет собой, с христианской точки зрения, творческая личность? Существует ли в Православной Церкви определенный взгляд на проблему творчества? Среди святых отцов, просиявших в Новое время, наиболее полно и многосторонне разработал этот вопрос святитель Игнатий (Брянчанинов). Он затронул эту тему и в переписке с игуменом Антонием (Бочковым).

Переписка двух замечательных деятелей русской духовной культуры XIX века посвящена главным образом судьбам современного монашества, обсуждаются здесь также вопросы общественно-

¹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 386, 395, 447.

² (Софроний (Сахаров), архим.) Старец Силуан: Жизнь и поучения. М., 1991. С. 140, 141, 153.

политические, обоих корреспондентов волнует и судьба России, и положение Русской Церкви. Но затрагивают собеседники и проблемы художественного творчества, светской поэзии, языка, стиля, самой природы искусства.

Примечательно, что оба собеседника были лицами монашествующими, наделенными немалыми литературными дарами, оба они писали стихи и эссе, будучи уже в монашеском чине. Владыка Игнатий был тесно связан с миром русской культуры: его проявившиеся в молодости литературно-поэтические дарования привлекали внимание Пушкина, Крылова, Батюшкова, Гнедича. Впоследствии друзьями и корреспондентами святителя были художник К. П. Брюллов, композиторы М. И. Глинка, А. Ф. Львов, прот. П. Турчанинов. Святитель Игнатий был автором очерков, эссе, «размышлений» — своеобразной «лирической прозы» XIX века. В творениях и письмах Владыки мы находим суждения, касающиеся многих видов искусства. Игумен Антоний — русский писатель, продолжавший заниматься литературным трудом и после принятия монашества.

Обращаясь к переписке, которая велась в 1860-е годы, надо учитывать, что отношения Брянчанинова и Бочкова складывались очень непросто. В 1837 году несколько недель Бочков провел послушником Троице-Сергиевой пустыни под духовным водительством настоятеля архимандрита Игнатия, которому оказывал тогда беспрекословное — в духе древних св. отцов — послушание. Но затем произошел разрыв, порожденный духовным максимализмом Бочкова; отношения восстановились лишь спустя двад-

цать лет, когда Владыка был назначен на Кавказскую кафедру.

В письме от 21 апреля 1864 года святитель Игнатий изъявил желание познакомиться со стихотворениями о. Антония. Биографы Бочкова предполагают, что игумен побывал в гостях у Владыки Игнатия, находившегося в Николо-Бабаевском монастыре, где читал ему свои стихотворные сочинения. Последовавшее вслед за этой встречей письма Владыки Игнатия (от 11 августа и 16 декабря 1864) можно назвать маленькими богословскими шедеврами, в которых Владыка излагает свое, основанное на святоотеческих трудах, учение о творчестве.

Изрядно стершимся словам «художественное дарование», «талант» Владыка возвращает их первоначальный смысл. Он пишет: «Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово». Для чего же дается человеку талант? «Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение человеков: какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!»³

Дар этот мыслится Владыкой как способность отчетливо излагать мысли, как владение формой, техникой слова. Его не следует смешивать с «вдохновением», порождающим у художника некие конкретные переживания, образы, картины. Источник этого вдохновения очень часто далеко не божественный. Сквозь все творения Владыки проходит мысль о «падшести» человеческой природы, о зараженности

³ Переписка. С. 550–551.

человека грехом, очищение от которого через молитву и покаяние и составляет главную цель усилий христианина. Мысль святителя ясна: до тех пор, пока в душе художника живет доброе и злое, светлое и темное, — на всем, что выходит из-под его пера, неизбежно лежит отпечаток неизжитого греха, непобежденных страстей. Напомним слова, сказанные по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, но применимые, конечно, к любому художественному произведению: «...Сперва очищение Истиною, а потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его обновлением состояния. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения Истиною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом...» (IV, 511).

В размышлениях владыки Игнатия о мирской культуре отчетливо выделяются два момента: во-первых, культура преуспела в изображении зла и страстей и, во-вторых, оказалась неспособной адекватно отражать духовные реальности. Так, например, в работе «Христианский пастырь и христианин художник» (написанной по просьбе Глинки), Владыка пишет: «Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе, особливо в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горяч-

ностью сердца. (...) Большая часть талантов стремились изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут» (IV, 505).

Мирская культура, кроме того, оказывается не в состоянии дать человеку истинное представление о мире, бытии, что особенно заметно, когда она пытается говорить о духовных реалиях. Художник, не способный или не желающий принять христианское мировоззрение, догматику, антропологию, подменяет их своими интерпретациями и, таким образом, подменяет отражение мира Божьего картинами иллюзорной, сочиненной, придуманной действительности. Эту тему Владыка развивает в письме к игумену Антонию от 16 декабря 1864 года: литераторы светские, пишущие о духовных предметах, «постоянно ниспадают в свое чувственное и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в „Аббадоне“ Жуковско-го! и как натянуто чувство! Очевидно: в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее и для ума и для сердца, — написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе разумного и истинно образованного, тем более благочестивого читателя».⁴

⁴ Переписка. С. 552.

Обратимся к онтологии художественного творчества. Здесь мы тоже встречаемся с рядами диаметрально противоположных мирских и духовных ценностей, с той глубокой пропастью, которая разделяет путь художника и путь христианина. В самом деле, в светской культуре более всего ценится изображение писателя, сила художественной выразительности, яркая образность, оригинальность авторских идей и способа их выражения. Общеизвестны понятия: «творческая индивидуальность», «мир художника» и т. п. Но святитель Игнатий опирается в своих рассуждениях на иной, святоотеческий, опыт: «Все чада Вселенской церкви идут к святине и чистоте (...) умерщвлением чувств, крови, воображения и даже „своих мнений“. Между умом и чистотой — страну Духа — стоят сперва „образы“, то есть впечатления видимого мира, а потом мнения, т. е. впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнений — душевный разум; неприемлющие веры, неспособные к живой вере (...). Потому-то нужно умерщвление и воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть? Эту прелесть Писание называет „лжеименным разумом“ (<1> Тим. 6, 20), то есть произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть „знание“, знание — от видения, видение — действие Св. Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным».⁵

⁵ Письма святителя Игнатия к некоему иноку Леониду, озаглавленные «к брату, занимающемуся умной молитвою» (VII, 509–510).

Творчество в секуляризованной культуре — это всегда самовыражение. Прежде всего важно и интересно то, что у художника «свое» и насколько ярко оно выражено. Но, с христианской точки зрения, что у человека действительно свое? Строги слова святителя: «Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего; а свое у нас — ничтожество, небытие. (...) Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили „смерть“. Провести себя в небытие мы не в силах; но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть — мы могли (разумеется, смерть душевную! Телесная пред душевной малозначительна (...)). Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть: в самоумерщвленному проникает дух, и, как Создатель, дарует ему „пакибытие“» (VII, 510–511).

Отсюда ясно, что воцерковление культуры — это возврат к тому положению, когда художник в слове, краске, звуке выражал не свое, но Божье, как это было в средневековой культуре. Но что это означает в личном плане для творческого человека, пришедшего к вере и воцерковившегося? Владыка Игнатий намечает определенные пути, на которых только и возможно соединение понятий «христианин» и «художник», и в своей работе «Христианский пастьрь и христианин-художник» пишет: «Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца — евангельские ощущения. Первое дается изучением евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле (...). Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сначала сопряжено с трудом и внутрен-

нею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято (...). Чтоб мыслить, чувствовать и выразаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно вообразать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им» (IV, 506).

Основываясь на этих принципах, и своему другу-ученику игумену Антонию, как человеку, пишущему стихи, Владыка советует: «Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение, молитвою покаяния (...) из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших. Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши и, при свете совести Вашей, просвещенной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. *Горе смеющимся ныне!*⁶ Это — слова Христовы! это — определение, исшедшее от Бога! (...) Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние».⁷ Возможно, цитируя Евангелие, Владыка намекает на характерное свойство поэзии Бочкова — в ней преобладали сатирические жанры (как, например, сатирико-иронические поэмы «Ангел-странник» и «Ангел-сборщик»). Да и в целом «весь дух поэзии Бочкова лишен философского аскетизма, его стихи отличаются душевной веселостью», — пи-

⁶ Лк. 6:25.

⁷ *Переписка*. С. 551.

шет С. Г. Исаков.⁸ «Люблю шутки, смех и пустяки», — признавался отец Антоний. Рассматривая свою поэзию как христианскую, он в то же время уточнял: «Я в себе чувствую способность более к юродству, нежели к премудрости».⁹ Характерный для дружеской переписки непринужденно-разговорный стиль можно обнаружить и в письмах о. Антония к своему духовному наставнику: «заманки» (по отношению к монастырям), «притащился», «деревни (<...> отданы на высос кровопийцам», «ухлопал последние свои гроши».

Святитель Игнатий, не отвергая поэтический дар как таковой, пытается при этом направить своего собеседника на путь большего аскетизма в творчестве. Более того, он ободряет о. Антония: «В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, Ваших песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными». А в следующем письме Владыка, отзываясь о поэзии о. Антония, советует ему заняться «беспощадной вычисткой», ставя в пример Пушкина: его стихи читаются легко, в них нет ни слова лишнего.

В свою очередь, и игумен Антоний отзывается о произведениях Владыки Игнатия — речь идет о первых томах «Аскетических опытов», только что вышедших из печати. Святитель просил о. Антония внимательно прочитать его труд и высказать необходимые замечания. В том, как именно и на что именно реагирует о. Антоний, виден характер этого, по выражению С. Г. Исакова, «инока-романтика»,

⁸ Исаков С. Г. Алексей Поликарпович Бочков. Биографический очерк. С. 593.

⁹ Письмо к монахине Марии (Шаховой) от 8 апреля 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1; Письма игумена Антония. С. 349).

его непосредственность. Давая общую оценку первых томов сочинений, о. Антоний перефразирует мысли самого святителя Игнатия об иерархии духовного и душевного: «Кровяная наша душа (...) часто вовсе забывает о своем тонком, чистом духе (...) забывает благодатные (...) Божии дарования (...). Увы! как трудно облегчиться от этой кровавой густой плевры, как трудно сделаться кристаллом духовным, пропускающим лучи света!»¹⁰ Однако одно место в первом томе «Аскетических опытов», где святитель Игнатий написал о своих врагах, вызвало несогласие: по мнению о. Антония, эти слова надо убрать, надо «покрыть молчанием все претерпенное Вами». При этом в пример Владыке ставится герой литературного произведения, а именно, стихотворения Н. А. Некрасова «Арина, мать солдатская», с цитатой: «Не любил, сударь, рассказывать / он про жизнь свою военную; / грех мирянам-то показывать / душу Богу обреченную; / говорить — гневить Всевышнего; / окаянных бесов радовать; / чтоб не молвить слова лишнего; / на врагов не подосадовать».¹¹

Некрасов был одним из любимых поэтов Бочкова («Это поэт современный: много правды, много теплого, неподдельного чувства в его прекрасных живых стихах»)¹² Помня, конечно, строгое суждение святителя Игнатия о «светских поэтах», отец Антоний все-таки цитирует сочувственно строки, где как раз мирской поэт говорит о духовно-нравственных категориях (пусть в них и запечатлено христианское мироощущение). А следующие слова о. Антония, обращенные к тяжело больному уже епископу: «Немо-

¹⁰ *Переписка*. С. 556.

¹¹ Там же.

¹² См. наст. изд. с. 50.

та пред кончиною подобает христианину» — могли бы показаться еще большей бестактностью, если бы речь не шла о переписке двух монахов-подвижников, к которой неприменимы нормы секулярной этики. Монах-святитель, написавший «Слово о смерти» и удалившийся в Николо-Бабаевское уединение именно для сугубого уготовления себя к Вечности (о чем неоднократно и многим писал), конечно, не мог «обидеться» на еще одно напоминание об этой неумолимо грядущей к нему Вечности. Святитель Игнатий принял данное этико-богословское мнение о. Антония смиренно, но по существу сделанного замечания в ответном письме решительно возразил: «...Зло нельзя назвать добром. (...) ...желаю всем простить все (...) но действия врагов Церкви и Христа желаю понимать и признавать тем, что они есть».¹³

Отзвуки этого диалога встречаются в переписке игумена Антония с духовной писательницей монахиней Марией (Шаховой). Следующие строки о. Антония разъясняют суть его разногласия со святителем: «Получил 2 тома сочинений П(реосвященного) И(гнатия). Сожалею, что Его П(реосвященство) высказался о своей жизни, и в этом слышатся некоторые жалобы на прошедшее. Мир смотрит на это иначе, и его ничем не тронешь. Монах, привязанный к своему кресту и расстреливаемый врагами, не должен испускать не одного вопля: это радость для его врагов! Он должен уподобляться американскому краснокожему, какими их представляет история Америки и Фенимор Купер: под топорами и ножами воспевать победную песнь».¹⁴

¹³ Переписка. С. 559.

¹⁴ Письмо от начала мая 1865 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 167).

Интересен и другой эпизод. Мать Мария написала стихотворение «Странник», посвященное личности отца Антония, и во время посещения Владыки Игнатия прочитала его святителю. Узнав об этом, в письме к монахине Марии, не преминув отметить, что «как поэзия» ее стихотворение «прекрасно», о. Антоний приписываемые ему самому добродетели смиренно отрицает. И даже выражает недоумение по поводу того, что святитель Игнатий позволил Шаховой «читать и поправлять» это ее стихотворение. «Я полагал, что Владыка просто запретит Вам и читать, и дорисовывать эту блестящую картину: в его глазах, с моею хаотичностью и полумирщиною я должен стоять очень невысоко: в числе фарфоровых кукол, которыми некоторые барыни украшают консоли своих вычурных гостиных, а на доброе изображение не похожу аз, испещренный романическими воспоминаниями и журнальными сведениями. Если иногда, очень редко пробежит какая-то тень монашеского образа по стенке, где стоит эта пестрая кукла, то это, конечно, краткое, краткое нахождение ангела моего Хранителя, облакающего физиономию мою в схиму; только это не я, не тень моей театральной куклы. Проходит светотень, и опять что-то актерское видится в этой глине».¹⁵

Увлекающаяся, детски-доверчивая и ранимая натура Бочкова определяла характер его взаимоотношений с Владыкой Игнатием. В том же письме к Шаховой есть фраза, которая приоткрывает сложный, пестрый спектр этих отношений: «...я с радостью бы принял из уст Преосвященнейшего и посмеяние, и поругание, чего достоин воистину. От другого, мо-

¹⁵ Письмо от 10 августа 1864 г. (Там же. Л. 62–63 об.; *Письма игумена Антония*. С. 376).

жет быть, не потерпел бы. Если что и недоброе обо мне сказал, — то, *подумавши*, передайте».¹⁶ В устах человека, хорошо знавшего Владыку, эти слова звучат загадочно: ведь ни в литературно-богословском наследии святителя Игнатия, ни в его письмах мы не найдем ни «поруганий» (это церковнославянское слово означает «издевательство, насмешка»), ни тем более слов «недобрых».

Другие моменты, касающиеся литературного труда и интересовавшие о. Антония, новые грани его взаимоотношений с Владыкой Игнатием, несомненно, откроются, когда будет опубликовано наследие игумена Антония, этого замечательного деятеля русской духовной культуры.

Вернемся к позиции святителя Игнатия. Главнейший источник подлинного христианского творчества он видел в глубочайшем личном покаянии, плаче о своих грехах. И основанием такого творчества должно стать не самовыражение, но самоотвержение. Но возможен ли этот, поистине узкий, путь — путь святости, который предлагает Владыка культуре и человеку нового времени? Скажем лишь, что сам святитель Игнатий следовал именно этим путем, и мы можем сегодня лицезреть плоды его усилий. Его книга, названная строгим и суховатым словом «Аскетические опыты», на самом деле наполнена самыми разнообразными по жанру и стилю сочинениями, написанными прекрасным языком. Многие из них представляют собой своеобразные лирико-богословские эссе, стихотворения в прозе. Литературной форме, слогу, языку Владыка всегда придавал большое значение. Один слог, считал он, должен

¹⁶ Там же.

быть у статей о монашестве, другой — у статей богословских, третий — у работ о христианской нравственности и философии и т. д. Творчество Пушкина привлекало Владыку своей эстетической стороной: он ценил тщательность отделки, «чистоту слога», «ясность замысла» стихотворений поэта и, призывая к этому о. Антония, признавался, что сам следует методу Пушкина, подвергая свои сочинения самому тщательному пересмотру, добиваясь ясности и легкости чтения.¹⁷

Для современника, воспитанного секулярной культурой, все сказанное Владыкой Игнатием о художественном творчестве может показаться слишком строгим, неприемлемым и даже шокирующим. Но слово Божие для мира сего всегда было «юродством» (1 Кор. 1: 21). Мысли Владыки Игнатия не есть его частные воззрения, они принадлежат Церкви. И нынче, в России начала XXI века, как никогда актуально звучит его максима: «Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления».¹⁸

¹⁷ *Переписка*. С. 552–553.

¹⁸ Письмо К. П. Брюллову от 27 апреля 1847 г. (VI, 792).

Протоиерей Геннадий Беловолов

**Игумен Антоний (Бочков)
и святитель Игнатий (Брянчанинов)
(К истории взаимоотношений)**

При знакомстве с жизнью и наследием игумена Антония (Бочкова) более всего поражает необыкновенная сила его личности, обаянию которой трудно не поддаться. При чтении его трудов, писем, стихов возникает ощущение живого общения с самим о. Антонием.

Игумен Антоний представляет собой характерный русский тип, который можно определить словами апостола Павла о взыскующих грядущего (небесного) града (Евр. 13: 14). Так и о. Антоний в течение всей своей монашеской жизни искал на этой земле идеальный монастырь, невольно вызывая в памяти своими исканиями — со всем их трагизмом, а подчас и комизмом — образ идеалиста Дон-Кихота, горячо верящего в реальность своего идеала. Подобно ему, о. Антоний не потерял, несмотря на множество разочарований и приобретенный с годами критицизм, эту свою веру в идеальный монастырь.

Без дон-кихотов мир неинтересен. Так и русское монашество без игумена Антония теряет одну из своих важных составляющих.

О. Антоний в своих сочинениях и письмах предельно откровенен: многие его письма напоминают исповедь. Он не боится говорить о своих немощах и делает это так же открыто, как и при обличении

немощей современного монашества. Его письма могут послужить наглядным примером откровения помыслов, которое являлось одним из важнейших положений аскетического учения святителя Игнатия (Брянчанинова).

Игумен Антоний, несомненно, был романтиком духа, представляющим собой как бы законченный художественный образ, будто взятый из романов Достоевского. Своей открытостью, своей сердечной мукой игумен Антоний напоминает героев великого русского писателя, для которых самое важное в этом мире — «мысль разрешить». Не случайно он высоко ценил романы Достоевского (хотя главные и не успел прочесть), считая их полезным чтением для русского общества: «Петербургские трущобы¹ и романы Достоевского чрезвычайно полезны не только праздным умам, но и самому правительству, как верная картина модного Петербурга, который, как и утроба наша, наполнен нечистотами, хотя и покрывает их кринолинами».²

Игумен Антоний напоминает Алешу Карамазова, вышедшего из монастыря для служения миру (именно этим заканчивается последний роман Достоевского). Кажется, будто герой «Братьев Карамазовых» воплотился в жизни, хотя сам о. Антоний преставился за шесть лет до начала работы автора над романом. Знал ли Достоевский об игумене Антонии, учитывал ли черты его личности и путь его исканий при создании образа Алеши Карамазова, — на эту тему пока нет исследований.

¹ Подразумевается роман Вс. Крестовского, см. примеч. 131 на с. 51–52. — *Ред.*

² Письмо к монахине Марии (Шаховой) от 24 сентября 1865 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 128).

О. Антоний мучился вечными мировыми вопросами, судьбами России. В каком-нибудь бытовом по содержанию письме он может совершенно неожиданно перейти, скажем, к глобальным историософским темам, которые для него становятся важнее непосредственного предмета письма.

Как и герои Достоевского, игумен Антоний не боялся ошибаться. Он имел особое бесстрашие и духовное мужество не бояться совершить ошибку и главное — верил, что Господь может понять и простить искреннюю ошибку человека, если она сделана в искании правды Божией. Конечно, это не предполагает «вседозволенности» Ивана Карамазова. Игумен Антоний безусловно боялся греха, но при этом считал неоправданной чрезмерную осторожность, бдительность, осмотрительность, олицетворением которой для него был митрополит Филарет (Дроздов). Вот весьма выразительный фрагмент размышлений о. Антония из письма к монахине Марии (Шаховой) на эту тему, в котором он даже слагает особую молитву о прощении своих ошибок: «Никакая бдительность и *филаретовская* осторожность не сохранят нас от неизбежных ошибок в слове и в поступках; посему я поступаю тако: зная, что ничто без воли Его не творится и что Он неправды наши обращает в правды — я иду прямо, хотя бы путь был туманен. Часто там открывалась стезя, где ее и предвидеть было не можно. Страшнее всего наши внутренние сокровенные пути, имиже ум привык блуждать на своей воле: он, несвязуемый, легкий, летучий. Для Господа-Духа эти пути наши видны, и для ума и совести нашей, которые часто забывают вездесущие и всеприсутствие Божие: как бы снята с них ответственность за дела мысли. Вот о чем молюся: вну-

тренные пути моя направи по словеси Твоему и да не обладает мною всякое беззаконие.³ А за ошибки слова, в которые вовлекаюсь и обстоятельствами, и неисконным положением (я уповаю) Господь помилует, если не вовсе простит. Мы не вольны в действиях наших очень часто: особливо непредвиденными загонами врага попадаем в ямы и вязнем в его сетях. О сем я только молюся: „Исправи, Господи, мои неумышленные ошибки: да не постражду за них аз и ближние мои! Ты пришел на землю исправить дела рук Твоих, злобою завистника искаженные: исправи и мои дела, имиже веши судьбами!“⁴

Эту покаянную молитву нужно помнить, читая письма и сочинения игумена Антония. Если в них мы встречаем резкие оценки современного монашества, если он осуждает нравственное состояние общества, то делает это всегда искренне соболезнуя, с мыслью об ответственности перед Богом и чувством покаяния пред Ним.

Конечно, нельзя быть уверенным, что сам игумен Антоний согласился бы с вышеприведенным сравнением его с Дон-Кихотом — он в своих письмах уподоблял собственную жизнь корриде, причем отводил в ней себе место побиваемого быка: «Испанцы, когда сражаются с быками, то их борцы (торeadоры) перед глазами упрямого и свирепого животного машут платками и целым фейерверком пестрых флагерочков, приделанных к палке: сердитое и упрямоe животное мотает головою; разбегаются его, Гомером прославленные, большие глаза,

³ Неточная цитата: «Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие» (Пс. 118: 133).

⁴ Письмо от 10 августа 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 62 об.-63; *Письма игумена Антония*. С. 375–376).

и он получает удары пик то в бок, то в голову: так и наш ловитель поступает со мною: вея, досаждаёт разными пустяками, отвлекая ум от самого его, спрятанного где-то. И от настоящей цели — истинного покаяния, этой начатой и недоконченной работы».⁵

Одной из ярких страниц жизни игумена Антония стала встреча со святителем Игнатием (Брянчаниновым). Когда встречаются две личности столь самобытные, столь крупного духовного масштаба, происходит как бы некая духовная вспышка, высвечивающая каждого из них.

О значимости для себя образа святителя Игнатия игумен Антоний замечал: «Если б я стал писать горестную исповедь моей жизни, то Пр(еосвященному) Игнатию посвятилась бы самая блистательная страница...»⁶ Действительно, святитель Игнатий стал своего рода точкой духовного отсчета для игумена Антония, и в течение всей своей жизни последний вольно или невольно соотносил и соизмерял себя с первым. Для о. Антония святитель стал своего рода alter ego — «другим я», в котором тот видел себя, узнавал себя, спорил с собою. Это постоянное соотнесение себя со святителем Игнатием делает его образ неотъемлемой частью духовной жизни игумена Антония. Безусловно, святитель Игнатий всегда присутствовал в сознании своего духовного собрата, а в первые годы их знакомства являлся и единственным наставником, которому ученик всецело доверял.

Об этом сам игумен Антоний так писал монахини Марии: «...я с радостью бы принял изо уст Преосвященнейшего и посмеяние, и поругание, чего до-

⁵ Там же. Л. 62; *Письма игумена Антония*. С. 375.

⁶ Письмо от 31 мая 1867 г. (Там же. Л. 8). См. с. 250 наст. изд.

стоин воистину. От другого, может быть, не потерпел бы».⁷ Для о. Антония было важно *любое* слово и *любая* оценка святителя, но при этом в их дружбе присутствовал и определенный внутренний спор.

Знакомство двух подвижников относится к 1837 году, когда Алексей Поликарпович Бочков поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь близ Санкт-Петербурга, настоятелем которой тогда был архимандрит Игнатий. Алексею в то время исполнилось 33 года, а архимандриту Игнатию всего лишь 30 лет — и тот и другой возраст принято называть «Христовым». Но, несмотря на достаточно молодой для столь высокого сана возраст, архимандрит Игнатий уже успел стать легендарной фигурой в общественном сознании Петербурга.

После окончания Инженерного училища в 1826 году Дмитрий Александрович Брянчанинов был направлен на прохождение службы в Дерпт, нынешний Тарту, где, прослужив около полугода, подал прошение об отставке с целью поступления в монастырь.

Вопреки желанию самого императора Николая I, который даже посылал своего брата, великого князя Михаила Павловича, с поручением отговорить блестящего офицера от монашества, подпоручик Брянчанинов оставил военную службу. Для Брянчанинова духовное призвание оказалось выше воли государя, и он уехал из Дерпта в Александровский монастырь послушником к старцу Леониду (Наголкину), будущему основателю Оптинского старчества.

Спустя несколько лет император Николай вспомнил своего бывшего офицера, принявшего к тому

⁷ Письмо от 10 августа 1864 г. (Там же. Л. 63 об.; *Письма игумена Антония*. С. 376).

времени монашеский постриг с именем Игнатий. Видя административный талант молодого игумена, проявленный в благоустройении монастырей Вологодской епархии, государь поручил ему в 1834 году в управление монастырь близ столицы Российского Империи.

Итак, Алексей Бочков в 1837 году поступил в Сергиеву пустынь послушником. Этому предшествовал ряд драматических событий в его жизни: неожиданная смерть юной супруги, оставшийся на руках отца малолетний сын Петр, тяжелая болезнь на грани помешательства самого молодого вдовца. После короткого семейного счастья в жизни Алексея Поликарповича наступает долгий период метаний и исканий — его мысль мечется от французского вольтерьянства до декабристских идей. Конечно, Бочков был далек от декабристского движения в полном смысле этого слова, хотя бы в силу своего купеческого происхождения. Скорее можно говорить о художественном влиянии на него культуры русского романтизма, связанной с творчеством писателей-декабристов, прежде всего, А. А. Бестужева-Марлинского. Но, безусловно, юный Алексей Бочков испытал определенное влияние Сенатской площади и сочувствовал казненным и сосланным бунтарям. По свидетельству о. Антония, он пережил в это время страшные «бóрьбы», поколебавшие в нем заложенную в детстве христианскую веру: «...Борьба со врагом мысленным почти с самого раннего развития мысли; потом своевольство этой мысли и отступление ее от христианства; страшные бóрьбы и скорби, возвращение всею душою в лоно Церкви...»⁸

⁸ Письмо от 31 мая 1867 г. (Там же. Л. 8). См. с. 250 наст. изд.

Таким образом, приход в Сергиеву пустынь и знакомство с архимандритом Игнатием стали для молодого послушника исходом его духовных исканий. Если бы он не встретил на своем пути о. Игнатия, то можно только предполагать, как бы продолжился и чем бы закончился его духовный путь. В последкабристскую эпоху мы знаем самые разные, подчас диаметрально противоположные примеры иных «исходов» — достаточно вспомнить Владимира Печерина,⁹ который, не встретив на своем пути своего Игнатия, уехал в Европу и принял католичество. Подобным же образом поступила и кн. З. А. Волконская.¹⁰ В моде в высшем обществе в то время было увлечение ложным мистицизмом или полным «афеизмом».

Чтобы понять последовавшую духовную драму, которую пережил Алексей Бочков в Сергиевой пустыни, нелишне будет вспомнить о значении и особом статусе самой этой обители. С возникновением новой столицы Российской Империи на берегу Невы возникла потребность в ее духовном центре. Петр I

⁹ В. С. Печерин (1808–1885) — ученый-эллинист, писатель, автор автобиографических «Записок». С 1836 года профессор кафедры греческой словесности Московского университета. Угнетаемый «тогдашним положением вещей» в России, выехал за границу, где перешел в католичество, став монахом Ордена иезуитов. В 1850-е годы был священником в Англии; впоследствии, находясь в Ирландии, вел ревностную борьбу с протестантизмом. Писал и переводил стихи.

¹⁰ Княгиня З. А. Волконская (1792–1862) — писательница, жена кн. Н. Г. Волконского. В 1820-е гг. в Москве ее салон посещали Жуковский, Пушкин, Вяземский, Баратынский, Веневитинов и др. В 1829 году переехала в Рим, где стала впоследствии «строгой подвижницей католицизма».

основал Александро-Невский монастырь, но это был скорее официальный центр церковной жизни. А в данном случае был нужен своеобразный аналог Троице-Сергиевой лавры близ Москвы, куда можно было бы совершить богомолье, поехать на праздник или же просто уединиться от суеты большого города. В 1730-е годы императрица Анна Иоанновна призвала своего духовника архимандрита Варлаама (Высоцкого) из Троице-Сергиевой лавры и повелела ему основать подобный монастырь близ Петербурга. Новая обитель получила название, тождественное Лавре: Троице-Сергиева пустынь. Иными словами: тем, чем для Москвы была Троице-Сергиева лавра, для Петербурга должна была стать Троице-Сергиева пустынь. Именно сюда указом Николая I и был назначен архимандрит Игнатий.

В силу своего особого положения Сергиева пустынь всегда привлекала к себе внимание высшего петербургского общества, и с этим подчас были связаны различного рода искушения и соблазны, с которыми приходилось сталкиваться ее настоятелю архимандриту Игнатию.

«Из пребывания моего в Сергиев(ой) пустыни шесть недель были подвигом высшестественного послушания...»¹¹ — так писал об этом периоде своей жизни игумен Антоний монахине Марии спустя тридцать лет. Очевидно, именно тогда излилась вся ревность новоназначенного послушника Алексея, и хотя это пребывание продлилось всего лишь шесть недель, но именно оно стало тем блаженным временем, когда Господь ниспослал своему послушнику особую благодать. Это время стало первой духовной

¹¹ См. с. 251 наст. изд.

школой будущего игумена, незабываемым положительным опытом монашества.

«Шесть недель я не видал этой домашней драмы, скрываясь в келье за алтарем, как во Святая Святых, не зная, кроме Настоятеля-Христа (таково было отношение ученика к своему учителю и наставнику — *прот. Г. Б.*), не смея мыслить без его указания. Мысли во мне были важные, тишина души торжественная, и готовность на подвиги и на самоотвержение».¹² Для Алексея Бочкова это был своего рода благодатный сорокадневный «Великий пост», который должен был бы завершиться своей «Пасхой», чего на самом деле не произошло. Далее мы увидим, что игумен Антоний неоднократно пытался осмыслить то, что случилось с ним в Пустыни.

«Может быть, это святое состояние было выше моей меры, ранее моего духовного возраста», — размышлял о. Антоний в уже цитируемом письме. Думается, что послушник действительно ожидал слишком идеальных отношений со своим духовным отцом. Слишком «высокая планка» была им установлена. Вскоре, как образно писал о. Антоний, «крючья врага стащили меня с неба послушания». Он справедливо видел в этом неожиданно наступившем охлаждении чисто человеческие причины: «неразорванные связи с родными и прочие мира сего тяжкие цепи, носимые всеми нами в наши времена мнимого гражданского благоустройства, многие лица, ставшие между мною и Пр(еосвященным) Игнатием».¹³ Но, с другой стороны, существовали и духовные причины: это были не столько внешние влияния, сколько именно внутрен-

¹² См. с. 253 наст. изд.

¹³ См. с. 253 и 251 наст. изд.

ний духовный кризис, произошедший вследствие присущего о. Антонию религиозного максимализма.

Первый восторг сменился критическим взглядом, о чем игумен Антоний позже свидетельствовал в следующих словах: «Пробудившись, увидел себя не в V-ом, а в XIX-м веке, не в Лавре св. Саввы Освященного, а в Сер(гиевой) пустыни», которая ему представлялась «истинным позорищем для ангелов». «Тут надобно забыть монашество и предвзятую о нем идею: это была игра страстей. Стремление к высоким целям, важным ролям и борьба с окружающим миром; зрители-любители мало-помалу вторглись за кулисы, и началось смешение духовного с мирским».¹⁴

В другом письме о. Антоний вспоминал: «Пр(еосвященный) Игнатий умел по внешнему поставить Сергиеву пустынь в блестящее положение, хотя во внутренние, отдаленные клетки и он не заглядывал, да и взойти в них было страшно. Что за нравы? что за жизнь? что за мысли? какие желания? какие цели? А зато в церкви и трапезе в плесе и в лощенных сапогах, расчесанные и даже раздушенные монахи и монашки составляли нечто (хоть и не очень эстетическое), но хотя видное собрание».¹⁵

В своих письмах к монахине Марии игумен Антоний не раз приводит различные случаи того времени, подчас забавные, но, одновременно, трагические по своей сути. Архимандрита Игнатия часто посещали высокие особы, в приеме которым он не мог отказать. Как-то раз одной из таких посетительниц была княгиня Т. В. Юсупова, которой архимандрит

¹⁴ См. с. 251 и 258 наст. изд.

¹⁵ Письмо от 9 мая 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 27 об.; *Письма игумена Антония*. С. 356–357).

Игнатий читал Исаака Сирина, как пишет игумен Антоний, «для сокращения ее визита». Юсупова во время чтения непрестанно вертела в своей руке браслет, в котором блистал какой-то «исторический бриллиант», незадолго перед тем купленный ею за известную сумму и, «видя, что о. И<гнатий> не обращает на это внимание и не прельщается блеском и водою этого камня», прервала чтение вопросом о том, знает ли он цену этого бриллианта. Архимандрит отвечал, что он «не знаток в женских нарядах».¹⁶ Казалось бы, сцена по будничности очень простая, но по своему трагизму страшная: аскет, архимандрит Игнатий должен, по сути, забавлять некую «m-me Юсупову», которая, слушая Исаака Сирина, занята мыслями о своем драгоценном браслете.

Послушник Алексей в сложившейся непростой ситуации не смог увидеть всего смирения пастыря, которому приходилось закрывать глаза на то, что он был не в силах изменить; не смог понять того, что архимандрит Игнатий стремился прежде всего сохранить свое внутреннее аскетическое делание, плодом которого и стали его многоопытные духовные писания. Как ни парадоксально, именно к периоду настоятельства в Сергиевой пустыни с ее многими искушениями и относится написание главных аскетических трудов святителя Игнатия.

Необходимо также помнить о том, что монастырь располагался близ столицы Российской Империи, в нем совершались погребения высоких сановников, в Пустынь часто приезжали высшие лица государства и даже сам государь Николай Павлович, и настоятель монастыря должен был являть крайнее

¹⁶ См. с. 262 наст. изд.

смирение, которого, видимо, не смог тогда оценить Алексей Бочков. Очарование, пережитое им в первые недели послушничества, сменилось, по закону движения маятника, на свою противоположность — разочарование. О. Антоний испытал тогда некую «мистическую» обиду на святителя Игнатия за то, что тот не воплотил высокие монашеские идеалы в подначальной ему Пустыни и не стал исповедником идеального монашества. Послушник требовал от архимандрита дерзновения, свободы, мужественного перенесения совершенных ошибок — того, что мы впоследствии увидим в числе духовных качеств игумена Антония. Будем, конечно, при этом помнить и то, что святителю Игнатию было в то время всего лишь 30 лет и, конечно, для о. Антония не был тем авторитетом, каким он стал впоследствии для современников.

Характерно, что единственное, что вменил в своеобразный подвиг святителю Игнатию игумен Антоний, было то, что «озлобляемый, терзаемый арх(имандри)т готовился на отчаянную выходку: предать анафеме с паперти Казанского собора громогласными своими дьяконами во услышание всего Петербурга весь Синод и с его прокурором».¹⁷ Трудно сказать, чем был на самом деле описываемый эпизод: то ли действительным намерением о. Игнатия, то ли горячим разговором двух подвижников, в котором была использована эта словесная фигура; но для игумена Антония не существовало разницы между словом и делом: для него слово становилось делом, а слово, не воплотившееся в дело было грехом. И он сожалеет только об одном: «что великое

¹⁷ См. с. 252 наст. изд.

движение юного возраста и сильной души испарилось и охладилось». Здесь мы видим ключ к раскрытию причины возникшего между двумя подвижниками непонимания — игумен Антоний не простил святителю Игнатию неготовности к исповедничеству, о чем сам впоследствии писал так: «Исповедничество было его уделом и назначением, а не шелковое настоятельство...».¹⁸ Очевидно, что игумен Антоний воспринимал и оценивал многотрудное настоятельское служение архимандрита Игнатия как определенное отступничество от идеала монашества.

Конечно, эти оценки представляются нам очень резкими, несоответствующими хрестоматийному образу святителя. Но здесь следует еще раз вспомнить программную мысль игумена Антония о праве на ошибку. Он воспринимал настоятельство святителя Игнатия в Сергиевой пустыни как крушение всего того, чему учил сам святитель, называя это «кораблекрушением праведника», в котором, однако, послушник Алексей нашел для себя спасение: «...Кораблекрушение праведника соделалось спасением грешника. Этот первый грешник был я».¹⁹ Еще одной причиной охлаждения отношений игумена Антония со святителем Игнатием могло стать также различие их духовных типов, о чем позже свидетельствовал о. Антоний в письме к монахини Марии: «...я с моею свободою мыслей не совершенно подхожу под его святую руку».²⁰

Все, пережитое в Сергиевой пустыни, несомненно, еще более подвигло новоначального инока на

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Письмо середины января 1864 г. (Там же. Л. 89; *Письма игумена Антония*. С. 326).

искание идеального монастыря: из Сергиевой он удаляется в Оптину пустынь; затем последовали новые искания и хождения по Руси. В 1844 году в Гуслицком Полтавском монастыре он, наконец, принимает монашеский постриг с именем Антония. Не найдя идеального монастыря в России, о. Антоний с этой целью совершает поездки на Афон и в Святую Землю.

Отдаление ученика от учителя продлилось, по свидетельству о. Антония, более 20 лет. Это наглядно иллюстрирует дошедшая до нас переписка святителя Игнатия и игумена Антония (1837–1867), изданная впервые в 1875 году и неоднократно переиздававшаяся впоследствии. Она содержит тридцать писем, причем за 1837–1857 годы известны всего лишь три письма — подавляющее же большинство их относится к последним годам жизни святителя. Еще в 1860 году в письмах к другим лицам игумен Антоний называет святителя Игнатия своим «бывшим духовным отцом».²¹ Несомненно, в этих словах можно почувствовать внутреннюю горечь, ведь *духовный отец* и *бывший* слова не сочетаемые. Отец духовный, по канонам церковным, избирается раз и навсегда и бывшим быть не может. Но игумен Антоний именно так в то время называет святителя Игнатия.

С 1860 года переписка приобретает регулярный характер. Что же послужило причиной возобновления отношений? В 1857 году была удовлетворена просьба архимандрита Игнатия об оставлении Сергиевой пустыни, настоятельством которой он давно

²¹ См. письмо к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) от 13 марта 1861 г. (*Переписка*. С. 529).

тяготился, — хотя и не таким образом, как представлял это себе сам настоятель. По рекомендации брата, Петра Александровича Брянчанинова, губернатора Ставропольской губернии, архимандрит Игнатий был представлен новым императором Александром II к хиротонии во епископа с назначением на Кавказскую кафедру с центром в Ставрополе. Эта хиротония необычна хотя бы тем, что рукополагаемый архиерей не имел формального духовного образования, — по этой причине она имела много противников в Синоде, — и только личное желание государя сделало рукоположение возможным.

Это событие, по-видимому, и способствовало изменению мнения игумена Антония о святителе Игнатии. Следует вспомнить, что Кавказская епархия в то время была не самым желанным местом архиерейского служения: на Кавказ ссылали, там шла война. Сама епархия была крайне неустроенна: на обширной территории от Каспия до Черного моря насчитывалось менее ста приходов. Поступок епископа Игнатия стал в глазах о. Антония тем самым исповедничеством, которого он в свое время требовал и ждал от него, тем подвигом, который был необходим, по мнению о. Антония, для того, чтобы подкрепить аскетические писания святителя делом. С этого времени и возобновляется их духовная связь и переписка.

Нужно отметить, что интуиции игумена Антония получили неожиданное историческое воплощение. Решительный и жертвенный поступок святителя Игнатия имел последствия для судеб всего Кавказа. Именно в период его святительства на Кавказской кафедре был «замирен» и сам Кавказ: кн. А. И. Барятинский пленил Шамиля в Гунибе в 1859 году. Мы

часто связываем исторические победы, великие свершения в истории нашего Отечества с какими-либо великими молитвенниками. К примеру, говорим: «Куликово поле вымолил Сергей Радонежский». Но если задаться вопросом о том, кто же «вымолил» победу в Кавказской войне, то при этом нам должно назвать имя святителя Игнатия. Война на Кавказе длилась более 70 лет, надежды на ее скорое окончание не было. Но когда на Кавказской кафедре появляется святитель Игнатий, в течение трех лет вдруг происходит полное «замирение», — такова была сила святительской молитвы.

В 1860 году иеромонах Антоний получает письмо от епископа Игнатия из Ставрополя с приглашением возглавить Черноморскую Лебяжью пустынь недалеко от Екатеринодара, первенствующий в то время монастырь на Кубани. Этот факт говорит не только о восстановлении духовных отношений двух подвижников, но и о высокой оценке святителем Игнатием монашеской опытности и пастырских дарований игумена Антония. В ответном письме о. Антоний выразил готовность принять приглашение, но вскоре выяснилось, что сам святитель Игнатий удалился на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.²² Очевидно, что без святителя Игнатия пребывание на Кавказе для игумена Антония теряло всякий смысл, и он просил уволить его от готовившегося назначения.

В последние шесть лет жизни святителя отношения между двумя подвижниками возобновились на новом уровне: в эти годы игумен Антоний понастоящему открыл для себя святителя Игнатия. За-

²² См. об этом несостоявшемся назначении: *Переписка*. С. 528–531.

вершающим же этапом в осмыслении игуменом Антонием масштаба личности святителя Игнатия явилась кончина последнего. На следующий день по смерти святителя — 1 мая 1867 года — он пишет монахине Марии письмо-некролог, ставшее подлинным гимном почившему. В нем слились пронизательные оценки и глубочайшие обобщения личности святителя Игнатия: «Горестное известие Ваше я сегодня получил (...). Я отслужил уже соборную панихиду о незабвенном нашем Отце и Учителе, Высокопреосвященнейшем Игнатию. (...) Новопреставленный, новый Иеремия, плакал всю жизнь о бедственных временах наших, о потемнении камыков святыни, о монашестве, прилепленном к оставленному миру. (...) Слава и честь преподобному Наставнику, учителю молитвы, сокровенного делания, учителю монашества непритворного, неявлятельного, нелицемерного. После преподобного Нила Сорского прошли века; мы оставались без умственного кормчего, и Господь воздвиг в наше время богоносного отца, любителя и почитателя учения преподобного Нила».²³ Игумен Антоний видел глубокий символизм в том, что святитель Игнатий преставился на память пророка Иеремии, а погребение его предполагалось на память Нила Сорского, — как будто сам Господь явил, кем был святитель Игнатий (Брянчанинов). «В день памяти его (Нила Сорского. — *прот. Г. Б.*) предадутся земле многотрудные останки земные истинного наследника и последователя Нила Сорского».²⁴ Есть в письме и формула, определяющая почившего святителя как живую «bibliotheca patrum», то есть библиотеку святых отцов. О. Антоний неоднократно

²³ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 6–6 об. См. с. 247–248 наст. изд.

²⁴ С. 248 наст. изд.

пытался составить биографию святителя. Сохранились ее подробный тезисный план и наброски.

Следует также отметить интересный момент премества святителя Игнатия и игумена Антония в Николо-Угрешском монастыре. Игумен (тогда еще) Игнатий в 1833 году был назначен настоятелем в Угрешскую обитель, — уже существовал подписанный указ, — и лишь в последний момент он получил новое, неожиданное для себя назначение в Троице-Сергиеву пустынь. Спустя почти сорок лет, в 1871 году в Угрешу прибыл игумен Антоний, провел здесь последний год своей жизни и здесь же нашел себе упокоение, преставившись 5 апреля 1872 года. Это внешнее, с точки зрения человеческой логики, совпадение представляется нам символичным и свидетельствует о неразрывной связи земных путей двух подвижников.

Настоящая работа не может исчерпать всего многообразия отношений двух столь ярких личностей. В ней намечена лишь основная канва и главная коллизия их сложных, порой драматичных отношений, которые, верим, нашли свое полное разрешение в вечности.

Е. Н. Егорова

Поэтическое творчество игумена Антония (Бочкова)

Поэт, который редким чудом
Умел сберечь до поздних дней
Огонь поэзии под спудом
И им пиры мирских ночей
Не озарял, но как лампаду
Для ликом Божиих сберег —
Тому подаст Свою награду
Отец и Дародатель Бог.¹

Игумен Антоний (Бочков)

Поэтические произведения занимают важное место в литературном наследии игумена Антония. Стихи он начал писать в юности. Тогда он увлекался переводами с французского, который знал в совершенстве. Как все стихотворцы первой трети XIX века, он сочинял также небольшие альбомные стихотворения. В прозе Бочков был последователем и единомышленником А. А. Бестужева-Марлинского, сочинения которого ценил очень высоко. Однако лучшие повести Бочкова о ливонском рыцарстве «Красный яхонт» и «Монастырь св. Бригитты», на наш взгляд, нельзя рассматривать как прямое подражание Бестужеву-Марлинскому. В них явно просупаает творческая индивидуальность автора. Его

¹ Из письма к монахине Марии (Шаховой) от 8 июля 1865 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 164).

оригинальный слог отличается от бестужевского, несколько тяжеловесного и «кудрявого», бóльшим изяществом, простотой и одновременно поэтичностью, отчего легче воспринимается современным читателем. Повести Бочкова довольно лаконичны, написаны в форме пересказа преданий, якобы слышанных автором во время путешествий по Эстляндии, куда он возил на лечение заболевшую туберкулезом жену Анну Прокопьевну. Сюжеты его «рыцарских» повестей, как правило, имеют трагическую развязку в духе Шекспира.

В примечаниях к очерку «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле»² Бочков приводит свое раннее стихотворение о рыцаре, который предстает перед ним в образе небесного паладина:

Наш храбрый паладин налечник опускает
На грозное лицо свое,
Берет огромное копье
И на коня, как молния, взлетает.
С какую ловкостью герой сидит в седле!
Дамасской сталью грудь покрыта,
И гордого коня копыта
Едва касаются земле.

Это стихотворение, одно из немногих опубликованных, дает некоторое представление о раннем периоде поэтического творчества А. П. Бочкова, который условно можно назвать «рыцарским» (условно, потому что он писал не только о рыцарстве), или романтическим. До 1832 года, по словам его друга и издателя А. А. Ивановского, он «много писал, но мало печатал».³

² Календарь муз на 1826 год. С. 60–75.

³ *РСт.* 1874. № 2. С. 395.

Смерть горячо любимой жены в 1827 году стала большим потрясением для молодого литератора. Тяжелый душевный недуг, который он перенес, подтолкнул его к решению отказаться от мирской жизни. С 1828 года А. П. Бочков путешествовал по монастырям, но нигде не мог найти того идеала монашеской жизни, к которому стремился. Наконец, в 1837 году он стал насельником Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, где принял рясофорный постриг. Настоятелем пустыни с 1833 года был архимандрит Игнатий (Брянчанинов), впоследствии епископ Кавказский и Черноморский. Образованный и талантливый о. Игнатий, автор богословских трудов и духовных стихотворений, стал наставником и другом А. П. Бочкова. Много лет они состояли в переписке.

Духовные искания приводят А. П. Бочкова почти к полному отказу от литературного творчества. В 1844 году епископом Полтавским Гедеоном (Вишневым) он был пострижен в мантию с именем Антоний, вскоре после этого возведен в сан иеромонаха. О. Антоний подвизается в разных монастырях (в основном Петербургской епархии), совершает несколько путешествий на Афон и в Святую Землю, посещает европейские страны.

В письме к монахине-поэтессе Марии (Шаховой) от 8 апреля 1864 года игумен Антоний, в то время настоятель Черемнецкого монастыря, писал: «До 1848-го года и даже до 1850-го я не читал ни журналов, ни стихов с 1836-го года. В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперед, что за ним мне следовать едва ли можно. А в 1851-м году в Ладогe я стал писать стихами. Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не гово-

рю о мыслях, но о конструкции».⁴ Творческое молчание о. Антония было, видимо, неполным, поскольку в одном из писем к монахине Марии он упоминает написанную им в 1840 году поэму в прозе «Повилика, обвивающая дуб».

Вернувшись к литературной деятельности, о. Антоний пишет преимущественно поэмы, большие эпические стихотворения и стихотворные послания. Чистой лирики у него немного, его стихотворения малых форм правильнее отнести к лиро-эпическим произведениям. Он и сам хорошо сознавал эту особенность своего дарования, когда писал: «Для меня картины легче лиризма. Истинный поэт соединяет то и другое».⁵

С. Г. Исаков, исследуя творчество игумена Антония, разделил его поздние сочинения на две группы.⁶ В первую он включил произведения, рисующие лучшие стороны духовной жизни: поэмы на евангельские сюжеты, переложения житий святых древности, стихотворные повествования о подвижниках благочестия, которые были современниками автора, большой поэтический цикл об Афонском восстании во время национально-освободительной войны в Греции в 1820-х годах.⁷ К этой же части исследователь причислил стихи о природе, архитектурных досто-

⁴ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 1 об.; *Письма игумена Антония*. С. 350. (В более развернутом виде эта цитата приведена на с. 159–160 наст. изд. — *Ред.*)

⁵ Там же. Л. 1–1 об.; *Письма игумена Антония*. С. 350.

⁶ *Исаков С. Г.* 1) Забытый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной пустыней // *Оптина пустынь: Монастырь и русская культура*. М., 1993. Вып. 1. С. 227–269; 2) Алексей Поликарпович Бочков. Биографический очерк (IV, 564–596).

⁷ О. Антоний в письмах к монахине Марии называет это сочинение «рапсодией».

примечательностях, переложения псалмов и стихотворения, написанные в этом стиле. Ко второй группе С. Г. Исаков отнес сатирические и юмористические произведения о. Антония, рисующие негативные стороны жизни. Исследователь отмечает, что в произведениях этой группы сильнее реалистическое начало, характерное для поэзии 1850-х — 1860-х годов, тогда как в произведениях первой группы много элементов романтизма и архаики, ориентированной на поэзию 1820-х годов.

Нам же представляется, что малые стихотворные формы в творчестве игумена Антония следовало бы рассматривать отдельно. Небольшие лиро-эпические произведения о. Антония — это как бы связующее звено двух основных частей его творчества, в котором соединились элементы романтизма и реализма, архаики и современности. Да и вообще разделение произведений о. Антония на группы весьма условно, ибо в так называемых сатирических его произведениях тоже довольно много романтизма.

В поэтических сочинениях игумена Антония нет явной назидательности и почти нет религиозно-философских рассуждений в высоком стиле. «Чтобы быть верным самому себе, я поэзию свою и называю звуками гитары: „Могу я отвечать гитарой, не псалмом. Гитара инструмент презренный, позабытый, служителям оставлен от господ (бывших до меня св(ятых) писателей). В нем струны, как в душе моей разбитой, для легких песен, не для од“»,⁸ — писал о. Антоний монахине Марии.

Автор был, пожалуй, себе самым строгим судьей и, как правило, оставался недовольным своими тво-

⁸ Письмо от 24 сентября 1865 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 127).

рениями, которые однажды даже назвал «стихотворным бредом»,⁹ болезнью. Он писал матери Марии, что у него «слабых, прозаических стихов довольно найдется».¹⁰

Игумен Антоний считал, что «весьма трудно поэзию заманивать в монашескую келью. (...) Поэзия монашеская, видно, еще не начиналась. Наши опыты не подвинут ее вперед».¹¹ Своим сатирическим даром он порой тяготился: «Страшно становится за себя и за ответственность перед Судиею, а удержаться не могу: сатира так и каплет с пера, и я премножество отгонял и уничтожил своих стихов в этом желчном роде».¹² Отношение к собственным сочинениям о. Антоний выразил в стихотворении «Бред засыпающего над костылем кладбищенского старца» (1864):

Стихи мои — поблекшие венки
Болотного, приземистого моха, —
Не украшение для гробовой доски —
Но видно мне их петь до мертвенного вздоха.
Зачем мне налагать на старые кресты
Мои бумажные, поддельные цветы?
Затем, что я во сне гуляю на кладбище
Воспоминаний, чувств, дум и скорбей моих.
Здесь все в смешении на гробовом жилище:
Стихи Давидовы и Ламартинов стих.
Во сне жезлом коснусь обломков пирамиды,
Встречаюсь с разрушенным столбом.

⁹ Письмо от 17 августа 1865 г. (Там же. Л. 29 об.).

¹⁰ Письмо от 8 апреля 1864 г. (Там же. Л. 1 об.; *Письма игумена Антония*. С. 350).

¹¹ Письмо не ранее 25 мая 1864 г. (Там же. Л. 90, 91 об.; *Письма игумена Антония*. С. 360–362).

¹² Письмо от 24 сентября 1865 г. (Там же. Л. 128).

Когда б я бодрствовал, то пел бы панихиды
И о друзьях моих, и о себе самом,
Читал бы я слова божественной Псалтири
В надгробном храмике и в тишине ночной.
Но... забываюсь я... и [хладный] ветер Сибири
Поет мне песнею тоскливою, степной.
Неситесь вместе с ним своею легкой ношей,
Мои иссохшие, поблекшие венки!
Вас время погребет под снеговой порошей
И дружба сохранит немногие листки.¹³

И действительно, почти все поэтическое наследие игумена Антония осталось не опубликованным. Исключение составляет только короткое стихотворение «Иоанн Богослов».¹⁴ Критическое отношение к своей поэзии, постоянная неудовлетворенность ею, скорее всего, и помешали о. Антонию издать сборник, о котором ему писал святитель Игнатий (Брянчанинов) 11 августа 1864 года: «Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. <...> В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, Ваших песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостью духовною!»¹⁵

Нами изучены опубликованные поэтические сочинения о. Антония и большая часть тех, что хра-

¹³ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 20; *Письма игумена Антония*. С. 398–399. Слово «хладный» в 17-м стихе относится к ранней редакции.

¹⁴ Домашняя беседа. 1866. № 3. С. 73.

¹⁵ *Переписка*. С. 550–551. («Событие» здесь употреблено как полногласный вариант слова «сбытие», в значении «исполнение», «осуществление». — Ред.)

нятся в ИРЛИ,¹⁶ а также его письма к монахине Марии, касающиеся этих сочинений.

Прежде всего, необходимо отметить достаточно высокое поэтическое мастерство о. Антония, особенно в сравнении с большинством авторов духовных журналов той поры, где печаталось много стихотворений поэтов-дилетантов. Его стихи благозвучны, мелодичны, в них практически не встречаются отклонения от классических стихотворных размеров, а переносы ударений сравнительно редки. Глагольными рифмами автор не злоупотребляет, и вообще рифмы в его стихах довольно точные и богатые. Обращает на себя внимание напевность поэтической речи о. Антония. По нашим подсчетам, на 100 звуков в его произведениях приходится 39–43 гласных, как и у лучших поэтов XIX века. В последовательностях из 1000 слов в поэме «Петербургский Ангел-сборщик» объем лексикона составляет около 580 слов, что свидетельствует о богатстве языка автора (к примеру, аналогичный показатель в «Евгении Онегине» Пушкина составляет около 620).

Ритмически стихи о. Антония весьма разнообразны. Он использует все двухсложные и трехсложные размеры с разным количеством стоп (от 3 до 6). Из 36 изученных произведений ямбом написано 23, хореем — 1, дактилем — 2, амфибрахией — 6, анапестом — 2. Два произведения написаны силлабическим стихом. Преобладание ямбов не случайно, поскольку основное место в поэтическом творчестве о. Антония занимают эпические и лиро-эпические произведения, которые чаще всего пишутся именно

¹⁶ ИРЛИ. Сигн. 3577. 102 л.

этим размером. Среди ямбических стихов явно преобладают классические четырехстопные, но нередки 5–6 стопные и вольные ямбы. Красивый пример ямбического стиха представляет собой поэма «Живой плач. Антон Иванович Зиновьев». Это произведение посвящено валаамскому подвижнику, наделенному даром покаянного плача.¹⁷ Начинается оно с лирической картины Валаама:

Прозрачны, чисты как кристалл,
Всегда спокойны, молчаливы
Между гранитных серых скал
Блестят широкие заливы.
И эти неба зеркала
В их бархатной зеленой раме
Природа пышно убрала
На серо-каменном Валаме.
Растения по берегам
Впились в камни и, корнями
Виясь, спустились к водам
Серо-зелеными змеями.
Как древний жрец под полотном,
Седой, в венке своем дубовом,
Стоит с нахмуренным челом
Валам в величии суровом.¹⁸

В наследии о. Антония много образцов пейзажной лирики. Природу он любил и тонко воспринимал ее красоту, слышал в ней особую музыкальность. Одно из его стихотворений называется «Музыка природы»:

¹⁷ Юродивый Антон Иванович Зиновьев проживал на Вааламе с 1816 года до своей кончины в 1852 году. О. Антоний посетил его в 1850 году. Поэма «Живой плач» сохранилась в ИРЛИ (Сигн. 3577. Л. 76–77) и РГИА (Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 97–98).

¹⁸ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 76.

И чудная рифма природы,
Всегда музыкальное эхо
Поет, удаляясь под своды,
Куплеты печали и смеха.
И с речью своей музыкальной
Течет ручеечек кристальный.¹⁹

Значительную часть Афонской «рапсодии» о. Антоний написал трехсложными размерами — амфибрахией и дактилем. Здесь также немало величественных описаний природы Святой горы:

Грозный Афон, как венцом, обвивая
Тучею серой свой мраморный пик,
В зеркале моря себя отражая,
Страшен казался и вдвое велик.
В рощах каштановых густо-тенистых
Прятались кельи, каливы, скиты,
В греческом небе, в лучах серебристых
Вечер, сияя, глядит с высоты.
Изредка в плесках ночного дельфина
Искрами сыпалась в море луна —
В нем колебалась Афона вершина,
Вспрянув мгновенно от долгого сна.
В этом молчанье с вечерней прохладой,
С благоуханием злаков ночных,
Весь озаренный небесной лампадой,
При огоньках на воротах святых,
Жизни духовной таинственной полный,
С небом беседовал горний Афон.²⁰

Как справедливо отметил С. Г. Исаков, особого внимания заслуживают произведения о. Антония, являющиеся стилизацией силлабического стиха, распространенного в русской поэзии XVII—XVIII

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Начало стихотворения «Стан» (ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 27–27 об.).

веков. Эти, как правило, 12–13 сложные стихи с цезурой в середине строки декламировали нараспев, поэтому ритмичного чередования сильных ударений не требовалось, важна была только рифма в конце. Хорошим примером силлабики игумена Антония является его стихотворение из письма к монахине Марии от 3 февраля 1864 года:

Златострунная псалтирь царя и пророка,
От холмов Сиона, с Кедрского потока,
Сколько лет бряцаешь ты; при скольких Владыках
Миллионами устен и на всех языках!
От палящего Синая и до льдистой Колы —
Во всю землю обтекают вещи глаголы.
Нет славнее этих песен, нет слаще для слуха:
Это голос вековечный Пресвятого Духа.²¹

В этом стихотворении, как и в ряде других, где содержатся размышления на духовные темы и молитвенные обращения к Богу, сравнительно много архаичных слов и выражений, восходящих к церковнославянскому языку. Во многих случаях это вполне оправданно. Духовная поэзия, даже современная, вообще редко обходится без таких выражений. С одной стороны, это помогает настроиться на молитвенный лад, а с другой — ощутить ритм и дыхание описываемой эпохи. В повествовательных произведениях о. Антония, даже если они связаны с евангельскими сюжетами или описанием житий святых и подвижников (к примеру, «Узник Претора»,²² «Вонифатий и Аглайда»²³) архаизмов сравнительно немного. Меньше их в Афонской «рапсодии» и почти

²¹ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 44; *Письма игумена Антония*. С. 333. (См. с. 200 наст. изд.)

²² ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 41–45 об.

²³ Там же. Л. 47–48.

нет в юмористических произведениях. На наш взгляд, архаичные выражения в сочинениях о. Антония не мешают их восприятию современными любителями духовной поэзии.

Изредка игумен Антоний включает в свои стихи французские слова и выражения. Они встречаются в стихотворных посланиях, в сатирических произведениях (к примеру, в «Петербургском ангелесборщике» в прямой речи представителей высшего света и в описании нарядов).

Примерно половина произведений о. Антония написана с перекрестной рифмовкой, самой распространенной в поэзии вообще. Гораздо реже им используется парная и вольная рифмовка и изредка — кольцевая. Иногда встречаются более сложные последовательности рифм. Например, монахине Марии, приславшей в 1864 году стихотворение «Иоанн Многострадальный», он ответил стихотворением «Хотя я прожил долгий век...» с последовательностью рифм ААЬААЬ.²⁴

О. Антоний хорошо владел поэтической формой. Судя по письмам к монахине Марии, он тщательно «отделявал» свои стихи, стремится к точности слова, благозвучности. Матери Марии он давал весьма полезные советы по совершенствованию ее стихов,²⁵ которые в общем оценивал достаточно высоко. Работая над Афонской «рапсодией», о. Антоний старался сделать сюжет входящих в нее произведений как можно реалистичнее, ближе к действительным событиям. Он сетовал в письмах к монахине Марии на недостаточность информации об этом героиче-

²⁴ Там же. Сигн. 3589. Л. 30 об. См. с. 241 наст. изд.

²⁵ Письмо не ранее 25 мая 1864 г. (Там же. Л. 90–91 об.; *Письма игумена Антония*. С. 359–360).

ском и одновременно трагическом эпизоде истории Афона, когда древние монастыри включились в борьбу греческого народа за освобождение от османского ига.²⁶

И все же сочинения о. Антония очевидно уступают произведениям выдающихся поэтов его времени, таких, как Н. А. Некрасов, А. К. Толстой, А. А. Фет, А. Н. Майков и другие. Одной из главных причин этого является некоторая «затянутость» поэм и длинных стихотворений о. Антония, их перегруженность второстепенными деталями. Так, в поэме «Зеленецкий лес»²⁷ автор слишком увлекся созерцательными описаниями природы, и это затрудняет восприятие читателем основного сюжета.

По поводу длиннот в сочинениях игумена Антония святитель Игнатий писал ему 16 декабря 1864 года: «Несомненно то, что в стихотворениях Ваших встречается то чувство, которого *нет* ни в одном писателе светском, писавшем о духовных предметах, несмотря на отчетливость стиха их. Они постоянно ниспадают в свое *чувственное* и святое духовное переделывают в свое *чувственное*. (...) Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других

²⁶ «Сожалею, что я не имею особенных сведений (кроме общих) о восстании афонцев в 1821, (182)2 и (182)3 году, когда они возмутились, были разбиты у перешейка и затащили в бегстве с собою соседние деревни со женщинами и стадами, и врагов на плечах, что было причиною опустошения Св. Горы» (Письмо от 9 октября 1864 г. — ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 97; *Письма игумена Антония*. С. 380).

²⁷ Поэма «Зеленецкий лес» опубликована в книге: *Крушельницкая Е. В. Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь*. СПб., 1998. С. 198–207.

литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения, сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слога и ясность смысла. Как они читаются легко! в них нет слова лишнего! (...) Почитав Ваши стихотворения и дав в себе сформироваться впечатление от них, нахожу, что и Вам необходим этот труд».²⁸

Многословие в поэтических сочинениях игумена Антония отметил также С. Г. Исаков. Однако в лучших произведениях о. игумена, таких, как «Петербургский ангел-сборщик», Афонская «рапсодия» и ряде лаконичных лирических стихов, длиннот не чувствуется, да и стихотворная речь в них естественнее, стройнее, динамичнее оттого, что не перегружена тяжеловесными архаическими выражениями. Вот, к примеру, сцена крещения младенца в бедной семье из поэмы «Петербургский ангел-сборщик»,²⁹ повествующей о том, как архангел Рафаил явился в столице в образе монаха-сборщика:

Приходит ангел. Древоделы
Смели все стружки на полу.
Готово место для купели,
Свечи горят в святом углу.
После крещения священник
Учтиво ангела спросил:
«Как Ваше имя, восприемник?»
«Монах и сборщик Рафаил;
Я из Архангельска». «Вот чудно, —
Пресвитер ангелу сказал, —

²⁸ *Переписка*. С. 552.

²⁹ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 50–62. Цитируется л. 56.

Крестьянам Ваше имя трудно,
Но я младенца так назвал».
И ангел тихое рыданье
Едва скрывал в груди своей,
Едва не обнажил сиянья
Своей главы, своих очей.
Он жаждал плакать и молиться
Всей мыслию, всем существом.
Со всеми он спешил проститься,
Благословляя этот дом...

Лаконично и емко одно из последних стихотворений игумена Антония, которое он написал, вероятно, в начале 1872 года, когда жил на покое в Петропавловском скиту Николо-Угрешского монастыря. В этом коротком стихотворении ему удалось в полной мере выразить свое восприятие евангельских событий:

Он ангелов Своих оставив и всю славу,
Нам, грешным, послужил во образе раба.
Ему здесь предпочли разбойника Варавву,
Он воинами был бичуем у столба;
Он по ланите бит в дому архиерея,
Пилатом выставлен в крови и наготе;
Его судили здесь, казнили, как злодея,
Он за врагов Своих молился на кресте.
Он странно родился под сводами пещеры
И странником в чужой гробнице погребен.
К Нему, Спасителю, взирая оком веры,
Молюся грешный я, коленопреклонен.³⁰

Поэтические произведения игумена Антония, если отвлечься от некоторых длиннот, читаются легко, с интересом. Этому способствует их разнообразная тематика, образность языка и мыслей, живость и искренность отклика на события древней и новей-

³⁰ Из письма к М. А. Башуцкой от 17 февраля 1872 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 37).

шей истории. Хотя вслед за св. Игнатием Брянчаниновым о. Антоний считал, что влияние Церкви на жизнь общества заметно уменьшается, монашество постепенно вырождается, и предвидел будущие страшные катаклизмы в России и Европе, общий тон его поэзии позитивный, далекий от пессимизма.

В своем исследовании творчества игумена Антония С. Г. Исаков подчеркнул, что поэзия этого автора заслуживает специального изучения. Однако исследователь завершил статью таким выводом: «А. П. Бочков, конечно, фигура второразрядная, если не третьеразрядная в истории русской поэзии, но то, что он совершенно забыт, несправедливо».³¹ С первой частью этой фразы мы не можем согласиться. Поэзия — не табель о рангах, и говорить о «разрядах» здесь вообще неуместно. Игумен Антоний не входил в число великих и выдающихся поэтов своего времени, но несомненно был талантливым, самобытным поэтом, произведения которого интересны современным любителям духовной поэзии. Настало время собрать, тщательно изучить и издать поэтические сочинения игумена Антония, снабдив их историко-литературоведческими комментариями.

³¹ *Исаков С. Г. Забытый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной пустыней. С. 259.*

Священник Александр Берташ

Игумен Антоний (Бочков) и Черемнецкий монастырь

Игумен Антоний (Бочков) — выдающийся деятель Русской Церкви XIX века. Уроженец столицы, воспитанник Иностранного пансиона, участник собраний крупнейших русских литераторов эпохи романтизма,¹ он сознательно посвятил себя монашеству. Обладая уникальной разносторонностью: талантами духовника, литератора, педагога, церковного администратора, он, прежде всего, как никто из современников, исключая, быть может, святителя Игнатия (Брянчанинова), сумел дать оценку, даже диагноз духовному состоянию русского общества позднесинодального периода. Глубокие характеристики о. Антонием тех отрицательных сторон церковной жизни, которые иной раз неожиданно воскресают и в современном бытии нашей Церкви, представляются как нельзя более актуальными.

¹ Биографические сведения об игум. Антонии см.: Чумиков А. А. Алексей Поликарпович Бочков, в монашестве от. Антоний // *РСт.* 1889. № 2. С. 377–380; Голицын Н. С., кн. Иеромонах Антоний Бочков // *РСт.* 1889. № 11. С. 372–374; Рейтблат А. И. Бочков Алексей Поликарпович // *Русские писатели. 1800–1917.* М., 1989. Т. 1. С. 322–323; Исаков С. Г. Забытый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной пустыней // *Оптина пустынь: Монастырь и русская культура.* М., 1993. Вып. 1. С. 237–269.

Основной период жизни о. Антония, принявшего постриг в 1844 году, связан с монастырями Санкт-Петербургской епархии. По прошению от 16 марта 1848 года он был переведен в Старо-Ладожский Николаевский монастырь «с зачислением по болезненному состоянию в заштат». Произошло это при настоятеле иеромонахе Феофане (Комаровском), из дворян, будущем архимандрите, настоятеле Соловецкого монастыря († 1871). С декабря 1852 года — духовник монастыря, попеременно пребывал в Тихвинском Большом и Николаевском монастырях. 12 сентября 1857 года определен на больничную вакансию в Тихвинский монастырь. С 31 марта 1861 года иеромонах Антоний — настоятель Введенского Островского Оятского монастыря, где обнаружил и ликвидировал неурядки в «письменной части», то есть в монастырской отчетности. С 6 апреля — в сане игумена, награжден палицей. В это время он уже являлся одним из самых авторитетных монашествующих священнослужителей епархии. Не случайно консистория поручила ему разобраться в конфликтной ситуации, возникшей в женском Старо-Ладожском Успенском монастыре, связанной с денежными и имущественными проблемами. Характерно почти пророческое свидетельство о. Антония о положении русского монашества и России в целом, относящееся к этому периоду: «Монашество наше стремится, елико можно и где можно, подражать миру в манерах, словах, обычаях, забывая, что эта внешность часто прикрывает пустоту и бесхарактерность. Это направление я видел повсюду, а там, куда еще не достигло оно, вместо древнего благочестия стоит одна древняя грубость и мертвая буквальность. Едва-едва и кое-где найдется человек,

ищущий спасения. Ретроградное же направление скита Гефсиманского, Гуслиц и тому подобных общественных заведений и заманок рано, или поздно, обратится к общему руслу, куда все течет теперь неудержимо».²

23 марта 1862 года игумен Антоний был определен настоятелем Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря,³ расположенного на живописном острове Череменецкого озера,⁴ близ места, где в 1478 году крестьянину Мокию из деревни Русыня явилась икона св. апостола Иоанна Богослова. Великий князь Иоанн III счел это знаком благоволения Божия к делу покорения им Новгорода и повелел устроить обитель. Череменецкий монастырь стал одним из немногих, основанных лично государем земли Русской. Во второй половине XVI века вместо деревянного храма на высоком насыпном холме был сооружен из известняковой плиты и валунов Иоанно-Богословский собор — один из старейших в Петербургской епархии. В 1580 году монастырь был разорен литовцами. Мученическую кончину приняла братия — настоятель иеромонах Закхей и 17 иноков, в том числе 2 схимника.

² Письмо к свт. Игнатию (Брянчанинову) от 11 июля 1861 г. (*Переписка*. С. 534).

³ О монастыре см.: Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1871. Вып. 2. С. 239–256; *Мелетий (Урядинский-Жолнин), архим.* Общежительный Череменецкий Иоанно-Богословский второклассный монастырь. СПб., 1907; *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы Ленинградской области. Лужский район. СПб., 2001. С. 11–21.

⁴ Ныне Лужский район Ленинградской области, Скребловская волость, местечко Черемец.

В писцовых книгах Шелонской пятины 1581–1582 годов среди построек монастыря числятся церкви, кельи, конюшни, мельница. Все они были деревянными, кроме собора. В 1664 году монастырь приписан к Николо-Вяжищской обители под Новгородом, в которую вывезли казну, бумаги и часть утвари. В 1707 году на месте деревянной церкви Рождества Богородицы (XVI век) усердием дворянина Е. В. Курицына построена новая, во имя Преображения Господня. Достаточно скромный храм — редкий пример каменного строительства в провинции в петровское время (как известно, оно практически находилось под запретом). В середине — второй половине XVIII века собор расширили пристройкой трапезной с высокой столпообразной колокольней, получившей завершение в духе западноевропейского барокко. При Екатерине II монастырь был выведен за штат.

Черемнецкую эпоху жизни игумена Антония можно частично реконструировать по письмам, преимущественно адресованным поэтессе монахини Марии (Шаховой), святителю Игнатию (Брянчанинову), литератору и издателю А. П. Башуцкому,⁵ который часто бывал в монастыре.

⁵ Александр Павлович Башуцкий (1803–1876) — сын коменданта Санкт-Петербургской крепости, выпускник Пажеского корпуса; автор обширной «Панорамы Санкт-Петербурга» (Ч. 1–3. СПб., 1834) с приложением видов столицы, описания тихвинских монастырей, летописей декабрьского мятежа 1825 г. (служил адъютантом М. А. Милорадовича) и восстановления Зимнего дворца после пожара, издатель «Журнала общепользных сведений» (1835–1839), «Детского журнала для образования понятия сердца и нрава» (1838–1839), «Иллюстрации» (1848–1850); действительный статский советник, камергер. Придерживался строго-

К этому периоду относится большинство дошедших до нас в рукописях трудов игумена Антония как литературного, так и «духовно-практического» свойства.⁶ Поэтические произведения о. Антония, написанные в Череменце, являются своеобразным источником сведений о монастырской жизни 1860-х годов.

Материалов, касающихся внутренней жизни обители, дошло до нас немного. Можно лишь отметить, что по кротости о. Антония привести жизнь братии к монашескому идеалу не очень удавалось. «Я страдаю болезнию — порядка. В Никольском много лет старался очистить собор от всего лишнего и старое, не уничтожая, поставить на приличные места. Это и здесь формируется, а между этим средств мало, да и споспешников мало»,⁷ — пишет он. «Вчера служил я в день св. Михаила Архангела, собравши последние силы, и за предстательство его день прошел хотя и не радостно, поелику мои ангели не все были во умном стоянии, но все еще не в полном безумии; надобно благодарить Господа за все. Иван⁸ все еще хворает, хоть и выходит: простудил голову жестоко и чувствует сильный лом в черепе. Сергей⁹ частенько страдает флотскою болезнию,¹⁰ живя уже давно по своей воле. За них непременно я должен дать ответ

православных и консервативных взглядов, был послушником в ряде монастырей.

⁶ Они преимущественно находятся в РГИА (Ф. 1680, 36 ед. хр.) и ИРЛИ (Сигн. 3577, 3589).

⁷ Письмо к монахине Марии от 8 августа 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 61 об.; *Письма игумена Антония*. С. 373).

⁸ Речь идет об иеродиаконе Иоанне (Краеве), казначее и регенте Черемнецкого монастыря.

⁹ Иеромонах Сергей, ризничий.

¹⁰ Запоем. — *Ред.*

Господу своему и Судии праведнейшему и не могу себя оправдать в некоторых случаях: во грехах моих и в неправдах стою пред Господом моим. Между тем дела идут своею чередою».¹¹ Еще более печальная картина предстает перед нами в описании о. Антонием состояния местного крестьянства: «В нашей округе частенько выбывают на тот свет любимую российскою дорогою: пьянством. Если теперь не хватятся за ум — то пиши пропало всем нашим великолепным правительственным реформам. Они с практикою как-то в разладе, а главное: предусмотрительности мало замечается».¹² «В Луге ждало меня довольно важное дело — увещание 2-х крестьян, подозреваемых в братоубийстве. В ближайшей нашей деревне убита целая семья: крестьянин Симон, жена его Евдокия и дочь Анна, и доселе следов не открыли, хоть и взяли по самым близким уликам братьев убиенного. Я наперед знал, что эта работа духовная мне не по силам, но повиновался, и целых 4 часа продолжалось увещание — бесполезное. Подозреваемые не сознались. Я почти уверен, один из братьев виновен, но он ни в одном слове не сбился при моем увещании и следователей. Мы сменялись почти по часам».¹³

Большую отраду доставляло игумену Антонию общение с людьми его круга. В годы жизни в Черемнце (до апреля 1871) отец Антоний духовно окормлял монахиню Ангелину (Александрю Филипповну фон Розе, урожд. Шмакову; 1809–1880), которая с 1865 года по его благословению начала устройство Свято-Троицкой Творожковской женской общины. 29 декабря 1866 года игумен Антоний освятил пер-

¹¹ Письмо к монашине Марии от 9 ноября 1864 г. (Там же. Л. 69–69 об.; *Письма игумена Антония*. С. 393).

¹² Письмо от 16 июля 1865 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 154 об.).

¹³ Письмо от 3 июня 1865 г. (Там же. Л. 169 об.).

вую домовую церковь при Общине во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». Уже после его кончины, в 1875 году, мать Ангелина приступила к сооружению Троицкого собора¹⁴ (восстановлен в 2007 году).

Став настоятелем Черемнецкого монастыря, о. Антоний занялся обновлением находившейся в упадке обители. С самого начала ему пришлось преодолевать и последствия пожара 1863 года, и безденежье. Не случайно в статье «Черемнецкий Богословский монастырь», написанной позже для «Домашней беседы» В. И. Аскоченского, о. Антоний заметил: «Черемнецкий монастырь доселе богат одними видами (...) и есть самый бедный и последний во всей Петербургской епархии».¹⁵ В письме к известному церковному благотворителю Павлу Ивановичу Орлову,¹⁶ пожертвовавшему на обитель тысячурублей серебром, он так образно характеризовал состояние не избалованного вниманием богатых паломников заштатного монастыря: «Обитель наша, точно бедный Лазарь, лежит недалеко от европейской дороги, но никто из богатых путешественников в нее не заходил, кроме тех разве избранных, кого Сам Господь заносит в обитель наперсника Своего на крыльях орлих».¹⁷

¹⁴ См.: *Берташ А. В., Яковлев Н. А.* Свято-Троицкий Творожковский женский монастырь // *Наследие монастырской культуры: ремесло, искусство, искусство.* СПб., 1997. Вып. 1. С. 19–28.

¹⁵ *И. А. (Антоний (Бочков), игум.).* Черемнецкий Богословский монастырь // *Домашняя беседа.* 1866. № 7. С. 187.

¹⁶ П. И. Орлов — нарвский I гильдии купец; построил Никольскую церковь в Ивангороде, приют в Нарве, водопровод в Валаамском монастыре.

¹⁷ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 64.

Созерцательный склад характера о. Антония не помешал ему проявить себя на Череменце талантливым строителем. При нем были отремонтированы храмы, возведены здания хозяйственных служб на монастырском острове. Без разрешения и официально утвержденного плана, то есть, вероятно, по собственному проекту, о. Антоний в 1866–1867 годах соорудил гостиные кельи из булыжного камня. Это здание сохранилось и используется ныне по назначению. Им были построены также каменные одноэтажные братские кельи (1864), каретный сарай с конюшнями и оградой. Наконец, значительные работы были осуществлены в соборном Иоанно-Богословском храме, где в 1867 году был обновлен иконостас.¹⁸ В одном из писем игумена Антония к сыну П. И. Орлова, Александру Павловичу, от 27 сентября 1867 года, он описывает иконостас собора, «который (...) стал и красив и великолепен, лучше моего ожидания. Икона Тихвинская и две местные: Спасителя и Божией Матери богато вызолочены, над ними второй ярус или пояс, прежде составленный из стареньких и разнокалиберных икон, теперь состоит из 12-ти икон в золоченых ризах, что придает всему вид церковный, древний при богатстве позолоты. 3-й и 4-й ярусы апостолов и пророков вызолочены также на полях икон, и все оканчивается прекрасным фронтоном с новым Распятием и предстоящими, весьма хорошо исполненными. Весь иконостас исправлен по старому плану, только с новыми колонками и украшениями, и ярко вызолочен. Общий вид очень богатый. Кроме того, позлащены две боль-

¹⁸ См.: О благосостоянии монастырей Санкт-Петербургской епархии. 18 декабря 1867 — 19 марта 1868 // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 59. Ед. хр. 32. Л. 37.

шие иконы на столбах. Цареградской и Печерской. <...> ...купол собора расписан очень удачно. Изображение св. Троицы и евангелистов вышли хороши. Стены под куполом остались до следующего года без расписания, за недостатком времени. Походная риза также сделана и вызолочена». ¹⁹ В 1867 году архитектор К. К. Кольман осуществил ремонт и перестройку Преображенской церкви, приобретшей новый шатровый купол на шестигранном барабане в русском стиле. Росписями в монастыре в это время занимался художник Чернышев.

Своими хозяйственными заботами о. Антоний нередко делился в письмах. Так, монахине Марии года он писал 25 мая 1864 года: «Вчера было служение, потом гости, потом с младшею братиею ездил я в Деревенец собирать и выжигать сучья. Собрали огромную грудку и зажгли к великому удовольствию юношества. Осталось еще грудку 5 несожженных. Пламя было так велико, что начала было гореть соседняя травка и коренья. Потому большей иллюминации не было». ²⁰ Излагал он их и в стихотворной форме, например, в большом стихотворении «Черемец»:

Вот еще недавно храм распространили,
Окна порасширили, железом покрыли,
Трапезой его сомкнули с древней колокольной,
Все любят; все хвалят; все стали довольней.
Купол новгородский, гордый, одинокий,
Уменьшили и воткнули очень невысоко
Деревянные четыре маленькие главки.
Лучше ли он стал, не знаю, от этой прибавки?
Стал собор пространней, сделали веселым;

¹⁹ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 13–14 об.

²⁰ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 23–23 об.; *Письма игумена Антония*. С. 358.

Издали он кажется витебским костелом.

Прежний храм был тесный, точно храм Перунный,²¹

В озере столбом он стлался тихой ночью лунной.²²

В упомянутой выше статье «Черемнецкий Богословский монастырь» о. Антоний в свойственном ему лирическом стиле (близком своеобразным стихотворениям в прозе святителя Игнатия (Брянчанинова)) излагает историю обители.²³ Особый интерес представляет легенда о посещении Черемнца Иоанном IV. На противоположном монастырю Солнцевоом берегу в то время показывали камень, с которого грозный царь созерцал обитель, основанную его дедом. Несомненны художественные достоинства повествования: «Как нарочно, для храма св. евангелиста Иоанна Богослова кинут небольшой островок на самую средину озера, осененный великолепными дубами, липами, вязами, кленами и неизбежными нашими березами. Из густоты деревьев белеется только тоненькая, осьмигранная колокольня и чуть-чуть видны главы собора; стены, кельи — все потонуло в зелени. <...> ...все стушевано: сероватые стенки булыжного камня, крыши низменных деревянных зданий, крытые черным толем, кельи, притаившиеся у подошвы холма — все сливается с роскошною, густою зеленью. Один только храм св. апостола господствует над всем, белея на высоком холме, природном своем пьедестале, и привлекая к себе внимание благочестивого поклонника. В ночь Св. Пасхи <...> вся

²¹ Имеется в виду Перынский Рождество-Богородицкий скит в Новгороде на месте языческого капища, где находится, вероятно, самая малая из сохранившихся в России домонгольских каменных церквей, построенная в XIII в. — Свящ. А. Б.

²² ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 95. См. с. 211–212 наст. изд.

²³ Домашняя беседа. 1866. № 7. С. 187–189.

процессия видна на вершине холма, как на воздухе, между огнями. Сквозь ветви деревьев, еще обнаженных по весеннему времени, как сквозь черно-огненное кружево, белеются стены правильного храма и блещут облачения шествующих с крестами».²⁴ Стихотворение «Черемонец» дополняет это описание:

Полуостров, омовенный светлыми водами,
Отовсюду осененный липами, дубами;
Точно маленький ландшафтик на картинке детской,
Иль на шторах пейзажик с фермой немецкой.
Вот на первом плане видны: берег и коровки
И мальчишек деревенских льняные головки.
Гонят прутом в поле стадо маленькие дети,
Видны в озере покойном: лодка, парус, сети.
Холм могильный весь в деревьях; церковь посредине.
Что-то видно и не видно, точно на картине.
И белеет минаретом, тонким, осьмигранным,
Колоколенка на небе сером и туманном.

Изобразив в подробностях черемонецкий пейзаж, игумен Антоний переходит к изложению исторических преданий обителю. Далее следует вполне реалистическое описание чудотворного образа апостола Иоанна Богослова, созерцание которого настраивает автора на философский лад:

Но пойдем, помолимся Иконе старинной
Иоанна Богослова. Лик темный и длинный,
Как зерно пшеничное, густо пожелтый,
Уцелевшее одно от пшеницы спелой.
Жатва времени! ты здесь все косой скосила,
Прахом все посыпала и похоронила;
Лишь одно зерно осталось — этот лик священный,
Неизвестно, где он скрылся от бури военной.
От зерна священного вновь возшла обитель...

²⁴ Там же. С. 187.

И заканчивается стихотворение евангельским мотивом:

...Озеро! могу ль тебя звать Тивериадой?
Часто здесь в народе праздничном, веселом
Ходит сам Апостол по деревням, селам;
За иконой приезжают лодочки и челны —
И Спаситель сам переходит чрез легкие волны.²⁵

Игумен Антоний давал достаточно строгую оценку собственному поэтическому творчеству, называя себя «жалким» и «скучным стихотворцем», «который рифмами частенько отгоняет разные мысли».²⁶

Образ смиренного монаха-энциклопедиста дополняют крайне интересные замечания о. Антония о церковном пении и искусстве.²⁷

²⁵ ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 94–95. См. с. 209–212 наст. изд.

²⁶ Письмо к монахине Марии от 3 июня 1865 г. (Там же. Сигн. 3589. Л. 169 об.).

²⁷ «Мы совершенно утратили вкус и чувство к пению монашескому, которое по греческим древним примерам не так глашалось. Там стихиры стиховны и весь канон пел один певец-тенор; ему подсказывал канонарх — весь хор *бессловно* подтягивал певцу или аккомпанировал ему. Слышавшие это старинное пение говорили, что оно тихою своею манерою было лучше нынешнего: не утомляло и не раздражало слух, как нынешние всенощные. В Афонской горе Господь привел мне послушать предначинательный псалом вечерни („Благослови душе моя Господа“). Он продолжался часа полтора с канонархом по обоим клиросам и с аллилуиею на каждом стихе. Я чувствовал себя не на земли, и слезы лилися сами собою. Вот одни 80 минут отрады в Афоне. В Юрьеве при отце Фотии пели удивительно хорошо Херувимскую столбовую, совсем иначе, нежели в Бабайках, где все переделано по нотному итальянскому и выходит ни то ни сё. Грубое, резкое валаамское пение лучше действовало на душу мою, нежели бабаевское» (Письмо от 18 сентября 1864 г. // Там же. Л. 51–52 об.; *Письма игумена Антония*. С. 378).

Из писем мы узнаем, что о. Антоний занимался и иконописанием: «У меня остановилось все: и проза (и стихи, слава Богу), ездю по озеру, брожу по рощам и ничего почти не делаю. Пишу большой Крест для одного островка, и то с великим принуждением. Лениость, конечно, отъемлет все силы».²⁸

Важнейшим делом о. Антония в черемнецкий период было составление исторического описания монастыря. 27 декабря 1863 года Историко-статистический комитет, учрежденный для составления полного церковно-исторического статистического описания Санкт-Петербургской епархии, обратился к настоятелям с просьбой подготовить и «напечатать описания монастырей, за их счет и в их пользу с уступкой в пользу комитета 50 экземпляров».²⁹ По благословению правящего архиерея, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского) от 26 октября 1863 года предлагались «Дополнительная программа для составления

«...Переходное время Петра Великого, когда наши пустились копировать с иностранного и резьбу, и живопись до мелких украшений, а наши архиереи, большею частию воспитанники киевских бурс, выносили оттуда чудовищный вкус полупольский, который господствует в Малороссии от Лавры до Полтавы: в этом вкусе и маленькая ваша церковь с деревянными резными украшениями вместо риз и все ее орнаменты. Удивительно, как не брали примера с вашего Тверского стройно-строного собора, который однако же по низу кое-где дополнен иконами в пышно-натянтом вкусе Елизаветы или Екатерины» (Письмо от 8 августа 1864 г. // Там же. Л. 61; *Письма игумена Антония*. С. 373).

²⁸ Письмо от 16 июля 1865 г. (Там же. Л. 154).

²⁹ О историческом и статистическом описании Черемнецкого монастыря от историко-статистического комитета. 27 декабря 1863 — 15 апреля 1870 // ЦГИА СПб. Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 813. Л. 1.

историко-статистического описания церквей и приходов Санкт-Петербургской епархии» и «Записка для обозрения Русских Древностей», которые следовало возвратить секретарю общества, священнику А. Гумилевскому до 1 марта 1864 года. 26 мая 1867 года благочинный монастырей епархии архимандрит Игнатий (Малышев) потребовал от о. Антония скорее доставить историко-статистическое описание Череменца секретарю комитета, священнику Петропавловского собора Димитрию Флоринскому. Игумен Антоний ответил, что не сумел отправить описание вовремя в связи с работами по перестройке обители.³⁰

Вскоре о. Антоний закончил свой труд. Это замечательное описание существует в нескольких редакциях, но опубликован был не самый полный текст. Вариант, высланный в комитет 16 ноября 1867 года, показывает компетентность о. Антония в области не только истории, но и архитектуры. Он указывает, что собор сходен с Георгиевским храмом в Ладоге («такая же кладка из плиты, булыжника и мусора»), собор был одноглавый, «шея купола выше нынешней, подобная некоторым новгородским старинным куполам». Трапезная, по оценке о. игумена, относилась к последней половине XVIII столетия.³¹ Из достопамятностей обители было приведено описание Библии Острожского издания 1581 года.³² О. Антоний обращал внимание на другие источники в изучении истории обители. Так, он указывал, что у помещика Базанина хранилась древняя рукопись о сожжении монастыря литовцами и мученической кончине бра-

³⁰ Там же. Л. 39–40.

³¹ Там же. Л. 41–50.

³² Там же. Л. 53.

тии: настоятеля иеромонаха Закхея и 17 иноков, в том числе двух схимников.³³ Использовались и грамоты монастырского архива (утрачен в советское время), и писцовые книги XVI—XVII веков. О. Антоний, как это было ему свойственно, не довольствовался достигнутым. Сохранился следующий вариант описания, расширенный и отредактированный.³⁴

Наконец, еще одним делом настоятеля стало устройство подворья в столице с часовней святого Иоанна Богослова. Участок на Моховой ул., 25, рядом со своим домом, пожертвовал купец Тимофей Туранов в память о своем сыне Василии. Проект, составленный архитектором В. В. Виндельбандтом, переделал епархиальный архитектор Г. И. Карпов. Закладка состоялась 14 августа 1863 года, освящение — 3 января 1865 года.³⁵ «Осень избавила меня на некоторое время от кринолинов соседних, но едва ли избежать мне от путешествия в родимый град мой. Часовня требует надзора», — указал о. Антоний в одном из писем.³⁶ «Готовлюсь к хлопотам по случаю освящения нашей часовни: явления миру для меня очень тягостны, а наши благотворители не хотят делать дело доброе втайне, а въяве: хотят приглашать и митрополита, и весь мир; это доселе облаком лежит на уме моем, и если бы Господу угодно было или болезнию, или даже смертию изъять меня из сей молвы, то я счел бы это милостию».³⁷ Действительно,

³³ Там же. Л. 2–12.

³⁴ Там же. Л. 34–38.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 860. Оп. 1, д. 782. 1862–1868.

³⁶ Письмо к монахини Марии от 9 ноября 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 69 об.; *Письма игумена Антония*. С. 393–394).

³⁷ Письмо от 8 августа 1864 г. (Там же. Л. 60–61 об.; *Письма игумена Антония*. С. 373)

торжество освящения возглавил митрополит Исидор (Никольский), который преподнес в храм точный список с чудотворной иконы ап. Иоанна Богослова (утрачен).³⁸

16 января 1868 года «по расстроенному здоровью и согласно прошению» о. Антоний ушел на покой с должности настоятеля, что было окончательно утверждено духовными властями 3 марта. В то время вместе с богомольцами-трудниками в монастыре проживало около 50 насельников (из них 6 иеромонахов, 4 иеродиакона, 1 священник, 2 монаха, 13 послушников). Бывший казначей иеромонах Авраам, преемник о. Антония, 15 августа 1868 года был возведен в сан игумена. Он и завершил начатые прежним настоятелем труды.

Возможно, основной причиной ухода о. Антония стало желание уделить большее внимание молитве, а не административным хлопотам. Еще в 1864 году он писал монахине Марии: «Близок наш народный праздник с крестным ходом, ночлежниками, гостями, балаганами: все это пестрое соединение молитвы с житейскими попечениями хоть и недурно, и картинно, и в нем бывают особенные сцены весьма поучительные и для безмолвника: но я все еще не совсем привык к этим праздникам. Для этих таборов или Фаворов (под ним часто собирается конская выставка к продаже), для этих народных собраний нужны тихие, рассудительные, долготерпеливые Моисеи, знавшие все стороны ими управляемых душ: стороны хорошие и худые; но я, человек келейный и мечтатель, редко вижу все в настоящем виде:

³⁸ См.: Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 319.

очки мои то уменьшают, то увеличивают все предметы — посему неправильны». ³⁹

«Нелегко в наше время править монастырем. Все-го лучше сознаться, что в наше время, при наших обстоятельствах — монашество невозможно, и что мы, настоятели, правим из-за чего-нибудь... но едва ли для спасения других. Я, например, из-за теплой кельи и теплого платья, которого мне не дадут в общежитиях и заставят самого таскать дрова и есть, что попало. Богу ведомы мои внутренние страдания — но люди видят мой костыль». ⁴⁰

Конфликтные ситуации, судя по тому, что игумен Антоний долго не покидал монастырь по окончании своего настоятельства, не играли в данном случае определяющей роли. О своем преемнике, игумене Аврааме, который приходился ему духовным сыном, он отзывался благожелательно, иногда с легкой иронией. ⁴¹ Например, 25 марта 1869 года о. Антоний замечает: «Здесь все идет лучше, нежели при мне, и по хозяйству и даже по церкви. Больше народу: старик точный Авраам со многочисленным семейством». ⁴² Годом позже он пишет: «Авва наш почти не живет в обители: то в крестном ходу, то в Питере, то на коровнике, то в лесах у дров и работников. Выстроил для коров целый ковчег, вырубил несколько деревьев, и я боюсь, что запутается в дол-

³⁹ Письмо к монахине Марии от 18 сентября 1864 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 51–52 об.; *Письма игумена Антония*. С. 378).

⁴⁰ Письмо от 9 мая 1864 г. (Там же. Л. 26–27 об.; *Письма игумена Антония*. С. 356).

⁴¹ «...Фара (чтобы не смешали с Сарою) был отец Авраамов, а я есмь духовный отец Авраама, следственно прихожусь ему Фарою...» (Письмо к М. А. Башуцкой 1869 г. // Там же. Л. 33–33 об.).

⁴² Там же. Л. 15–15 об.

ги, из которых уже не выпутается, потому что крестные ходы, по соглашению с попами, дело не очень правое и в будущем не очень верное. Более всего благодарю Господа, что избавил от сего темного послушания».⁴³

Бытовые, порой ироничные, картинки монастыря в письмах о. Антония этого времени сменяются глубокими суждениями о смысле жизни и монашеского бытия: «Если приедете в наш скит, то, конечно, мы постараемся вас принять по-черменецки: без особенных радостей, а так, в чем застанете. До сего дня еще не изгнана отсюда любимая мною детская простота, и парадное монашество нас не стесняет: все ходят без маски».⁴⁴

«Вчера были у нас гости воскресные, многое множество. Не только посылали за ними лодки через 2-х верстное озеро, но для одной компании нарочно большой ялик починили, спустили на воду в субботу, послали гребцами клиросных басов, выписывали лососину из Петербурга, пекли пряженцы; потом, плохо накормивши (а они ехали обратно опять завтракать), должны были по случаю ливня и туч тянуть с ними разговор, совсем ненужный с час, в ожидании вёдра, за тем и за сим наши заботы еще не прекратились, еще огонь любви и странноприимства не угас в сердце Авраамлем и моем, Фарином».⁴⁵

«Чермонец недурен по чистой воде, но в нем не обретается любимого мною русского нашего леса; летом везде встречные и поперечные, везде сквозит

⁴³ Письмо к А. П. Башуцкому от 3 января 1870 г. (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18).

⁴⁴ Письмо к М. А. Башуцкой от 25 марта 1869 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 14 об.-15).

⁴⁵ Письмо к М. А. Башуцкой 1869 г. (Там же. Л. 33).

прорубленная роща, и негде оплакать то горе, которое ношу в себе: оно в келье и в безмолвии еще сильнее слышится; один только воздух и утомительная ходьба могут развеять его. Но 8 лет уже научили небольшому терпению: терплю, доколе Господь поможет»,⁴⁶ — здесь речь, по всей вероятности, идет не только о внутренних скорбях о. Антония, не оставлявших его в течение всего пребывания в Черемнецком монастыре, но и о некоторых внешних факторах. Так, в марте 1870 года Синодом была назначена Комиссия для освидетельствования самовольно произведенных при игумене Антонии строительных работ в монастыре.⁴⁷ Это разбирательство, инициированное, предположительно, кем-то из окружения о. Антония, а также обострившиеся отношения с его преемником, игуменом Авраамом, очевидно, и заставили жившего на покое в Черемнице бывшего настоятеля покинуть обитель.

Немалую роль здесь сыграла и судьба его единственного сына Петра, которому он в свое время не сумел уделить достаточного внимания. Петр, наследник значительного состояния, с юности оказался в Париже, вел беспорядочный образ жизни и вернулся на родину тяжело больным. Он скончался на руках отца в Черемнецком монастыре, будучи приписан к нему в качестве послушника. В одном из хранящихся в ИРЛИ писем к М. А. Башуцкой (от 25 марта 1869 года), мы встречаем трагическое описание о. Антонием последних дней сына: «Сожалею о нескончаемых скорбях Ваших. Рано или поздно кончатся они, как кончилась недавно горестная жизнь

⁴⁶ Письмо к А. П. Башуцкому от 3 января 1870 г. (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 17 об.)

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 1036.

моего сына, Петра; умер он 14 февраля, страдавши почти 8 лет; постепенно лишаясь членов и, наконец, пред смертью лишился и языка за несколько недель и 40 дней не сходил с постели. Только последние минуты были тихи: более и не нужно: для этих минут мы и живем и даже согласимся страдать, лишь бы они были тихи. Я особоровал его, и через 14 часов его не стало; и как будто он того только и ждал, томясь дня три очень сильно. Теперь и я остаюсь с полною свободою — горе горевать и жить монашески. 47 лет со дня брака цепь скорбей обвивала меня по рукам и по ногам: я поблагодарил Господа Бога за смерть сына, как некогда радовался его рождению».⁴⁸

Переживаемые личные скорби усугубили суровую оценку о. Антонием положения Церкви в мире: «Господь попустил этому реформатору (Петру) коснуться самой Церкви, но истинная Церковь не боится ни реформаторов, ни прогресса». «Везде одно: хорошо платите и веруйте во что хотите. Если цель прогрессистов — ниспровержение всего (чему я не верю), то Сам Господь за них и действует ими. Лучше сжечь Содом и разрушить Капернаум, разорить храм и предать на попрание Царьград и Иерусалим, нежели терпеть мерзость запустения на святом месте».⁴⁹

В начале 1871 года игумен Антоний принял решение перебраться в подмосковный Николо-Угрешский монастырь, где настоятельствовал его давний духовный друг архимандрит Пимен (Мясников), ныне прославленный как местночтимый святой Московской епархии. С 12 апреля 1871 года о. Антоний жил

⁴⁸ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 14–14 об.

⁴⁹ Письмо неизвестному адресату 1870 г. (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 27–27 об.)

на покое в тамошнем скиту и 5 апреля 1872 года принял блаженную кончину. По характеристике преп. Пимена Угрешского, «о. игумен Антоний был человек весьма тихого и кроткого характера и с ним было бы жить весьма легко, ежели бы он сам имел поболее силы воли и не так легко смущался, иногда весьма ничтожными обстоятельствами. Он был человек от природы весьма умный, начитанный, имел обширную память, был приятный собеседник, человек воздержный и любивший монашество (но мечтавший о невозможном, т. е. о совершенной независимости монашества, как в первые века своего существования), и потому провел все время своего иноческого жития в отыскании несуществующего и в стремлении к недостижимому».⁵⁰

Черемнецкий монастырь на рубеже XIX—XX веков, после кончины игумена Антония, по-прежнему не относился к числу процветающих, но не был оставлен вниманием богомольцев. В крестных ходах из монастыря в г. Лугу на 1 мая, которые ежегодно совершались в память избавления от холеры в 1848 году, участвовал священномученик Вениамин (Казанский). Дважды посещал обитель великий князь Константин Константинович, в 1895 году он пожертвовал к иконе св. Иоанна Богослова серебряную лампаду. Среди других святынь в конце XIX века упоминаются ковчежец с частицами Животворящего Древа и святых мощей, иконы Пресвятой Богородицы: Славянской, Печерской и «Всех скорбящих Радости»; в Преображенском храме — Тихвинской

⁵⁰ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 208–210.

и Иерусалимской Божией Матери и храмовый образ.

С 1897 года монастырь возведен во второй класс. В середине XIX века между островом и берегом озера была устроена дамба. В 1914–1916 годах архитектор Н. Г. Кудрявцев, владевший имением под Лугой, осуществил ремонт собора. По его же проекту была сооружена церковно-приходская школа (1902) и предполагалась постройка нового храма в византийском стиле (1914), так и не осуществленная. В монастыре существовали мастерские — портняжная и сапожная, хлебопекарня, квасоварня, скотный двор, молочня, кузница, гумно с ригой, ледник, сальные сараи, бани и прачечные.

Монастырь и обе церкви закрыты в 1930 году, здания переданы сельхозартели «Красный Октябрь» и детскому интернату. Предположительно, в 1946 году Иоанно-Богословский собор взорван «на кирпич» для мощения дорог. Оказалось, что он построен из плиты, и разборка так и не была завершена (остались две стены и алтарная апсида). В последующем в монастыре находилась школа садоводства, с 1967 года — турбаза. Преображенский храм использовался как клуб, внутреннее убранство и росписи утрачены.

Почти полностью разрушено кладбище, на котором, помимо братии, похоронены владельцы окрестных имений — представители русской аристократии: Базанины, Безобразовы, гр. Девиер, Карамышевы, Полетика, Ренни, Сукины, Херасковы, Хохловы. Лишь частично сохранились склеп Половцовых, надгробия Глинок-Мавриных, Квашниных-Самариных. Необходимо его восстановление и благоустройство

территории, на которой расположен едва ли не лучший в епархии монастырский парк.

Здания монастыря возвращены Церкви в 1992 году под подворье Троицкого собора Александро-Невской лавры, тогда же осуществлены первые ремонтно-реставрационные работы. Как обитель Черемнецкий монастырь действует с 1997 года, настоятель игумен Митрофан (Осяк). Братия состоит из двух иеромонахов, двух иеродиаконов и двух монахов. Службы совершаются в отремонтированной в 2007 году Преображенской церкви. Главная святыня — большой (около 1,5 м²) явленный образ св. Иоанна Богослова, возвращенный из Лужского Казанского собора в 1999 году. Он является одним из самых древних на сей день в храмах Санкт-Петербургской епархии и одной из старейших явленных икон, принадлежащих Русской Православной Церкви. Не случайно по этой святыне паломники называют монастырь «Северным Патмосом». Образ неоднократно, и не всегда удачно, поновлялся (последний раз в 1950 году), поэтому требует серьезной реставрации.

В монастыре уцелели дом настоятеля, келейные и гостиничные корпуса 1860-х годов, трапезная и ряд хозяйственных построек XIX века. Каменная Успенская часовня (1905) на соседнем с Черемнецким острове Деревенец и историческое петербургское подворье с часовней ап. Иоанна Богослова на Моховой улице не сохранились. В Петербурге с 2002 года действует монастырское подворье с соборным храмом Пресвятой Троицы (1862–1868, архитектор Г. И. Карпов), который после его закрытия в 1937 году был доведен до аварийного состояния. Это бывшая Киновия (общежительный скит) Александро-Невской лавры (Октябрьская наб., 18).

ПУБЛИКАЦІИ

Поэтический диалог игумена Антония (Бочкова) и монахини Марии (Шаховой)

*Вступительная статья, публикация
и комментарии Е. М. Аксененко*

Сближение игумена Антония (Бочкова) с духовной дочерью святителя Игнатия (Брянчанинова) — послушницей Елизаветой (Шаховой, 1822–1899), в постриге монахиней Марией,¹ произошло в начале его настоятельского служения в Черемнецком монастыре. Ко времени вступления отца Антония в 1862 году в настоятельскую должность наставник Елизаветы уже находился на покое в волжском Николо-Бабаевском монастыре. О поддержке Елизаветы Шаховой святитель Игнатий просил своего духовного друга еще в 1858 году, уезжая из С.-Петербургской епархии к месту епископского служения на Кавказ.

Игумен Антоний был старше монахини Марии на 19 лет. Несмотря на разницу в возрасте, этих талантливых людей соединило не только духовное родство, но и поэтическое сотворчество, единственным свидетельством которого являются сохранившиеся

¹ О монахине Марии см.: Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899) / Публ. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб, 2006. С. 344–366. Далее: *Автобиографический очерк*.

письма игумена Антония к монахине Марии.² Эти письма дают возможность воссоздать поэтический диалог, развернувшийся между игуменом Антонием и монахиней Марией в середине 1860-х годов.

При всех различиях начала жизненного пути Алексея Поликарповича Бочкова, сына состоятельного купца, получившего хорошее образование в иностранном пансионе, и Елизаветы Никитичны Шаховой, болезненной девочки, воспитывавшейся в домашней обстановке обедневшей дворянской семьи, рано потерявшей кормильца, оба обратили на себя внимание талантливыми и многообещающими литературными опытами. А. Бочков — историческими «рыцарскими» повестями, эссе, очерками, Е. Шахова — стихами. В полудетском возрасте 15-летняя Елизавета заявила о своем таланте небольшой книжкой стихотворений, изданной в 1837 году.³ Затем последовали журнальные публикации и три поэтических сборника. Но вовсе не раннее вступление на поэтическое поприще — нередкое в 1820-х — 1830-х годах (вспомним Е. Б. Кульман, А. П. Бунину) — поставило Елизавету Шахову в особое положение среди женщин-поэтов своего времени. Современников поразило факт отречения молодой многообещающей поэтессы от мирской жизни.

² В Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде Е. Шаховой хранятся 100 писем игумена Антония к разным лицам, из которых 88 адресовано матери Марии (ИРЛИ. Сигн. 3589). См. подробнее: *Письма игумена Антония*. В РГИА в личном фонде игумена Антония среди 26 его писем к разным лицам имеется 4 письма к монахине Марии (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15).

³ *Шахова Е. Н. Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы*. Писано в 1836 г. СПб., 1837. — 23 с.

Если успешно начавшуюся литературную деятельность А. Бочкова прервала смерть жены, за которой последовали болезнь, духовные искания и принятие монашества, то отказ Е. Шаховой от поэтического творчества не был столь резким и драматичным. Начиная с первого стихотворения «Видение девушки», опубликованного О. И. Сенковским в «Библиотеке для чтения»,⁴ читатель мог почувствовать своеобразие взгляда юной поэтессы на мир, сложившегося под влиянием жизненных испытаний. Болезненность Елизаветы, наступившая слепота матери, смерть отца, стесненные материальные обстоятельства семьи способствовали раннему самоуглублению и пробуждению религиозного чувства.

Рецензенты писали о «безыскусственной простоте» ее стихотворений, в которых «много неподдельного чувства, особенно там (...) где мы видим в ней женщину, дочь, сестру».⁵ В отзыве Академии наук на второй сборник — «Стихотворения» — отмечалось, что наряду с «легкостью и свободностью стиля, ясностью мыслей, чистотою чувств», стихотворения «ознаменованы высокою христианскою преданностью воле Провидения в перенесении бедствий».⁶ Представляя третий сборник поэтессы, Н. А. Полевой назвал музу Елизаветы Шаховой «задумчивой» и писал: «Голос чувства всегда найдет отголосок

⁴ Шахова Е. Н. Видение девушки // Библиотека для чтения. 1837. Т. XXI, № 4. Отд. V. С. 108–112.

⁵ См.: Современная библиографическая хроника. Русские книги. Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб., 1839 // Отечественные записки. 1839. Т. 6. Отд. VII. С. 148; Русская литература. Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб., 1839 // Северная пчела. 1839. 9 нояб. № 254. С. 1015.

⁶ Труды Имп. Российской академии. СПб., 1840. Ч. I. С. 77.

в чувстве других...»⁷ Тем не менее, уход в послушницы Спасо-Бородинского монастыря 23-летней девушки, в течение восьми лет известной обществу как поэтесса, с точки зрения мирского сознания, был неожиданным.

Свой четвертый стихотворный сборник «Мирянка и отшельница»⁸ Е. Шахова издала, проведя уже четыре года в монастыре. Но на этот раз критика оценила ее поэтические труды сдержанно и холодно. По верному замечанию А. М. Панченко, столь «отчетливое свидетельство религиозной активности личности», сначала поведенческое, а затем и словесное, не принималось общественным сознанием.⁹ Не удивительно, что имена начинающих литераторов А. Бочкова и Е. Шаховой после ухода их в монастырь быстро забылись.

Точная дата знакомства о. Антония и Е. Шаховой неизвестна. В 1837 году А. Бочков стал послушником Троице-Сергиевой пустыни и духовным сыном ее настоятеля — архимандрита Игнатия (Брянчанинова). Только через 10 лет, в конце июля 1847 года, произошла встреча архимандрита Игнатия с Е. Шаховой — послушницей Спасо-Бородинского монастыря, куда он заехал по просьбе игумении Марии (Тучковой), направляясь к месту лечения в Николо-Бабаевский монастырь.

⁷ Полевой Н. Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб., 1842 // Русский вестник. 1842. № 4. Отд. III. С. 28. — В рубрике «Новые русские книги. 1842 год».

⁸ Шахова Е. Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2 ч. СПб., 1849. — 4, 346, IV с.

⁹ Панченко А. М. Ранний Пушкин и русское православие // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 285.

О посещении Бородинского монастыря архимандрит Игнатий писал наместнику Сергиевой пустыни иеромонаху Игнатию (Васильеву) 7–8 сентября 1847 года: «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и ⟨...⟩ Бородинская г-жа игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею ⟨...⟩. На другой день некоторые из ⟨сестер⟩ познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая, со слезами говорили: мы с Вами точно с родным отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, многие с хорошим светским образованием. ⟨...⟩ Какие есть на свете души! И как чудно Слово Божие! Недаром один святой отец говорит, что сеятель сеет сряду, а неизвестно, которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай» (VII, 350–351).

Впечатление, которое произвело на монахиню Марию знакомство с архимандритом Игнатием, она позже так описала в своей автобиографии: «Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета священноинока и была им принята под руководство».¹⁰ По возвращении в Сергиеву пустынь после лечения в следующем — 1848 — году архимандрит Игнатий вызвал Е. Шахову из Бородинского монастыря, и под его наблюдением молодая послушница занималась изучением творений святых отцов и переводила с французского «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История Христианства» аббата Флери.¹¹ После года обучения духовный настав-

¹⁰ Автобиографический очерк. С. 350.

¹¹ Клод Флери (1640–1723), аббат — историк Церкви, член Французской академии, автор труда «Histoire ecclésiastique» (Paris, 1719).

ник направил Елизавету в Старо-Ладожский Успенский монастырь на попечение другой своей ученицы, монахини Августы (Козминой).

В 1852 и 1857 годах игумена Антония на короткое время назначали духовником Старо-Ладожского Никольского мужского монастыря, но прямыми свидетельствами общения его с Е. Шаховой в это время мы не располагаем. Во всяком случае, о том, что в 1851 году в Старой Ладоге он «стал писать стихами», игумен Антоний признается монахине Марии только в письме от 8 апреля 1864 года.¹²

В конце 1850-х годов в отношениях монахини Августы с начальством монастыря возникли трения, перешедшие в трудно разрешимый конфликт. К этому времени уже вступивший на епископскую кафедру в Ставрополе и навсегда покинувший Петербург святитель Игнатий и поручает Е. Шахову и монахиню Августу попечению игумена Антония. Елизавета со своей наставницей, получив письменное благословение святителя Игнатия, уходят из монастыря искать себе пристанище в другом месте. Некоторые сведения о перипетиях этого периода жизни Е. Шаховой можно почерпнуть из переписки святителя с игуменом Антонием.

18 апреля 1861 года святитель. Игнатий писал: «Сердечно радуюсь, что труженицы Августа и Елизавета нашли в Вас единомудренного, сочувствующего им сподвижника. Бог да благословит Ваш духовный союз во славу Святого Имени Своего и в пользу душ, жаждущих услышать слово Божие и при руководстве Его спасти души свои от нравственной смерти, которая настигнет всех, лишенных

¹² *Письма игумена Антония.* С. 350.

истинной пищи — слова Божия». ¹³ Через месяц святитель вновь обращается к игумену с просьбой: «Не оставляйте ладожских стариц, находящихся в любви Вашей отраду в сиротстве своем и отдающих Вам полную цену». ¹⁴ В ответ на заинтересованное участие игумена Антония в устройстве дел монахини Августы и Елизаветы святитель Игнатий не раз передавал их благодарности и сам благодарил его.

Скитания Е. Шаховой закончились в Твери в Христорождественском монастыре, где, по ее словам, игуменья Мария (Игнатьева) «совершенно успокоила у себя». ¹⁵ С 1862 года, когда старица Августа вместе с Елизаветой поселяются в тверском монастыре, переписка отца Антония с Е. Шаховой становится регулярной. Игумен Антоний продолжал помогать Елизавете в устройстве на новом месте, о чем свидетельствует его письмо от 31 декабря 1862 года к директору канцелярии Синода действительному статскому советнику П. И. Саломону. В письме отец Антоний просил содействия в пострижении Елизаветы в мантию ¹⁶ с возможным последующим игуменством: «...Осмелюсь напомнить Вашему Превосходительству о Елисавете Никитичне Шаховой, которая беспокоится о том, что доставлен ли в св<ятейший> Синод ее формуляр с представлением к пострижению? Не задержались ли эти бумаги в Твери? Потому прошу — аще возможно — посо-

¹³ *Переписка*. С. 530–531.

¹⁴ Там же. С. 532.

¹⁵ *Автобиографический очерк*. С. 287.

¹⁶ Помощь была необходима, так как по тогдашним правилам монахиням запрещалось давать окончательные обеты до 50-летнего возраста, тогда как Е. Шаховой в 1862 году исполнилось только сорок лет.

действовать ее делу. Она будет хорошая игуменья при инспекции мон(ахини) Августы, которая может быть доброю и опытною старицею. Монастырь их, если Вы постараетесь им открыть двери к добрым и христианским подвигам — будет в честь, а не в бесчестие монашеству».¹⁷

Хлопоты игумена Антония были не напрасны, и, вероятно, в первой половине 1863 года (точная дата неизвестна) Елизавета Шахова после почти 20-летней послушнической жизни¹⁸ приняла постриг в мантию с именем Мария, в честь преп. Марии Египетской.

Несмотря на то, что за 1863 год письма в архиве отсутствуют, с большой долей вероятности можно утверждать, что к концу года переписка приняла оживленный характер, о чем свидетельствуют письма начала 1864 года.¹⁹ Пик переписки приходится на 1864 и 1865 годы (соответственно 35 и 30 писем), в 1866 году обмен письмами постепенно идет на убыль, за 1867–1869 годы сохранилось лишь по несколько писем. Хронологически период активной переписки совпадает со временем настоятельства игумена Антония в Черемнецком монастыре (1862–1868) и пребыванием в те же годы монахини Марии в Христорождественском монастыре.

Местонахождение ответных писем монахини Марии к игумену Антонию неизвестно. 26 февраля 1864 года последний писал ей: «Если умру, то Вас уведо-

¹⁷ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 7.

¹⁸ Е. Шахова стала послушницей в 1845 году, после вступления в Спасо-Бородинский монастырь, а ее постриг в рясофор состоялся, предположительно, в 1850-е годы в Старо-Ладожском монастыре.

¹⁹ *Письма игумена Антония*. С. 323–333.

мят — и если найдутся письма Ваши, то вышлют обратно. Хоть это все тогда будет уже в воле Бога, а не моей».²⁰

В своих письмах игумен Антоний, прежде всего, старался ободрить находящихся в нелегких жизненных обстоятельствах мать Августу и ее наставницу, продолжая оказывать им духовную поддержку. Святитель Игнатий благодарил отца Антония в письме от 21 февраля 1864 года: «Спаси Вас Господи за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахини Марии Шаховой».²¹ Но в посланиях игумена Антония, наряду со словом духовного наставника, естественно и органично звучит самобытное яркое слово художника. Так, уже в единственном сохранившемся письме за 1862 год — от 18 ноября — после поздравления матери Августы с днем Ангела автор несколькими точными штрихами рисует образы Москвы, Петербурга и Твери: «Путь Старицы Вашей кончен. И слава Богу, что не Ладога, а Тверь дает ей убежище в преклонных летах. Я не знаю города более русского, и вообще Тверская губерния сохранила некую древнюю благодать и отеческое незримое благословение отшедших св. отцов России. Москва слишком воцарилась с утратою древней свободы и простоты, и в Алексее Михайловиче уже развенчала своего Патриарха и сама развенчалась; Петербург — это гвардеец, который, кажется, также отслужил свою службу и слишком позабылся. Ваша Тверь, как потомок древнего, чистого рода, хоть и потеряла свое прежнее значение, но все еще не утратила своего благородства. Нечто такое есть в ней. О! если бы и живущим там было мирно, тихо, привольно как рыбе,

²⁰ Там же. С. 340.

²¹ *Переписка*. С. 548.

чтобы не тревожили ее сухопутные и речные пароходы и не словили частые сети!»²² Художественные вкрапления — «вставки», «зарисовки», «картинки» — являются характерной стилистической особенностью писем игумена Антония к Е. Шаховой.

Известный в молодости как начинающий прозаик, он, очевидно, уже тогда пробовал себя и в качестве поэта. В одном из писем к матери Марии игумен Антоний признался, что, «испытав себя в поэзии (...) бросил свою гитару», что произошло, вероятно, в середине 1830-х годов, перед вступлением на стезю иноческого подвига. Но по прошествии 30 лет монашества, по образному выражению игумена Антония, «снова пробивается запертый ключ».²³ Не удивительно, что установление регулярной переписки довольно скоро привело обоих поэтов к обмену стихотворениями. С конца 1863 года в эпистолярную переписку вторгается переписка поэтическая.

В настоящем сборнике предпринята попытка реконструкции «стихотворного диалога» из 24 стихотворений игумена Антония и монахини Марии конца 1863 — 1864 годов, на основе опубликованных и не опубликованных стихов, писем и других архивных материалов обоих корреспондентов.

Монахиня Мария записала свои стихотворные послания вместе с несколькими другими произведениями, датированными 1862–1864 годами, в 58-листовую тетрадь в твердой обложке, хранящуюся теперь в ИРЛИ в ее фонде.²⁴ Поэтические ответы

²² *Письма игумена Антония*. С. 323.

²³ Там же. С. 371 (письмо от 14 июня 1864 г.).

²⁴ ИРЛИ. Сигн. 3584. Все стихотворения вошли в издание, подготовленное внучатым племянником поэтессы (*Собрание сочинений в стихах*).

игумена Антония большей частью сохранились в его письмах. Несколько стихотворений хранятся в его личном архиве в РГИА среди чистовых автографов поздних вариантов стихотворений.²⁵ Большинство стихотворений поэтического диалога впервые опубликованы в качестве приложения к публикации писем игумена Антония.²⁶

Уже первое из сохранившихся писем игумена Антония к монахини Марии за 1864 год свидетельствует об установившемся к этому времени диалоге в стихах. В большом и содержательном письме, датированном предположительно серединой января, игумен Антоний сообщает о посланных своих и полученных от монахини Марии стихах и отвечает одновременно на два ее стихотворных послания.²⁷ С конца 1863 и в течение 1864 годов обмен стихотворениями происходил наиболее активно. С меньшей интенсивностью корреспонденты посылали друг другу стихотворения во все время переписки, т. е. до конца 1860-х годов.

Начало поэтического диалога, очевидно, инициированное монахиней Марией, могло быть положено ее стихотворением с выразительным названием «Арфа в пустыне», автограф которого, датированный 1863 годом, сохранился в ИРЛИ. Возвращение к стихотворной деятельности передано здесь через

²⁵ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13.

²⁶ *Письма игумена Антония*. С. 324–433.

²⁷ Черемнецкий монастырь из-за отдаленности своего местоположения не имел регулярного почтового сообщения, и отправление почты часто зависело от погодных условий: паводок, распутица, морозы останавливали передачу почты иногда на несколько дней, а то и недель, что нередко нарушало последовательность получаемых писем и ответов на них.

аллегорический образ ожившей арфы, когда-то «забытой певцом» «в пустыне дикой и глухой / На ветке дерева сухой». Засохшее дерево и висящую на нем арфу оживил посланный Творцом ангел, благодаря которому «арфа звуки издала / Давно немая и глухая». Стихотворение посвящено жене П. И. Саломона, П. В. Саломон. С этим благочестивым семейством оба корреспондента находились в дружеских отношениях.²⁸

В личном фонде игумена Антония в РГИА сохранился его стихотворный ответ: «Старинные гусли в ответ М⟨онахине⟩ М⟨арии⟩ Ш⟨аховой⟩ на ее арфу в пустыне», где также в аллегорической форме поэт представляет свое возвращение к стихотворчеству. Игумен Антоний изображает себя «поющим на торгу» слепым «калекой перехожим», которого невидимый поводырь уводит «от базаров и площадей», высоко, туда, «где не слышен шум людей». Здесь калека улавливает доносящиеся «от Волги» звуки «арфы золотой», после чего он «молодеет, оживает, / Стал дитей в один момент». Но певец не уверен в своих поэтических силах:

Неужель свои напевы
Ты сравняешь, старина,
С вдохновенной песнью девы,
Пробужденной ото сна?

И хотя калеку призывает его поводырь: «Что ж, и ты примись за гусли, / Грянь-ка в струны, старец, грянь!» — слепой певец видит свое место в толпе народа на соборной площади:

²⁸ Семейство Саломонов игумен Антоний упоминает, например, в письме, датированном концом января 1865 года (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 125 об.).

Наши речи — басни веча —
Их не любит монастырь.
А те песни издалеча —
Златогрунная псалтирь.

Игумен Антоний противопоставляет арфе как самому древнему музыкальному инструменту, под звуки которого пел сочиненные им псалмы сам царь Давид, гусли (по определению В. И. Даля, — «род лежачей арфы») — один из популярнейших инструментов в народном быту и исполнительской практике скоморохов.²⁹ Неизменно впоследствии величая монахиню Марию «арфисткой», игумен Антоний очевидным образом поддерживал ее стихотворные опыты. Умаление же своих поэтических достоинств, обозначенное уже при обмене первыми стихотворениями, будет постоянно подчеркиваться игуменом Антонием на протяжении всего времени его эпистолярного общения и поэтического диалога с монахиней Марией. Относясь к своим стихам преувеличенно критически, он именовал себя не иначе как «бандуристом» или «гитаристом», отводя себе, подобно исполнителям на этих инструментах в городском и усадебном быту, более прозаическое место.

В «Отзыве на стихотворение: „Старинные гусли“» монахиня Мария подхватывает предложенную игуменом Антонием «игру» аллегорическими образами. Снижая привычный для ее поэзии 1840-х годов романтический пафос, поэтесса в шутливой манере рисует картину движения почтового поезда, доставляющего письмо адресату:

²⁹ См.: Фаминцын А. С. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890; Тихомиров Д. П. История гуслей: Очерки. Тарту, 1962.

Свищет адская машина:
Искры мечутся огней,
(Ночью страшная картина,
Колесница без коней!)
Чу! земля гудит! несется,
Монастырских близко стен,
Так что церковь вся трясется
Рясоносных дев и жен...

В своем послании монахиня Мария преобразует лирического героя стихотворения игумена Антония «Старинные гусли...»: во сне вместо *калеки* она видит идущего по Невскому рынку старца-священноинока: «С древним посохом в руке, / Со свирелью за плечами», который «о мире <...> скорбит, / И о нас душой болит!»

Получив ответ монахини Марии, игумен Антоний обратил внимание на его стихотворную форму: «...Ваше начало очень живо, и внутренним ухом подслушано движение паровоза. Один стих „монастырских мимо стен“, я подумал переставить „мимо наших мирных стен“, но раздумал, потому что Ваше „мимо стен“ звукоподражательнее, и свист машины в нем слышнее...»³⁰

Игумен Антоний подчеркивал диалогический характер завязавшейся стихотворной переписки: «В это время накидано мною несколько *страничных* стихотворений. Одно внушено Вашим листком³¹ с берегов Тмаги.³² <...> Вот мои стихи, Вами

³⁰ *Письма игумена Антония*. С. 325 (письмо от середины января 1864 года).

³¹ «Листками» игумен Антоний называл стихотворения, прилагаемые к письмам на отдельных листах.

³² Тмага — приток Волги, современное название Тьмака. Тверской Христорождественский женский монастырь располагался при впадении рек Тьмаки и Тверцы в Волгу.

внушенные...»³³ Действительно, посланный отцом Антонием ответ «Издадека я слышу топот...» был построен на первой строке стихотворения монахини Марии — «Свищет адская машина...» — и выросал из нее в развернутую метафору. Аллегорической картиной падения тяжелого поезда при столкновении с брошенным на рельсы бревном автор изобразил бессилие дьявола перед крестным знаменем:

Змее железныя дороги
Опасна встреча, перекрест.
И для дьявольской тревоги
Ужасно встретить Божий Крест.

В письме от 26 января игумен Антоний благодарил монахиню Марию за положительный отзыв об этом стихотворении («Я очень рад, что понравилась Вам моя безделка: но, право, она не стоит Вашего листочка»³⁴) и слал еще одно — «Пастух-бандурист»,³⁵ написанное в ответ на вторую часть «Отзыва...» монахини Марии. Преображая героя стихотворения из калеки в пастуха, автор иносказательно напоминал себе о своем главном призвании — пастырском долге священнослужителя и настоятеля монастыря. Эпический характер образу пастуха-пастыря придавала упоминаемая в названии бандура — народный инструмент, имеющий древнее происхождение.³⁶ В самом же стихотворении бандура превращалась

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 331.

³⁵ Поздний вариант стихотворения сохранился в РГИА (Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 91–92).

³⁶ См.: Лисенко Н. В. Кобзарь Остап Вересай, его музыка и исполняемые им народные песни Киев, 1874.

в гитару,³⁷ которой автор в очередной раз противопоставлял псалтырь и, как и в предыдущем стихотворении, уступал свое место певца с «разбитой гитарой» «воздушному перу» монахини Марии:

Я стал играть, и как-то вяло, глухо.
И персты худо слушают меня.
Быть может оттого, что старческого слуха
Коснулась чья-то песнь... и я умолк, звеня.
Прости ж, мой друг, негромкий, малострунный!
Доколь не соберемся мы с душой.
Пойдем к овцам. Их Агнец белорунный,
Вручив мне, дал и посох свой святой.

Доверительный обмен сочинениями побудил монахиню Марию выслать на суд игумена Антония последний из своих изданных сборников — «Мирянка и отшельница» и, возможно, рукописи неопубликованных стихов. Поэтесса сопровождала их передачу посланием под названием «Ответ на стихотворение „Пастух-бандурист“», в котором указывала на начало своего поэтического пути:

Простите мне, мой друг, мой Старец, мой отец,
Смирнейший пастух Апостольских овец!
Что лепты медные, простые,
Своих неизданных стихов,
Из старых высыплю мешков,
И за червонцы золотые
Любовию отлитых слов —
Плачу вам старую, заржавленной монетой, —
Чеканенной еще *Елизаветой!*

Обыгрывая в стихотворении перемену мирского имени на монашеское (а также свою соименность с императрицей Елизаветой Петровной), монахиня

³⁷ Внешне бандура похожа на испанскую гитару, на ней также играли, по определению Даля, «пальцами, по-гитарному».

Мария тем самым нашла изящное художественное решение для передачи своей неуверенности при возвращении к стихотворчеству. Противопоставление имен, положенное в основу образной системы стихотворного ответа, отразилось и в ритмике: стихотворение строится на свободном сочетании шестидольных строк с четырехдольными, последней же — одностопной — строкой акцентировано монашеское имя поэтессы:

И прячется под Ваш покров
Мария.

Легкость стиха, поэтическая отделка присланного ответа восхитили игумена Антония: «Последний Ваш ответ Пастуху-бандуристу так блистателен, жив, игрив и светел, что, читая его, я как будто выпил бокал наилучшего вина, которое мне пробежало по всем жилам. За Вами пальма победы! — писал он в середине января. — И я отвечать уже не в силах, кроме прилагаемых, довольно томных стишков...»³⁸ В небольшом ответном восьмистишии, начинающемся словами «Нет! Ваше золото червонное так звонко...», видна попытка игумена Антония последовать за монахиней Марией, используя разностопные стихи.

Монахиня Мария, несомненно, более поэтически одаренная, воспринимала неудовлетворенность игумена Антония своими сочинениями как неверие его в свой талант. В стихотворении «Ответ на ответ» она старалась поддержать творческий дух собеседника:

В вас — дух высокого поэта,
В вас — дар небесного певца,
И — ум глубокого аскета,

³⁸ Письма игумена Антония. С. 324.

И мудрость Истины жреца,
В вас — сердце, полное как море,
Таит сокровища на дне...

Но игумен Антоний преувеличенно критически относился не только к своей поэзии, но и к собственной личности, что нашло отражение в стихотворении «Идеал», где автор иронично «развенчивал» собственный образ, увиденный глазами монахини Марии. 26 января он писал по этому поводу: «Вы и не знаете и не подозреваете — писал он — *причин* моего непринятия чьих-либо похвал. (...) В душе своей я считаю себя неоплатным должником (пред) Господом моим и ничего не сделавшим для уплаты долгов моих». ³⁹ Отводя от себя лестные оценки, прозвучавшие в стихах монахини Марии, игумен указывал ей на «истинный идеал», достойный поэтического пера, — на святителя Игнатия:

Другой есть идеал для вашей псалтири:
В одежде царской и венце.
В руках трикирий и дикирий,
Он там, над Волгою, не здесь на Черменце.

Естественным продолжением этого разговора стало стихотворение «Ответ на письмо с присылкою романса: „Мне все равно“», написанное монахиней Марией в феврале 1864 года. В первоначальном варианте оно сохранилось только в автографе, так как в «Собрании сочинений в стихах Елизаветы Шаховой» издатель Н. Н. Шахов опубликовал его, разбив на два самостоятельных стихотворения: первое — под названием «К***», второе — «На стихотворение: Истинный идеал, с предложением воспеть его». ⁴⁰ Со-

³⁹ Там же. С. 329–330.

⁴⁰ *Собрание сочинений в стихах*. Ч. I. С. 112–113; Ч. II. С. 86–87.

хранившийся автограф дает возможность реконструировать историю написания этого произведения.

Из заголовка следует, что игумен Антоний послал матери Марии популярный романс на стихи Ф. Б. Миллера «Мне все равно»,⁴¹ написанный от лица женщины. Приведем его текст:

Мне все равно, страдать иль наслаждаться,
К страданьям я привыкла уж давно.
Готова плакать и смеяться,
Мне все равно!

Мне все равно, враги ли мне найдутся,
Я к клеветам привыкла уж давно.
Пускай бранят, пускай смеются,
Мне все равно!

Мне все равно, сердечная ль награда,
Любовь забыта мной давно,
Меня не любят? И не надо!
Мне все равно!

(1859)

Письмо с высланным романсом не сохранилось, поэтому мотивы передачи стихотворения и характер комментариев к нему нам неизвестны, можно только предположить, что текст романса привлек внимание игумена Антония необычным стихотворным размером, тем более что особенности ритмики

⁴¹ Федор Богданович Миллер (1818–1881) — переводчик, поэт, издатель-редактор журнала «Развлечение» (с 1859). См.: Миллер Ф. Б. Мне все равно. М., 1859, с муз. Даргомыжского. Романс встречается в песенниках с 1860-х годов (Полнейший песенник московских цыган. СПб., 1863). См.: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 647–648. (Б-ка поэта. Большая сер.).

напоминали так восхитивший его «Ответ на стихотворение „Пастух-бандурист“» монахини Марии. Действительно, ритмические перебои, вызванные резким уменьшением длины последнего стиха в каждой строфе романса (ритмическая схема строфы — 5–5–4–2), служили ярким средством выразительности и в поэзии середины XIX века были еще достаточно редким явлением.⁴²

Но монахиня Мария прежде всего обратила внимание на содержание стихотворения. В первой части «Ответа на письмо с присылкою романса: „Мне все равно“» она развенчивала образ лирической героини стихотворения Ф. Б. Миллера:

Нет! красоты необычайной
Не найду в таких стихах,
Где скрыт под рифмою случайной
Весь образ женщины — в грехах!
<...>
Наш жребий — или чистой девы
Святой обет в себе вместить
Или болезни ветхой Евы
Крест искупительный носить!

Во второй части своего послания монахиня Мария отвечала на стихотворение «Идеал» и призывала игумена Антония не впускать «звучки и напевы» романса «в чистый слух». Она предлагала своему корреспонденту, посвященному в «священнодейственные тайны» («Дары Христовы не случайны / и не от мира Вам даны!»), право самому написать поэтический портрет святителя Игнатия, истинного образца «высокой меры совершенства». Завершающие стихотворение строки являются аллюзией на

⁴² См. об этом: *Холшевников В. Е. Стихovedение и поэзия. Л., 1991. С. 209–224.*

сатирическое стихотворение игумена Антония, над которым он работал с начала 1864 года, частями выслывая его монахине Марии.⁴³ Сохранился автограф более позднего варианта стихотворения, названного по первой строке «Мы, кажется, живем под Римом...».⁴⁴ В послании монахини Марии аллежированы следующие строки из этого стихотворения игумена Антония:

И все у нас под нумерами —
Листок, не только что тетрадь.
Все эти штуки разумеет,
В ком мало-мальски разум есть,
И кто легко прочесть умеет
Число 666.
Я, господа, вам дам потеху,
Почтенные профессора!
Открою тайну вам для смеху,
Ведь это просто нѹмера!
ЕН — 50, ИК с омикроной
ИМЕ — пять сот два десять пять,
РА — 101. Счет немудреный,
Извольте только сосчитать.⁴⁵

Не раз еще игумен Антоний будет обращаться в письмах к вопросам стихотворной формы. Так, 8 апреля он расскажет монахине Марии о том, как после возвращения к стихотворчеству воспринял используемые современными поэтами новые формы рифмы: «...До 1848-го года и даже до 1850-го я не читал ни журналов, ни стихов с 1836-го года. В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперед, что за ним

⁴³ Первоначальный вариант стихотворения игумен Антоний озаглавил: «Отрывок (вовсе не поэтический, а просто монашеская архивная ветошь)» (ИРЛИ. Сигн. № 3577. Л. 18–19).

⁴⁴ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 93–94 об.

⁴⁵ Там же. Л. 94.

мне следовать едва ли можно. А в 1851-м году в Ладогe я стал писать стихами. Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не говорю о мыслях, но о конструкции. После Фета, Бенедиктова, Мея, Майкова, Некрасова все *усечения* сделались уже смешными: преклонения, воспламенения почти изгнаны из поэзии. Глаголы уступили место новым словам. Первый Грибоедов указал рудник рифм из составленных слов: без него „гусли“ и „примусь ли“ были неизвестны. М-сье Репетилова „что вы?“ — „новы“ и прочие окончания, которыми ныне злоупотребляют, как богатством, туне данным, и расточают на шалости в „Искре“.⁴⁶ Верность последнего наблюдения игумена Антония подтверждалась отзывами современной ему критики.⁴⁷

Регулярный обмен стихотворениями был для обоих корреспондентов единственной возможностью возрождения стихотворной деятельности после длительного перерыва. Начав поэтическую переписку со «стихотворений на случай», они постепенно переходят от полусутоливых подбадриваний друг друга в стихотворных опытах к волнующему обоим кругу тем из церковной жизни. 3 февраля игумен Антоний посылает, очевидно, написанное раньше стихотворение «Златострунная псалтирь царя и пророка...» с кратким комментарием: «Вот вам готовый ответ, весьма нескладный по неровным силлабам, на Вашу голубиную песнь. Может быть, после что-нибудь и напишу, а сегодня с разными мыслями гусли мои

⁴⁶ Письма игумена Антония. С. 350–351.

⁴⁷ См.: Ямпольский И. Сатирическая журналистика 1860-х гг. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1873). М., 1964.

вовсе расстроены. Еще, слава Богу, что нашлось это коротенькое стихотворение на Ваши вызовы».⁴⁸

Монахиня Мария ответила стихотворением «Таинственный голубь», которое в автографе первоначально имело название «На вопрос: чего ожидать в наше время?». Действительно, в этом поэтическом послании можно услышать отклик не только на стихотворение игумена Антония, но и на его размышления, например, из письма начала февраля: «Наша будущность земная — как сами испытываете — так много зависит от обстоятельств, что тогда наступит покой, когда вовсе нас выведут из темницы и откроют клетку для птицы в другое небо, где и маленькому животному дадутся силы сопротивляться черным коршунам. А здесь эта борьба так утомительна и долга, что нередко ослабеваешь, как и Вы ослабеваете в гонениях и наведениях».⁴⁹

И, в тесной келии своей
Монах, как узник заключенный,
Один, как в клетке соловей,
Прохлады воздуха лишенный, —
До утра с ложа восстает,
На небо простирая руки,
Он песнь Давидову поет,
И — ангел к Богу вземлет звуки,
Несет, в таинственной тиши,
Дар благовонный фимиама,
Святую музыку души,
Из Богосозданного храма!

Получив стихотворение монахини Марии, игумен Антоний писал 26 февраля: «На гармонический Ваш ответ ч(еременецкому) узнику я не могу отвечать

⁴⁸ Письма игумена Антония. С. 333.

⁴⁹ Там же. С. 336–337.

тем же. Приемлю с благодарностью сердечные звуки Ваши, но я, всегда рисовальщик, накидываю черным карандашом и акварелью маленький эскиз, в котором светлая душа если себя не увидит, то разве потому, что все перепутано в моих штрихах и красках. Страшное дело! Лучшие стихи мои Вам принадлежат: они почти всегда отзыв на Ваши: это эхо». ⁵⁰ Этой характеристикой игумен Антоний сопровождает свое ответное стихотворение «Искры света».

Как часто бывало, отправка письма задержалась, и в это время о. Антоний получил посылку с жизнеописанием игумении Марии (Тучковой), ⁵¹ высланную монахиней Марией для прочтения. В том же письме он с удивлением заметил, что своими «Искрами света» выразил основную мысль полученного повествования: «Прочитавши, подтверждаю их (стихи) как предчувствие, как эпитафия: святая душа и везде хороша: хотя во дворце, хотя в шалаше. Жалею, что я приплел свои площадные струйки к светлой реке: но быть так». ⁵²

Игумен Антоний стал не только первым читателем жизнеописания Бородинской подвижницы, горячо приветствовавшим «труд, совершившийся во славу Божию», но и, как показывают последующие

⁵⁰ Там же. С. 339.

⁵¹ Жизнеописание, написанное монахиней Марией, увидело свет только через год: *Шахова Е. Н.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире — Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной // *Странник*. 1865. Т. 1, № 5. Отд. I. С. 61–106; № 6. Отд. I. С. 123–172. Отд. отт.: СПб., 1865. — 112 с.

⁵² *Письма игумена Антония*. С. 340.

письма, способствовал выходу его в печать.⁵³ В письме ноября—декабря 1865 года он прислал монахине Марии небольшую заметку о ее труде. Приводим текст этого отзыва.

Пам⟨ятные⟩ записи о жизни и⟨гумении⟩ М⟨арии⟩

В небольшой книжке, написанной правильным и сильным слогом, изображена жизнь в Бозе почившей и⟨гумении⟩ М⟨арии⟩ Т⟨учковой⟩. Ее можно назвать ангелом Бородинского поля. Кто поверит, что женщина одна, в сопровождении только престарелого монаха обыскала все обширное поприще кровавой битвы, вглядываясь в черты всех трупов убиенных, отыскивая между ними убитого героя-супруга? Что здесь, в уединении обширного поля, поселилась одна в малой хижине, которая превратилась в великую общежительную обитель спасающихся?

Такова была необычайная анг⟨ельская⟩ жизнь игумении М⟨арии⟩ Т⟨учковой⟩, урожд⟨енной⟩ Нарышкиной. Мирское имя свое Маргарита (жемчужина), все свое достояние и титулы она похоронила на Бородинском поле. Она была пострижена в Лавре пр⟨еподобного⟩ Сергия великим старцем нашего времени, митрополитом Филаретом, была его духовной дочерью и ученицею. «Прославляющих мя прослаблю», глаголет Господь. И Он ее прославил великою честью. И⟨гумения⟩ М⟨ария⟩ удостоилась быть восприемною матерью общей матери нашей Бл⟨агочестивейшей⟩ Г⟨осударыни⟩ И⟨мператрицы⟩ М⟨арии⟩ А⟨лександровны⟩. Бородинскую обитель посетил в Б⟨озе⟩ почивший И⟨мператор⟩ Н⟨иколай⟩

⁵³ См. письма от 21 октября и 9 ноября 1864 года: Там же. С. 384, 393.

П(авлович) и почтил настоятельницу царственным, приветственным словом. И(гумения) М(ария) прежде нас воздвигла памятник Бород(инской) битве.

Книжка (109 стр.) мелкой печати продает(ся) в Ч(асовне) Ч(еременецкого) м(онастыря) в С(анкт-)П(етербурге) по 50 копеек, в Твери у соч(инительницы) м(онахини) М(арии) Ш(аховой).⁵⁴

Иногда поводом к созданию очередного стихотворного послания матери Марии служили просьбы игумена Антония о молитвенной помощи в его болезнях. Так, письмо от 22 марта игумен Антоний заканчивает просьбой «воздохнуть» о нем, мучимым болезнью тела. В ответ монахиня Мария посылает стихотворение «„Семячко“ (посвященное Старцу о(тцу) и(гумену) Антонию и Старице монахине Августе)», в котором оплакивает их старческие немощи:

А вы-то, мои две опоры,
Раненько становитесь хворы,
Расслаблены, больны и хилы!
Страданье сковало вам силы,
И дух от скорбей изнемогший,
На нужды мои не внимает:
Мой тоненький стебель, иссохший,
Несносный червяк обнимает...

Метафорический язык послания — в частности, образ тонкого стебля злака, склоняющегося «под бурей воздушной стихии» то к одной, то к другой опоре — был хорошо понятен обоим корреспондентам: сравнение монашества с «сухими колыями», держа-

⁵⁴ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 173–173 об.

щими виноград, восходит к проповедям святителя Димитрия Ростовского.⁵⁵

Получив стихотворение в день Ангела монахини Марии, 1 апреля по старому стилю, игумен Антоний ответил на ее «импровизацию» стихотворением «Слабая былиночка», в котором он — также в метафорической форме — воплощает мысль об оскудении современного монашества, не раз обсуждавшуюся с монахиней Марией и святителем Игнатием.⁵⁶ Не случайно отец Антоний предлагал послать последнему стихотворение, «оканчивая его „Словом Воскресенья“. <...> Все это в духе Вашего Отца», — писал он.⁵⁷

⁵⁵ Во втором поучении «В неделю осьмую по Святом Дусе» свт. Димитрий писал: «Иноческими молитвами содержит Господь мир сей: аще и малые мнятся кому быти иноческия молитвы, обаче весь мир укрепляют. Смотри, чем состоится, на чем содержится лоза виноградная? На едином коле сухом и бесплодном. Отними кол... лоза на землю падет и не плодствует. Отыми от Христианского мира чин иноческий, яко от винограда сухой и неплодный кол, что мир будет — сами судите» (*Димитрий Ростовский, митр.* Сочинения. Изд. 7-е. М., 1848. Ч. 2. С. 413). Игумен Антоний использует образы этой проповеди в стихотворении «Светило голубыя тверди...» (*Письма игумена Антония.* С. 326–327).

⁵⁶ Например, свт. Игнатий писал в своем труде «О монашестве»: «Упадок нравственности монахов находится в теснейшей связи с упадком нравственности мирян; упадок нравственности в монастырях есть прямое последствие упадка нравственности и религии в среде мирян». Он заканчивает статью метафорическим образом дерева, изображающего христианина, лишённого силы благочестия: «Состарившееся изветшавшее древо нередко бывает покрыто и украшено густым покровом зеленых листьев, еще выражает объемистым стволом крепость и здравие; но внутренность его уже истлела: первая буря сломит его» (I, 442, 460).

⁵⁷ *Письма игумена Антония.* С. 348.

Но если стихотворное послание монахини Марии написано строго исполненным трехкратным амфибрахией (размером популярным в пушкинскую эпоху), то свою ответную «Слабую былиночку» игумен Антоний пишет трехстопным хореем, чередуя дактилические и женские окончания, которые, как известно, являются «характерной приметой русского народного стиха». ⁵⁸ Этот «эксперимент» сближал его, например, с И. С. Никитиным, поэзию которого игумен Антоний высоко ценил. ⁵⁹

Игумен Антоний рекомендовал матери Марии использовать поэтический талант в качестве духовного лекарства, ненавязчиво подталкивая ее к поиску новых форм выражения: «А Вы продолжайте настраивать свою арфу и, если пишете что-либо шуточное, тем лучше. Веселость противопоставим унынию». ⁶⁰ В письме от 20 ноября игумен Антоний еще раз напомнит монахине Марии, длительное время находящейся в болезни, о ее стихотворении «Семячко»: «Думая о болезни Вашей, прочел я Вашу былиночку, от сердца написанную, и пожалел, что частые

⁵⁸ *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 24.

⁵⁹ Несколькоими месяцами позже, 9 ноября, игумен Антоний напишет о знаменитом предсмертном стихотворении И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...», помещенном в его повести «Дневник семинариста»: «Никитин своею эпитафиею превзошел все литературное — модное и салонное; плач его над своею могилою чистыми, верными звуками болящего сердца не литература и не сочинение, а истинная поэзия природы. (...) ...как сын степей он запел над собою жалобным голосом горящей птицы» (*Письма игумена Антония*. С. 394).

⁶⁰ Там же. С. 348 (письмо от 1 апреля 1864 г.).

недуги и разные бури совсем смяли Вас и кладут во гроб безвременно».⁶¹

Игумен Антоний был очень осторожен в критике стихотворений монахини Марии. Например, в конце мая 1864 года, давая высокую оценку ее раннему стихотворению «Мадонна» («Необыкновенно сильное для женщины стихотворение, исполненное глубокого чувства...») в письме, озаглавленном «Несколько слов о стихах Ваших»,⁶² он выразил сожаление, «что частые перемены размера (неизвестно для чего автором сделанные) останавливают слушателя или читателя, который готов отдаться этой поэме душою». И продолжал: «Я очень верю, что любители поэзии вглядывались в эти завидные начала, ожидая, каков будет конец этого юного и сильного таланта,⁶³ — и Вы положили его к ногам Мадонны как ненужный для монашеской кельи букет очень пышных густых цветов, полных густого аромата. (...) ...весьма трудно поэзию заманивать в монашескую келью».⁶⁴

Постепенно игумен Антоний осваивал более крупные стихотворные формы, примером чего является большое стихотворение «Черемонец». Толчком для начала работы над ним могло послужить состав-

⁶¹ Там же. С. 400.

⁶² Речь идет о поэмах и стихотворениях из присланного монахиней Марией последнего сборника ее стихов «Мирянка и отшельница».

⁶³ Действительно, П. А. Плетнев писал о Е. Шаховой, как о «явлении чрезвычайно любопытном, а еще более увлекающем душу надеждами» (б. п. ⟨Плетнев П. А.⟩ Повести в стихах Елизаветы Шаховой. 1. Перст Божий, 2. Странный красавец, 3. Изгнанник и — Эпилог // Современник. 1842. Т. 26. Отд. П. С. 51–52).

⁶⁴ Письма игумена Антония. С. 360.

ление описания Черемнецкого монастыря. Это задание было дано в декабре 1863 года настоятелям храмов и монастырей Историко-статистическим комитетом, учрежденным для создания полного церковно-исторического статистического описания С.-Петербургской епархии. Очевидно, игумен Антоний принялся за выполнение задания вскоре по его получении. 8 апреля 1864 года он писал: «Есть дело: составление или исправление описания Чер(еменецкого) монастыря».⁶⁵ А уже через месяц сообщал: «Вы прочтете прилагаемое к Вашей тетради описание в стихах нашей обители. Других своих стихов не прилагаю: худо собраны и переписаны. Я их никогда не назначал для печати, хотя тщеславие, всем нам свойственное, лет 12 тому и склоняло к тому. И как я благодарю теперь Бога, что все это не вышло напоказ! И слабо, и плохо, и не в духе нашего времени! *Ваша знакомая справедливо назвала все это исключительным родом.* Для кого это нужно? Довольно того, что самому автору доставит несколько приятных минут — и довольно».⁶⁶

Подчеркнуто повествовательная интонация стихотворения («В жизни нет поэзии — примемся за прозу»), подчас намеренно снижаемая автором, не помешала созданию лирического образа монастыря с его драматичным прошлым и прозаическим настоящим, освященного храмовой иконой св. апостола Иоанна Богослова.

В описании обители игумен Антоний акцентирует внимание на деталях близкой его раннему творчеству рыцарской темы: могила рыцаря Фон-Лодде

⁶⁵ Там же. С. 351. Об этом труде игумена Антония см. в статье свящ. А. Бергаша, с. 126–128 наст. изд.

⁶⁶ *Письма игумена Антония.* С. 355–356.

с гербом приличным «рыцарской породе» и чугунной решеткой, «как ланце в турнире»; настоящий деревянный домик, названный «жилищем бедного аббата»; собор, напоминающий костел. В последних строках стихотворения игумен Антоний обращается к Черемнецкому озеру: «Озеро! могу ль тебя звать Тивериадой?» — тем самым как бы объединяя рыцарскую и евангельскую темы стихотворения. Своеобразной иллюстрацией этого слияния веры и рыцарства становится приложенное к «Черемнцу» «описание в стихах сражения Тивериадского», которое, судя по ремарке автора — «остаётся в портфеле» — также не предназначалось для печати. Стихотворное приложение описывало наиболее трагический эпизод истории крестовых походов — битву крестоносцев с войсками египетского султана Салах-ад-дина, произошедшую в 1187 году близ Тивериадского озера, во время которой войска Иерусалимского королевства были наголову разбиты.

Монахиня Мария ответила небольшим стихотворением «Элегия», в подзаголовке которого значилось: «При получении четырех видов Черемнецкого Монастыря, и при них двух Идиллий». Лирический по настроению ответ ее, словно эхо, передавал интонацию «Черемнца» и начала «Тивериады»:

Озеро священное, холмик живописный,
Место, где спасается Старец — друг мой присный,
Здесь воображению не мечтой является,
Давнее желание вдруг осуществляется;
Чермнец увидела я со всех сторон:
Вот приют молитвенный — маленький Сион!

Постепенно в сознании игумена Антония созрела мысль — воплотить свое понимание одного из

событий земной жизни Христа — моления в Гефсиманском саду. 22 марта он отправил на суд монахини Марии «недавно написанную» легенду «Тихвинский пещерник», которая, как считал отец Антоний, «не вполне выставляет (его) затаенную мысль, что (...) Гефсиманское томление было не менее ужасно страстей Иерусалимских». Скоро, выделив часть произведения, посвященную этой теме, он расширил ее до отдельной поэмы, которую назвал «Гефсимания». ⁶⁷

Работа над поэмой шла трудно. 8 апреля игумен Антоний писал: «Для Страстных дней посылаю „Гефсиманию“, которую я недоволен. Она не соответствует величию предмета; стихи хотя и гладки, но не живы; иногда сбиваются на прозу: видно, что достались недаром. Я работал над ними с неделю и все остаюсь недовольным. Христианскую философию и богословские откровения редко можно вылить в стихи. (...) ...это все еще отрывки: не могу составить общего сочинения, которое бы мною утверждалось». ⁶⁸ В конце мая поэма «почти кончена», но автор по-прежнему был не доволен ею: «...И стихов написана лишняя одна всего страница; но мне великого труда стоило провесть общую нить между строками. А фарсы пишутся легко. Цинизм, видно, в духе духа мира сего. Он и нашептывает». ⁶⁹

3 июня игумен Антоний, посылая дополнение и заключение к «Гефсимании», писал о поэме: «...Это произведение старой головы, а не юношеской силы. Напрасно в потухшей золе искал старец блестящих и жарких угольков, которые иногда крепнут в алмазы. Напрасно хотел раздуть свое кадило, хотя самый

⁶⁷ Письма игумена Антония. С. 343–344.

⁶⁸ Там же. С. 349–350

⁶⁹ Там же. С. 359 (письмо от 25 мая).

предмет представлял столько жаркого, пламенного. (А образ, которому кадить хотел я, — так хорош! Моление о чаше заслуживало самого драгоценного фимиама). Разве легкое курение недорогой смолы можно назвать благовонием? один только слабый дым — ничего более. Моя „Гефсимания“, как нынешние, оставшиеся на месте молитвы маслины, седа, бледна, коренья крепко впились, врылись в землю; (это мысли старческой наблюдательности, укрепившейся годами, но в них нет живости и бегучести лучших дней) шероховатая оболочка пня струится морщинами, раскалывается во множество отдельных сучьев, которые перепутались нескладно и, покрытые бледною, мелкою зеленью, клонятся к земле; они *отвыкли* возноситься к небу. Дай Бог, чтобы незрелые оливки старого дерева источили для Вас хоть каплю мира и благовония». ⁷⁰

Монахиня Мария назвала свое ответное послание: «На стихотворение: „Гефсиманская Молитва“ (и в ответ на письмо автора, признающего его неудовлетворительным сравнительно с поэзией Святых и древних)».

Певец Гефсиманской молитвы!
В себе дар небесный сознай,
И голосу тайной ловитвы,
Как дерзкой хуле, не внимай!
<...>
Широкое царство Христово
Великих и малых вместит:
Твое и Давидово слово
О том же Христе говорит!

Очевидно, для игумена Антония были важны слова поддержки, высказанные монахиней Марией, но

⁷⁰ Там же. С. 366.

отношение к своему творчеству он все же не меняет: «Благодарю Бога, что успел кое-как кончить „Гефсиманию“ к Вашему утешению, но не к своему одобрению, — писал он 14 июня. — Предмет высокий, он требовал пера из орлиного крыла, а мое домашнее куриное, чертившее доселе письма и письма, лучше всего привыкало к genre épistolaire,⁷¹ а не к поэмам. Стихи ровненьки: кое-где разведены и слезкою, но того, чем обладали великие поэты — потрясающим глаголом — того я не отыскиваю или не слышу».⁷²

Вместе с тем, игумен Антоний продолжал поддерживать стихотворные опыты монахини Марии: «...Мое мнение о монашеской поэзии не должно Вас останавливать: *искра на свече поэта не потухает никогда*.⁷³ В 1835 году, 30-ти лет тому, испытав себя в поэзии, я бросил свою гитару (...). И вот через 30 лет снова пробивается запертый ключ. Дай Бог, чтоб слезился слезою хотя по каплям, лишь были бы чисты и целебны для души эти капли.

Залогии Ваши и талант выше: потому останьтесь верны Господу-Дародателю и приносите Ему, что можно. Конечно, юношеская живость уже невозвратна.

Прими нас, Господи! в одиннадцатый час.
Хотя уж мы по крошке съели
насущенный хлеб вся недели,
весь наш работничий запас.
Без дела жить еще седмицу
нам невозможно. Нам прости

⁷¹ Эпистолярный жанр (франц.).

⁷² Там же. С. 370.

⁷³ Игумен Антоний цитирует строку одной из редакций своей поэмы «Успенский монастырь» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 67).

весь мир кормящую десницу.
К рабочим в двор Твой водвори!»⁷⁴

Вероятно, в конце июля или начале августа 1864 года игумен Антоний и монахиня Мария вместе посетили святителя Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре, к тому времени находившегося там на покое. Судя по письму преосвященного, посланному игумену Антонию сразу после отъезда последнего, одной из тем общих разговоров были стихи отца Антония, с которыми познакомился святитель. «Искренне благодарю Вас за посещение меня, грешного: этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня со стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. (...) В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостью духовною!»⁷⁵ Напутствие святителя Игнатия игумену Антонию в его литературном труде в полной мере было воспринято и монахиней Марией.

Возвратившись в Череменец, игумен Антоний писал ей: «Странное дело! Ужели нежданная Тверь и ваша Тмага могут еще более связать наши умы и желания? Я еще не высказываюсь вполне. Но тут

⁷⁴ *Письма игумена Антония*. С. 370–371. Игумен Антоний, скорее всего, цитирует строки из собственного поэтического произведения, текст которого в фондах РГИА и ИРЛИ отсутствует. Разбиваем здесь этот стихотворный фрагмент на строки для удобства чтения.

⁷⁵ *Переписка*. С. 550–551 (письмо от 11 августа 1864 г.).

нет ничего особенного. Один тернистый путь, но свобода действий — вот мой идеал».⁷⁶

Настроение этого времени отразилось и в письме от 8 августа: «По приезде живу однообразно, ожидаю смерти довольно равнодушно (в августе до 20-го я всегда готовлюсь ее встретить с 1819-го года; следовательно 45 лет)».⁷⁷ Размышления о смерти рождают поэтический образ ночной птицы, давший название написанному игуменом в конце августа стихотворению с удивительно органичным ритмическим ритмом, напоминающим «думы» А. В. Кольцова:

Вот души погибшей,
Мне во всем подобной,
Образ начертанный
Резкими тенями
На вечернем небе.⁷⁸

Своеобразным комментарием к этим стихам можно считать слова из письма от 31 октября: «Прискорбна была душа Христа даже до смерти: и нам нелегко исходить из нашей клетки, хотя и некрепкой, и высохшей: птица-душа со ужасом мыслит о безграничном полете, привыкши сидеть в своих скелетных жердочках. Один только Ангел-Хранитель может их укрепить и непостижимым веянием отогнать неизбежный страх смерти. Молю Господа о Вашем восстановлении и здравии. Тогда моя, вновь настро-

⁷⁶ Письма игумена Антония. С. 376–377 (письмо от 10 августа 1864 г.).

⁷⁷ Там же. С. 373. Разъяснений этой немаловажной биографической подробности игумен Антоний не дает.

⁷⁸ В ответном послании «На стихотворение „Ночная птица“» монахиня Мария предложила свой взгляд на проблему смерти (см. с. 235).

енная гитара вовсе не найдет благосклонного слушателя и ценителя». ⁷⁹

С самого начала переписки игумен Антоний неоднократно искал для пера монахини Марии достойную ее таланту тему. Так в стихотворении «Пастух-бандурист» он предлагал ей воспеть в поэме тверского святого — великого князя Михаила Ярославича. ⁸⁰ Обещая свою помощь в сборе материала, он писал в середине января 1864 года: «Буду собирать понемногу о князе Тверском возможные сведения. Главное — его романическое зачатое и трагический конец. И плач по нем Анны и княгини. (...) Житие его, написанное Муравьевым, ⁸¹ постараюсь я, если найду, купить целым месяцем ноябрем в Петербурге и пришлю Вам. Но главное вкратце пред Вами. Помолитесь и в соборе и в Отрочемонастыре — аще можно; помолитесь и св. псалмопевцу и пророку царю Давиду, который имеет дар вдохновения и подает его туне просящим о имени его у Господа, Подателя Премудрости». ⁸²

После завершения работы монахини Марии над жизнеописанием игумении Марии (Тучковой), в письме от 25 мая, игумен Антоний вновь повторил свою просьбу — написать о великом князе-мученике: «Желаю, чтоб Вы написали что-нибудь в похвалу св. великого вашего князя. Недавно в библиотеке Эн-

⁷⁹ Там же. С. 385–386.

⁸⁰ См. о нем примеч. 2 на с. 191.

⁸¹ *Муравьев А. Н. Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских.* (Вып. 1–12). СПб., 1855–1858. [Вып. 3: Месяц ноябрь]. СПб., 1856.; То же: Изд. 2-е. СПб., 1859–1867. (Вып. 3. Месяц ноябрь). СПб., 1860.

⁸² *Письма игумена Антония.* С. 325.

гельгардт⁸³ попались мне стихотворения Рылеева и между ними маленькая баллада: «К(нязь) М(ихаи)л Ярославич) Тверской».⁸⁴ Ничего особенного, и невелика; когда будет время, я спишу или велю списать».⁸⁵

Предложенный игуменом Антонием образ, вероятно, не вдохновил монахиню Марию. Но пожелание своего наставника она выполнила, написав стихотворение в форме молитвы, обращенное к одному из любимых своих святых — Иоанну Многострадальному. Стихотворение «Пред иконою св. Иоанна Многострадального» игумен Антоний считал одним из наиболее удавшихся монахине Марии.

Господь мой! Сподоби меня, недостойную,
Любить тебя так, как любил Иоанн!
Настрой мою душу, доселе нестройную,
Как Твой, но давно поврежденный орган!
Настрой же ее к Твоему славословию:
Пусть вся, под Твоими перстами звучит,
А все, что в ней движется плотью и кровию,
То — пусть, под наитием Духа — молчит!

Благословляя монахиню Марию «за то святое и высокое чувство», которое она даровала ему своим

⁸³ Анна Романовна Энгельгардт (урожд. Хераскова; 1812–1886) — жена Ф. В. Энгельгардта, владельца усадьбы Солнцев Берег на Черемнецком озере, частая посетительница игумена Антония в Черемнецком монастыре. Похоронена в с. Романчине Лужского района (см. о ней подробнее: *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы С.-Петербургской губернии. Лужский район. СПб., 2001. С. 85–90)

⁸⁴ Речь идет о «думе» К. Ф. Рылеева «Михаил Тверской», которую игумен Антоний мог прочесть в изданиях: *Думы*. Сочинения К. Рылеева. М., 1825; *Рылеев К.* Полн. собр. соч. Лейпциг, 1861. (Б-ка русских авторов. Т. 1).

⁸⁵ *Письма игумена Антония*. С. 358.

«Иоанном Многострадальным», игумен Антоний писал 10 ноября: «Это стихотворение могло быть написано только монахиною поэтом, а эти дарования совмещаются только в Вас одних. Поздравляю с воскресением таланта и пробуждением ото сна! Вы, истощенная в силах телесных, являете необычайную силу души в этом молитвенном преподобном песнопении. Я и прежде замечал эту мощь, необычайную в особе вашего пола, и благодарю Господа, что Он не отъял от Вас своего таланта за долгое его сокровение.

Мужская душа живет в женском теле. Да поможет Вам Господь на одре болезни. После этого стихотворения отдохнуть не стыдно. Уверен я, что поэзия не сойдет, как позолота, со стальных струн Вашей псалтири: Господь поддерживает свое небесное дарование во всех пишущих во славу Имени Его, поддерживает до старости. Это видно и в Глинке, в его последнем стихотворении „Хождение по водам“,⁸⁶ видно в Башуцком.⁸⁷ Но Вас еще ожидают свежие крепко сплетенные венки, перевитые ангельскими лентами. Знание языка церковного и отеческого как основание поддерживает Вас и освещает Вашу поэзию. Премудрость Божия, София, да подаст Вам руку восходить от силы в силу, от ступени на ступень славы».⁸⁸

Снова и снова игумен Антоний возвращается в письмах к восхитившему его стихотворению, которое называет «поэмой». Так, в конце ноября он пи-

⁸⁶ См.: Глинка Ф. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1871. Т. 2, ч. 1. С. 196–197

⁸⁷ Речь идет об А. П. Башуцком. См. о нем примеч. 5 на с. 117 наст. изд.

⁸⁸ Письма игумена Антония. С. 396.

шет: «Но вообще эта коротенькая поэма по душевной теплоте, по силе стиха и выражения внушена Вашим *сожителем*, сильным Атлетом.⁸⁹ Это не обыкновенное стихотворение, а вдохновенное».⁹⁰ Поэтический ответ на это «вдохновенное стихотворение» игумен Антоний прислал в феврале 1866 года.⁹¹

Не раз игумен Антоний замечал, что «христианство доселе и не имело поэта». Считая себя уже хотя бы из-за долгого поэтического бездействия неготовым подняться до высот истинно-христианской поэзии, он видел эту способность в даровании монахини Марии, которая представлялась ему «крылатым» существом, наделенным «не женским умом», а «возвышенно-строгим и мужественным духом». Это свойство души, писал о. Антоний, обрекает монахиню-поэтессу «на долгие и крепкие испытания, яко злато»: «В наше немонашеское время мы так унижены миром и так сами себя понизили перед ним, что всему возвышенному в чувствах, исходящему из нашего мрака, не поверят. Бескрылые и ошипанные миряне не согласятся признать, что есть еще и крылатые, возносящиеся над их плоскостями силою Божиею».⁹²

Игумен Антоний сумел вновь пробудить в монахини Марии утерянную веру в дарованный ей Богом талант. С 1862 года забытое имя поэтессы Елизаветы Шаховой (так она продолжала подписывать свои стихотворения, будучи и в монашеском постриге)

⁸⁹ Имеется в виду сам преп. Иоанн Многострадальный — на келейной иконе монахини Марии.

⁹⁰ Там же. С. 402.

⁹¹ См. с. 241.

⁹² Письмо от 26 июня 1865 г. (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 114–114 об.).

вновь появляется на страницах журналов. Но теперь ее муза предстает перед читателем несколько иной, согласно изменившемуся времени, в чем видно несомненное влияние творческого союза с игуменом Антонием.

В поэзии Елизаветы Шаховой 1870-х — 1880-х годов преобладают лирические размышления на библейские темы: «Падение ангелов», «Плач Адама», «Ангел-канонарх», «На день православия», «На пятое воскресенье Великого поста». Пробует она себя и в «лиро-эпическом» жанре стихотворных описаний монастырей («Валдайский Иверский монастырь»), разрастающихся подчас в «летопись-поэму» — «Древний монастырь Успения Богородицы в Старой Ладоге». Кроме разработки традиционных для духовной поэзии тем, значительная часть стихотворений монахини Марии посвящена христианскому взгляду на острые вопросы современности — «На рассуждение о женском вопросе», «Последнее время», «Взгляд на настоящее», «Куда? (К картине Айвазовского)», «Новогодняя песня солдат», «На Волхове», цикл лирических зарисовок «Ладожские рисунки».

Все это говорит о том, что, идя стезей монашеского подвига, мать Мария смогла вернуться в поэзию,⁹³ внесла в нее свой оригинальный взгляд на современную жизнь, смогла найти не только *адекватное* религиозному самосознанию поэтическое выражение, но и остаться деятельным участником духовной жизни общества. Это отличало ее от тех поэтесс, начинавших одновременно с ней в 1830-х годах, кото-

⁹³ В 1860-е годы об издании своих стихов, возможно, думал и о. Антоний. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в РГИА беловые автографы его стихотворений и поэм.

рые так и не сумели найти своего места в литературном процессе середины века. Например, у Евдокии Ростопчиной, по словам исследователя, живущей «идеалами дворянской культуры 20–30-х годов», современная жизнь «вызывала резкую неприязнь и раздражение».⁹⁴

В 1868 году игумен Антоний уходит на покой, а монахиню Марию переводят наставницей Виленского Мариинского монастырского училища для дочерей служащих в крае православных чиновников и священников.⁹⁵

К сожалению, вскоре после этого их переписка прервалась по неясным в настоящее время обстоятельствам. В одном из писем к М. А. Башуцкой игумен Антоний глухо упоминает о произошедшем между ним и монахиней Марией разладе: «...С тех пор, как я виделся с нею у Вас — она ни единого словечка мне не написала. Но я уважаю и молчание, ежели оно имеет законные причины».⁹⁶

В 1873 году из-за ухудшившегося здоровья монахиня Мария оставляет место своего служения и возвращается в Старо-Ладожский Успенский монастырь, где остается до последних дней жизни. Здесь она, как напишет позже в «Автобиографии», «свободнее стала заниматься духовною литературой». В 1877 году мать Мария издает драматическую поэму на библейский

⁹⁴ *Файнштейн М. Ш.* Писательницы пушкинской поры: ист.-лит. очерки / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л., 1989. С. 96.

⁹⁵ Женское училище для воспитания сирот духовенства и дочерей чиновников, состоящих на службе в северо-западном краю, находилось при Марии-Магдалининском женском первоклассном монастыре, основанном в 1864 году в г. Вильно.

⁹⁶ Письмо к М. А. Башуцкой от 17 февраля 1872 г. // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 36 об.

сюжет «Юдифь», писать которую она начала еще в 1865 году, пользуясь советами и поддержкой игумена Антония. В 1877–1878 годах в журнале «Вестник народной помощи», где она, по ее собственному выражению, «работала за редактора», печатаются ее стихи и публицистические статьи. Особенно активно монахиня Мария участвует в журнальной жизни в 1880-е годы. Вплоть до 1890 года ее стихи появляются в журналах «Мирской вестник», «Благовест», «Чтение для солдат», газеты «Варшавский дневник», «Новороссийский телеграф» публикуют ее статьи, беседы на духовные темы, жития святых, повести.⁹⁷

Имена игумена Антония (Бочкова) и монахини Марии (Шаховой) до сих пор не вписаны в историю русской литературы, которая в наши дни, наконец, становится единой, являя собой всю полноту творческого потока, как духовного, так и светского.

В настоящем издании все стихотворные послания публикуются по тексту автографов с указанием авторской правки и разночтений, возникших при первой публикации стихов монахини Марии.

⁹⁷ Библиографию сочинений монахини Марии и дореволюционной литературы о ней см.: *Автобиографический очерк*. С. 356–365.

Монахиня Мария

Арфа в пустыне.
(Посвящается П. В. С-ъ)

В пустыне дикой и глухой,
На ветке дерева сухой,
Висела арфа золотая,
Своим забытая певцом:
Вдруг, Ангел, мимо пролетая,
В мир, к людям, посланный Творцом,
И с крыльев прах земной стряхая,
Пустынный воздух всколебал, —
И ветерок прохладный встал, —
Качнулась веточка сухая,
Зазеленела, ожила,
И — арфа звуки издала,
Давно немая и глухая...

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 20 об.

Датируется не позднее 3 декабря 1863 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. 1. С. 189.

Стихотворение посвящено Поликсене Васильевне Саломон (урожд. Головиной), жене директора канцелярии Синода действительного статского советника П. И. Саломона, оказавшего содействие послушнице Е. Шаховой в пострижении ее в мантию.

Игумен Антоний

Старинные гусли в ответ М... М... Ш...
на ее арфу в пустыне

Пел калека переходжий,
Сидя на торгу один:
«Алексей, человек Божий,
Евфемьяна родный сын...»¹
Но никто его не слушал —
Закручинился певец,
Встал; сухарик свой покушал,
Взял и палочку слепец.
Шарит, трогает клюкою —
Тропку он свою нашел...
Слышит — легкою рукою
Кто-то взял его, повел
И ведет его далёко
От базаров, площадей,
И ведет его высоко,
Где не слышен шум людей.
Старичок идет покорно:
На душе его легко.
И шагает он проворно
Что-то очень высоко.
Проводник остановился;
Шепчет на ухо: «молчи!
Слышишь?..» Старец просветился
В умственной своей ночи:
Молодеет, оживает,
Стал дитей в один момент.
Слышит — там вдали играет
Незнакомый инструмент.
Будто ветер прикасался
К боевым колоколам,
Чуть затронул и умчался,
Взявши звоны к небесам.

Песни сладкие недолги:
Прозвучали — и конец,
И неслись они от Волги...
Что же ты молчишь, слепец?
Неужель свои напевы
Ты сравниешь, старина,
С вдохновенной песнью девы,
Пробужденной ото сна?
Хоть от долгия дремоты,
От болезни, от заботы
Истомилася она,
Но божественные звуки,
Но летающие руки
У нее не отнялись.
Это арфа золотая!
Звуки, к небу возлетая,
И доселе донеслись.
«Что ж, и ты примись за гусли;
Грянь-ко в струны, старец, грянь», —
«После тех-то? я примусь ли!
Бог с тобою! перестань.
Не дразни меня, слепого,
Проводник мой дорогой,
Но послушай-ка: два слова
Пропоеет тебе слепой.
Наши речи — басни веча —
Их не любит монастырь.
А те песни издалеча —
Златогрунная псалтирь».

Печатается по автографу: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13.
Л. 70.

Датируется 1863 г.

Впервые: *Письма игумена Антония*. С. 419–420.

М... М... Ш... — монахиня (мать) Мария (Шахова).

¹ Широко известный духовный стих о преп. Алексии, человеке Божиим (†411, память 17 (30) марта), житие которого,

представляющее один из самых ярких примеров христианского терпения и смирения в подвиге добровольной нищеты, было особенно любимо на Руси.

3

Монахиня Мария

Отзыв на стихотворение:
«Старинные гусли»

Свищет адская машина,
Искры мечутся огней.
(Ночью страшная картина —
Колесница без коней!)
Чу! земля гудит! несется,
Монастырских близко стен,
Так что церковь вся трясется
Рясоносных дев и жен...*
На великой силе этой,
Пролетавшей мимо Тверь,
Долгохвостую кометой
В Петербургский край теперь, —
С берегов фабричной Тмаги,**
От зеленых вод реки,
Два листа летят бумаги, —
Все исписаны строки;

* Машина почтовая идет в 6 вечера в Петербург, и в 3 ч ночи в Москву. Выходя из Твери, к северу, она огибает поле — за которым женская обитель. Торговые же поезда проходят всегда по утрам, во время утрени, и тяжелый их гул отдается в церкви так сильно, что трясутся оконницы.

** Монастырь — на берегу небольшой речки Тмаги, на всем протяжении которой тянутся огромные каменные строения ситцевых фабрик, и в летнее время вода в ней густится, по мелководью, и окрашивается в желтую и зеленую краску, которые спускают в реку с фабрик при полоскании ситцев и набоек.

И летят стрелой поспешной
В Черменецкий монастырь;
В них звенит Марии грешной
Заунывная псалтирь:
«Отче мой! Не отзовусь ли
На твои святые гусли?
Как-то мне, вздремнувшей днем,
Также снился Невский рынок:
Не *калека* брел по нем, —
Старец-свят, священно-инок,
С древним посохом в руке,
Со свирелью за плечами
В легкой сумке на шурке.
Крест на персях, — не с лучами,
Не червонно-золотой,
Крест — монашеский, простой;
Ни сапфира, ни алмаза,
Ни короны сверху нет:
От засоренного глаза
Он сопрятывает свет.
Свет, в сиянии широком
Разливаемый вокруг,
Зримый только чистым оком
Бога Истинного слуг!
Хоть теснит его безбожно
Помраченная толпа, —
Вижу близ него, неложно,
Светозарных два столпа:
В виде юношей прекрасных,
Это — ангелы идут
И в стезях небезопасных
Старца под руки ведут...
Что-то сверху забелело —
В виде облака, над ним:
Все то место просветлело!
Вижу: третий херувим,
Человеческою тенью
Приникая, воспарил, —
Слышен тихий шелест крил,

Как пернатую их сенью
Старца он всего накрыл...
Чувства все мои объяты
Были ужасом святым. —
Я проснулась: руки сжаты
Над листом еще пустым...
Видно мысли старца святы,
Видно жизнь его свята!
Видно груз его креста
Верно ангелами взвешен!
Значит: милостью Христа
Тайный плач его утешен, —
Если ж плачется досель,
Мелодически играя,
В небе слышная свирель,
Песни плача избирая, —
То о мире он скорбит,
И о нас душой болит!»
Вот вам сон мой, святче Божий,
Или — вашего конец!
Где ж калека *перехожий*,
В гусли бренчущий слепец, —
На того совсем не схожий,
Кто — мой избранный певец?

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 27–28 об.

Датируется 17 декабря 1863 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 83–85.

4

Игумен Антоний

Издалека я слышу топот,
Несется молнией дракон.
Глаза горят, и в дыме хобот,
И нестерпимо свищет он.
Ты дышишь тяжело, безотдышной,
Рвет воздух бронзовая грудь,

И на пути к столице пышной
Тебе нельзя глаза сомкнуть!
Угладил хвост твой семимильный,
Перед собою все сравнивал,
Нет пыли по дороге пыльной,
И встречного ты не встречал.
Лишь в воздухе дорога дыма:
Землей летишь ты без следа.
Летят, мелькают мимо, мимо
Леса, деревни, города.¹
Но если под твои колена,
Под эти лапы-чугунá
Подбросить два иль три полена
Иль три недолгие бревнá —
То горделивец вверх ногами
Свернулся, кинулся стремглав.
Трещит железными костями,
И рвется не один состав.

Змее железныя дороги
Опасна встреча, перекрест.
Так для диавольской тревоги
Ужасно встретить Божий Крест.

Печатается по автографу: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13.
Л. 87.

Ранний вариант этого стихотворения: ИРЛИ. Сигн. 3589.
Л. 88 об. (в письме от середины января 1864 г.).

Впервые: *Письма игумена Антония*. С. 325–326.

¹ Летят ~ города *вписано в сноске с пометой автора*: Пропуск.

Игумен Антоний

Пастух-бандурист

Опять калека, полоумный, старый,
Овец рассеянных пастух,
Плетется за своей разбитой гитарой:
Поговорим с тобой, мой верный друг.
Не даст ли мне какого звука
Твоя пустая, высохшая грудь?
Но что я вижу, близорукий;
Не хочет ли кто старца обмануть?
На ней подарок от Марии,
Благоуханный, свеженький венок:
И розы, и лилеи в симметрии;
Цветок и листья, потом опять цветок.
И перевязано все лентою атласной.
Как жаль, что худо вижу я, слепой.
Цветы подобраны и ровно и прекрасно,
И запах их впиваю я душой.
Но, может быть, венок повешен здесь ошибкой,
За что же мне? Я старчески пою?
Но возложил его я с гордою улыбкой
На голову косматую свою.
И что же? со очей моих струится...
То слезы иль с венка небесная роса?
А сердце так и бьется и стремится
За ангелом лететь на небеса.
Нет, эти мне полеты не под пару!
Своим венком, старик, не буди горд.
Примись-ка за свою разбитую гитару,
Попробуй и возьми один аккорд.
Я стал играть, и как-то вяло, глухо,
И персты худо слушают меня.
Быть может, оттого, что старческого слуха
Коснулась чья-то песнь... и я умолк, звеня.
Прости ж, мой друг, негромкий, малострунный!

Доколь не соберемся мы с душой.
Пойдем к овцам. Их Агнец белорунный
Вручив мне, дал и посох свой святой.
И я пришел к расшедшемуся стаду;
Овец погладил, сосчитал;
Их всех загнал в заглохшую ограду;
Сел у ворот на камне; задремал.
И вижу я виденье.
Вам расскажу его теперь.
На Волге я: смотрю на тихое течение,
Передо мною княжеская Тверь.
Дворец и сад великия княгини;
Ей повесть предков здесь читал исторьограф.¹
А там собор, и в нем сокровище святыни
И много синих со звездами глав.
Я подхожу к полуденному входу,
Перекрестясь, к растворенным дверям;
Взошел в собор. В нем не было народу —
И я припал к страдальцевым мощам.
Великий князь! молю я со слезами,
Святой и благоверный Михаил!²
О если б благовонными руками
Ты бедного певца благословил!
Теперь ты почиваешь в мире;
Но был и для тебя предсмертный, грозный час,
Когда и ты прибег к давидовой псалтири;
Царь князю русскому внушил псаломский глас.
«Кто даст мне крылья голубины,
В отчизну неба возлететь?»³ —
Воспел ты в час своей кончины.
Как человек и ты страшился умереть,
Но псалмопеньем окрыленный,
Бесстрашно к небу возлетел.
Подаждь мне голос вожденный,
Чтобы я подвиг твой воспел!

И слышу голос: «Недалеко
Отсель девичий монастырь.
Туда ты шествуй, слепоокий,

И там найдешь мою псалтирь.
Скажи Марии, чтоб воспела
Она моих страданий день».
И я иду. Душа летела,
А тело следует, как тень.

И вот, Мария, Вам поэма
Для Вашего воздушного пера.
За это Вам сплетется диадема
Из звезд ночного серебра.

А для меня псалтырь не вынимайте;
Пусть выстоит доколе под чехлом;
На ней Вы князю песнь сыграйте.
Я буду отвечать гитарой, не псалмом.
Гитара инструмент презренный, позабытый,
Служителям оставлен от господ.
В ней струны, как в душе моей разбитой,
Для легких песен, не для од.

Печатается по автографу: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13.
Л. 91–92.

Датируется 1864 г.

Впервые: *Письма игумена Антонии*. С. 417–419.

¹ Речь идет о Н. М. Карамзине и вел. кн. Екатерине Павловне, жившей во время Отечественной войны 1812 г. в Твери.

² Михаил Ярославич Тверской (1272–1318), св. мч. блгв. вел. кн. (память 22 ноября / 5 декабря) — сын князя Ярослава Ярославича, младшего брата Александра Невского; воспитывала его мать, княгиня Ксения, принявшая впоследствии иночество; в 1294 г. он женился на ростовской княжне Анне Димитриевне и имел от нее четверых сыновей и дочь; принял мученическую смерть в Орде. Через два года нетленные мощи его были привезены в Тверь. Княгиня Анна после смерти мужа и двоих сыновей приняла постриг, скончалась в Кашинском Успенском монастыре и также была причислена к лику святых (память 2/15 окт.).

³ Ср.: «Кто даст ми криле яко голубине? и полещу и почию?» (Пс. 54: 7).

Монахиня Мария

Ответ на стихотворение
«Пастух-бандурист»

Простите мне, мой друг, мой Старец, мой отец,
Смирнейший пастух Апостольских овец!
Что лепты медные, простые,¹
Своих неизданных стихов,
Из старых высыплю мешков,
И за червонцы золотые
Любовию отлитых слов, —
Плачу вам старую, заржавленной монетой, —
Чеканенной еще *Елизаветой!*²
Вы снисходительны, но я
Подпасков ваших опасуюсь,
При них, дыханье притая,
Едва я к струнам прикасаюсь!
Не стали бы они смеяться над сестрой?
Один — не близорук, и тотчас мишурой
Тверское золото оценит,
Брильянта блеск никто при нем,
Хотя бы днем, или с огнем,
Простым алмазом не подменит, —
Как убирает он Апостольский алтарь,
И к службе выдает то ризу, то стихарь.
А при другом — запеть опасно:
У Иоанна чуток слух,
И различить умеет ясно,
Где звук понижен, или глух, —
Ведь музыка и пение, — давно его стихия!
И прячется от них под Ваш покров
Мария.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 28 об.-29.

Датируется 11 января 1864.

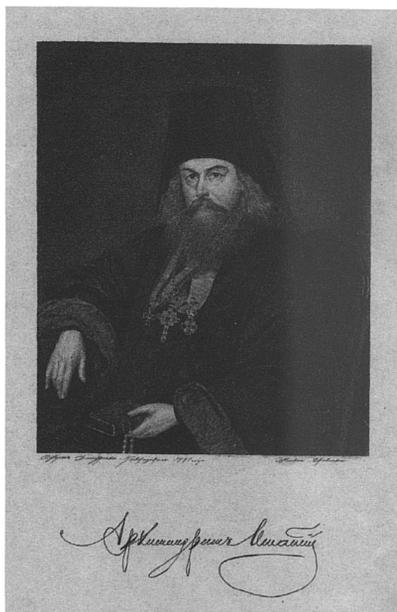

Вид Троице-Сергиевой Пустыни в Стрельне.
Литография с тоном. 1841

Вид Козельской Введенской Оптиной Пустыни с юго-западной стороны.
Фотография. Конец XIX в.

Архимандрит Игнатий
(Брянчанинов).
Офорт Л. Е. Дмитриева-
Казанского с факсимиле
подписи. 1881

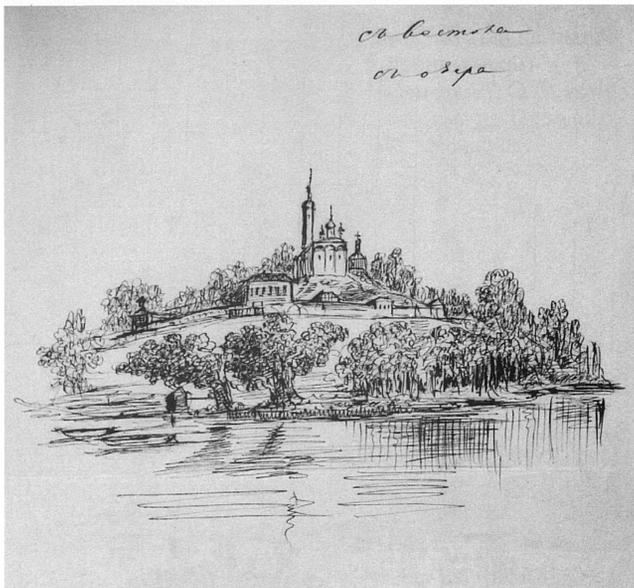
Свѣтло глубже тьмы
Свѣтло миръ — съ божь садъ
Наши градъ тьмы тьмы —
Наши градъ съ тьмы тьмы.
+

Монахи въ свѣтѣ тьмы
Свѣтло въ свѣтѣ тьмы
Но въ свѣтѣ, свѣтло въ тьмы тьмы
Казанскъ до тьмы тьмы
+

Копировано съ свѣт. Рукопись
Въ свѣтѣ — а въ свѣтѣ
Надъ свѣтѣ тьмы тьмы
Свѣтло въ свѣтѣ тьмы тьмы.

5. 27 49.

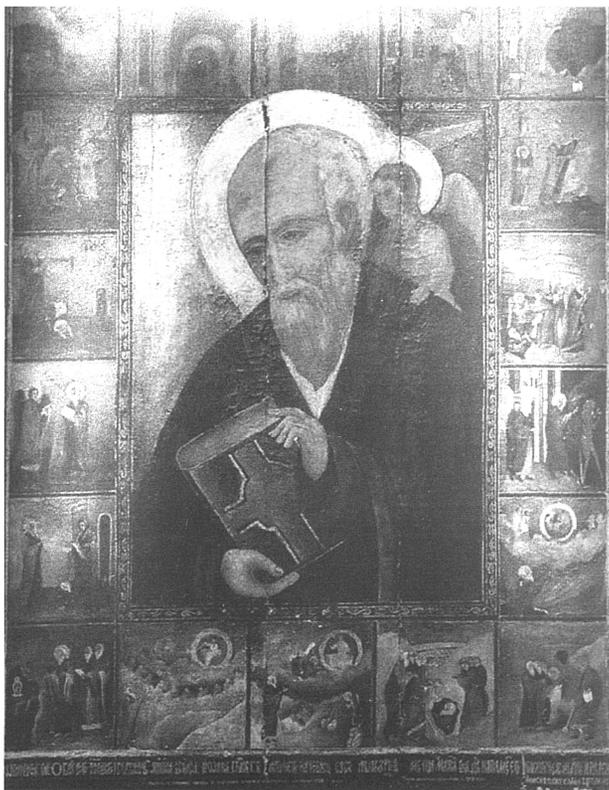
Отрывок из стихотворения игумена Антония (Бочкова)
«Мы, кажется, живем под Римом...». Автограф. 1860-е

Игумен Антоний (Бочков). Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря с востока. Рисунок. 1864

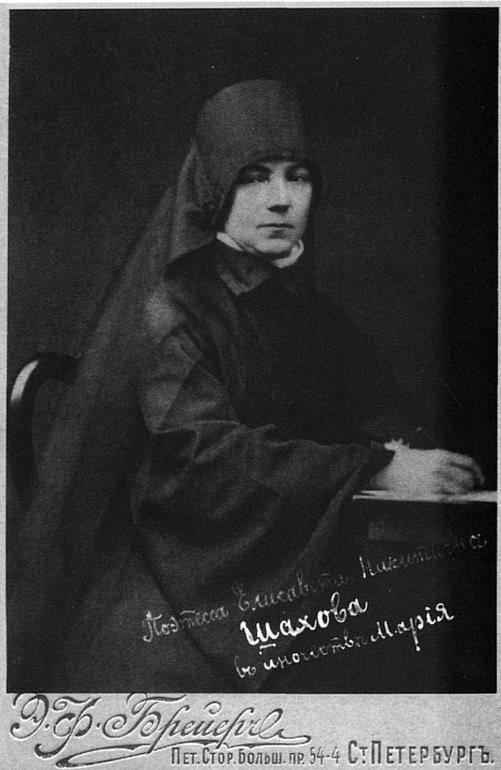
Игумен Антоний (Бочков). Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря с запада. Рисунок. 1864

Чудотворный образ св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова
из Черемнецкого монастыря

Евангелие св. ап. и еванг.
Иоанн Богослова.
Послание о миготании
Антоний.

Из письма игумена Антония (Бочкова)
к монахине Марии (Шаховой). 1868

Монахиня Мария
(Шахова).
Фотография.
Сер. XIX в.

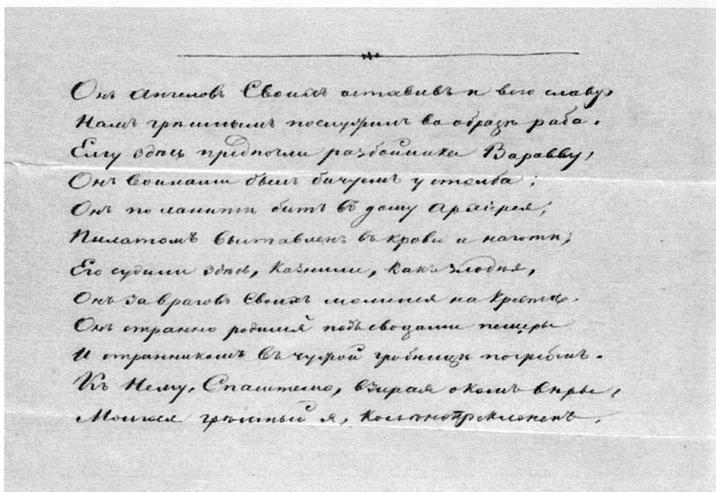
Монахиня Мария (Шахова). «Элегия», «Голос из-за Волги».
Автографы. 1864

Игумен Антоний (Бочков) (справа) с духовными чадами.
Фотография. 1860-е

Петропавловская церковь скита Николо-Угreshского монастыря
и могила игумена Антония. Фотография. Нач. XX в.

Последнее стихотворение игумена Антония. Автограф. 1872

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 85–86. Опубликовано под названием: «На стихотворение: „Пастух-бандурист“. (При посылке книги первого издания и рукописей)».

В стихотворении упоминаются реальные люди, ближайшие помощники игумена Антония, находившиеся под его духовным окормлением и перешедшие вместе с ним в Черемнецкий монастырь из Введенского Островского Оятского монастыря: иеромонах Сергей, в то время, вероятно, бывший ризничим обители, и иеродиакон Иоанн (Краев) — казначей, несший также послушание регента на клиросе.

¹ Аллюзия на образ евангельской вдовицы, пожертвовавшей две лепты (Мк. 12: 41–44; Лк. 21: 1–4).

² Монахиня Мария имела в виду свое мирское имя, под которым были изданы все ее стихотворные сборники.

7

Игумен Антоний

Нет! Ваше золото червонное так звонко,
Такой гармонией мне под ухо звенит;
И маленький листок так отчеканен тонко,
Что весь огнем поэзии горит.
Ни ризничим, ни казначеем,
Небрежно свернутый в бумажку, бриллиант
Не будет оценен. Лишь старым стиходеем,
Благословляющим Ваш истинный талант.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 88 об. (письмо середины января 1864 г.).

Впервые: *Письма игумена Антония*. С. 324.

Монахиня Мария

Ответ на ответ

«Друг друга тяготы носите,
И так исполните закон!»¹

Во имя Павлово простите!
Да будет наш посредник он!
Не осудите слишком строго
Порыв и пыл души больной:
За то, что возлюбила много,²
Прошу я милости одной!
В вас — дух высокого поэта,
В вас — дар небесного певца,
И — ум глубокого аскета,
И мудрость Истины жреца,
В вас — сердце, полное как море,
Таит сокровища на дне;
Его не иссушило горе:
Оно сочувствует весне;
Вся сила творчества природы
В нем отражается светло;
В него глядятся неба своды,
Как в чистое воды стекло; —
На всякий звук рождаются звуки,
И льются, льются через край;
Резца и кисти ищут руки
Изобразить незримый рай!
И видя то, что им незримо,
Вы тщитесь смертным передать,
То, что для них непостижимо,
И то, что здесь не разгадать!³
И так, как ангел, пойте миру,
В стране изгнания живя,
И чаще нам, под вашу лиру,
Слагайте песни соловья!

Но не судите слишком строго
Порыв и пыл души больной!
За то, что возлюбила много,
Прошу я милости одной!
Когда я выражу вам пени
Души изъязвленной тревог, —
То дайте пасть мне на колени,
И плакаться у ваших ног!

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 30 об–31 об.

Датируется 20 февраля 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 87–88.

¹ Гал. 6: 2.

² Ср.: «...прощаются грехи ее многие за то, что возлюбила много» (Лк. 7: 47).

³ Было: И то, что трудно разгадать!

9

Игумен Антоний

Идеал

В стихах своих вы дышите Эдемом
И ангельский даете старцу вид,
Хотите, чтоб я был под черным шлемом
В волосяной броне, как Хозевит.¹
Чтоб добродетели каскадами струились,
Как складки мантии с рамен.
Чтоб мудростию волосы сребрились,
И слово миром капало с устен.
Чтоб бархатный со многими крестами,
Надет был полиставрион.²
Чтоб с выи, через перси, с бахромами
Был спущен белый лентион.³
Чтоб послушания, страдания эмблема
Меня покрыла с ног до головы.⁴
Чтобы я кроток был, как агнец Вифлеема,

И грозен для врагов, как царственные львы.
Чтобы для всех был тих и светел, и приступен,
Как Севастопольский залив,
И низостью, лестью неподкупен,
И даже к самому коварству справедлив.
Хотите вы меня, Мария,
Во ангела мгновенно превратить
И в преподобные, в святые
Рукою легкой посвятить.
Все свято для святых, для чистого все чисто,⁵
Всех на небо влечет возвышенный певец.
Нет, нет! оставьте бандуриста
Лежать на солнышке, на травке меж овец.
Вы знаете — в руке своей имеет
Из яшмы зеркало архангел Гавриил,⁶
В него святой смотреться не робеет —
А я, узрев себя, лицо свое закрыл.

Другой есть идеал для вашей псалтири:
В одежде царской и венце,
В руках трикирий и дикирий,⁷
Он там, над Волгою — не здесь, на Черменце.⁸

Печатается по автографу: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13.
Л. 92 об.

Впервые: *Письма игумена Антония*. С. 415.

¹ Имеется в виду преп. Георгий Хозевит (VII в., память 8 (21) января).

² Полиставрий, или крещатая риза — в древности богослужебная одежда епископов, митрополитов и патриархов; фелонь с многими нашитыми на нее крестами.

³ Лентион — полотенце (*церк.-слав.*; от *греч.* λέντιον); здесь имеется в виду архиерейский омофор.

⁴ Подразумевается, вероятно, облачение схимника.

⁵ Измененная цитата: Тит. 1: 15.

⁶ Один из типов иконописных изображений архангела Гавриила представляет его держащим зеркало из зеленого ясписа

(яшмы) с черными и белыми пятнами, в котором отражаются хорошие и дурные дела народов и людей.

⁷ Дикирий и трикирий (двусвещник и трехсвещник) — атрибуты архиерейского богослужения.

⁸ Подразумевается свт. Игнатий (Брянчанинов).

10

Монахиня Мария

Ответ на письмо с присылкою романа:

«Мне все равно!»

Нет! красоты необычайной
Не нахожу в таких стихах,
Где скрыт под рифмою случайной
Весь образ женщины — в грехах!
Здесь оттиск модной героини
С бесстыдством медного чела!
На песнь языческой богини
Рукоплескать я не могла;
Та песнь исполнена обмана
И отдается пустотой
Груды красивой истукана,
Хотя б из золота слитой!
О нет!¹ сама она не любит:
Не может и ценить любовь,² —
Но, насмехаясь, души губит,
Волнуя бешеную кровь...
Греховное отродье века!
Ей чужд любви святой закон:
Нет! Бога или человека —
Любить повелевает он.
Наш жребий — или чистой девы
Святой обет в себе вместить
Или болезни ветхой Евы
Крест искупительный носить!³

Нет! Эти звуки и напевы
Не должно в чистый слух впустить!
Святой Отец! не так я пела
На языке и вам родном!
Но, видно, я вам надоела,
Как итальянец под окном?
Как звук шарманки, звон кимвала
Вам стал несносен, мой певец,
И на иного «Идеала»
Вы указали наконец!⁴
За некасаемые струны
Мою затронули псалтирь,
Чтоб вызвать громкие перуны,⁵
На всю небес пространных ширь!
Не все то видимо, что зримо,
Не все объёмлемо рукой,
И ловит ум непостижимо
Неуловимое с тоской!
Высокой меры совершенства
Вы указали образец:
Черты Его Преосвященства
Ваш лучше выразит резец:
В священнодейственные тайны,
Вы, — жрец Христов, посвящены;
Дары Христовы не случайны
И не от мира Вам даны!
Здесь мудрость есть: кто ум имеет
Под н¹мера итог подведет,
И сосчитать уразумет
Число 666;
Кому из книг судеб раскрыты,
Перелистованы листы,
Пред кем как горы в доли скрыты⁶
Стопы рифмованной мечты, —
Тот лучше грешницы возможет
Воспеть великого Отца,
И на досуге переложит
Те гимны в свиток мудреца.
Ему мирские все приманки

Ничтожны, как игра детей!
Ни forte-riаn'a, ни шарманки
Не станет слушать он затей!

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 29–30 об.

Датируется 7 февраля 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. I. С. 112–113;
Ч. II. С. 86–87.

Стихотворение опубликовано как два самостоятельных произведения. Первое: под названием «K***» — от слов «Нет! красоты необычайной...» до слов «Не должно в чистый слух впустить»; второе: под названием «На стихотворение: Истинный идеал, с предложением воспеть его» — от слов «Святой отец! не так я пела...» до слов «Не станет слушать он затей!»

Во втором стихотворении к стиху «И сосчитать уразумеет / Число 666» издатель «Собрания сочинений в стихах...» Н. Н. Шахов сделал сноску: «Апокалипсическое число переложено было старцем славянской цифирью». Он имел в виду стихотворение игумена Антония «Мы, кажется, живем под Римом», в котором были следующие строки:

И все у нас под нумерами —
Листок, не только что тетрадь.
Все эти штуки разумеет,
В ком мало-мальски разум есть,
И кто легко прочесть умеет
Число 666.
Я, господа, вам дам потеху,
Почтенные профессора!
Открою тайну вам для смеху,
Ведь это просто н^умера!
ЕН — 50, ИК с омикроной
ИМЕ — пять сот два десять пять,
РА — 101. Счет немудреный,
Извольте только сосчитать.

(РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 94 об.)

¹ *Вписано над зачеркнутым*: Не верь!

² Было: Она отвергнула любовь.

³ Ср.: «...Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» (Быт. 13: 6).

⁴ Имеется в виду финал стихотворения 9.

⁵ Перуны — молнии.

⁶ Аллюзия на Лк. 2: 4–6.

Игумен Антоний

Востани слава моя, востани псалтирю и гусли!¹

Златострунная псалтирь Царя и Пророка,
От холмов Сиона, с Кедрского потока
Сколько лет бряцаешь ты, при скольких Владыках
Миллионами устен и на всех языках!
От палящего Синая² и до льдистой Колы³ —
Во всю землю обтекают⁴ вещие глаголы.
Нет славнее этих песен, нет слаще для слуха:
Это голос вековечный Пресвятого Духа.
С самая младенческая нашей колыбели
До последней, христианской, мертвенной постели
Эти песни нас встречают, нас и провожают;
С жизнью приветствуют, с нами замирают.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 44 (письмо от 3 февраля 1864 г.).

Впервые: *Письма игумена Антония*. С. 333.

¹ Пс. 56: 9.

² Было: От жаркой Ливии.

³ Кола — город в Архангельской губернии при слиянии рек Кола и Тулома (ныне центр Кольского района Мурманской области); как поморское поселение известен с XIII века. В XV—XVII веках Кола — центр торговли и отправной пункт морских плаваний на Шпицберген и Новую Землю.

⁴ Было: раздаются. «Во всю землю» — цитата из Пс. 18: 5 (прокимен св. апостолам).

Монахиня Мария

Таинственный голубь

Звучит Давидова псалтирь,
И голубь бел при ней витает:
С монастыря на монастырь
В тех звуках он перелетает:
Во мраке умственной ночи,
С своих посеребрённых крылий,
Он сыплет чистые лучи
Поверх монашеских воскрилий, —
И тупо действуют мечи
Врагов невидимых усилий...

Когда умами воспаряя
Глядим мы в высь, где голубь белый,
В заплечьях золотом горя,¹
Стремит полет высокосмелый
Под звук святого псалтиря, —
Все тухнут огненные стрелы...

И в тесной келии своей
Монах, как узник заключенный,
Один, как в клетке соловей,
Прохлады воздуха лишенный, —
До утра с ложа восстает,
На небо простирая руки,²
Он песнь Давидову поет,
И — Ангел к Богу вземлет звуки,
Несет в таинственной тиши
Дар благовонный фимиама —
Святую музыку души
Из Богосозданного храма!
И этот дар на свой алтарь
Один отчески приемлет
Непостижимый славы Царь,

Как сына блудного объемлет,
Пред Ним простершуюся тварь —
Для покаянного поклона!
И, сняв десницею Своей
Лохмотья рваного хитона,
Всю ветошь рубища страстей, —
Ее неверность забывает,
Весь долг греховный отдаст,
В порфиру снова одевает,
И обувь царскую дает,³
И уст дыханьем согревает!
Звучит недремлющий псалтирь,
И демон бегаёт, страшится,
Им⁴ Церковь Божия святится,
И богатеет монастырь...

Прошли века; исчезли роды;
Ветшает мир и человек,
И обновления природы
Наступит скоро новый век.
Но неизменно, повсеместно,
Псалтирь бессмертная звучит;
И, как минует *все* безвестно,
Она одна не замолчит!
Как поднебесную проходит,
Так в небо самое пройдет,
И души избранных проводит,
И в рай отверзтый их введет!

Заслыша гул глухой и дальный,
Шум жизни мира часовой,
Влеку я слух ваш музыкальный
К святой псалтири вековой, —
Пусть скажет, на вопрос печальный,
Ответ — струя воды живой.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 31 об.-
32 об.

Датируется 27 февраля 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 88–89.

В автографе название «Таинственный голубь» вписано над зачеркнутым «На вопрос: чего ожидать в наше время?»; после последней строки приписано рукой монахини Марии: (следует псалом 45-й «Бог нам прибежище и сила»).

В первой публикации стихотворение начинается с последней строфы:

Заслыша гул глухой и дальний,
Шум жизни мира часовой,
Влеку я слух ваш музыкальный,
К святой псалтири вековой,
Пусть скажет, на «вопрос печальный»
Ответ — струя воды живой!

¹ Аллюзия на Пс. 67: 14: «Аще поспите посреде предел, криле голубине посребрене, и междорамия ея в блещании злата». Голубь — чистая птица по закону Моисееву, часто упоминаемая в Священном Писании. Междорамия — верхняя часть спины между плечами.

² Ср.: «В нощех воздежите руки ваша во святая, и Благословите Господа» (Пс. 133: 2).

³ Перифраз притчи о блудном сыне (Лк. 15: 11–32). Ср. в одной из проповедей свт. Игнатия: «Меньший сын, по изъяснению святых Отцов, может быть образом и всего падшего человеческого рода и каждого человека-грешника» (IV, 35).

⁴ Т. е. псалтирю.

Игумен Антоний

Искры света

В быстрой светлой реке, в голубом ручейке
Солнцу весело плыть, отражаться;
Но по камням весной ручейки с мостовой
В снеге тающем грязно слезятся.

Хотя в них солнца лик и не светло приник,
Но все так же их греет, целует.
Но в прозрачных реках, в водяных бугорках
Как оно веселится, ликует!

Точно птиц золотых блещет стадо на них,
И плывут, обгоняя друг друга...
Как доспех боевой, с чешуею стальной —
Так блестит водяная кольчуга.

И за птицами свет по реке вдоль идет,
И с любовью их провожает...
Как лазурный глазет, весь синея блеснет —
Так луч солнца в воде отливает.

Так святая душа и в миру хороша,
Вся одета, согретая светом.
Хоть смотришь во дворце, хоть в окне шалаша,*
Хоть в зеркале с широким факетом.¹

Но и грешным душам, как нечистым ручьям,
Хоть и темное, есть упование,

* Между струй камыша иль в окне шалаша — Иль в зеркале — (Это на волю Вашу)

Так святая душа и в миру хороша,
Вся одета, согретая светом.
Хоть будь во дворце, хоть в дыму шалаша,
Хоть в порфире, под царским глазетом.

Что и их не минёт, и в слезе их блеснет
Солнца мира тепло и сиянье.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 21–21 об.
(письмо от 26 февраля 1864 г.).

Впервые: *Письма игумена Антония*. С. 425.

¹ Фацет, фасет (от *франц.* *facette* — грань) — скошенная боковая грань на элементе стекла, зеркала и т. д.

14

Монахиня Мария

Семячко

(посвящается Старцу о. Антонию
и Старице м(атери) Августе)

Увы мне, убогой Марии!
Сама я трясусь, как былинка,
Под бурей воздушной стихии!
У каждого зелья тычинка, —
А вы-то, мои две опоры,
Раненько становитесь хворы,
Расслаблены, больны и хилы!
Страданье сковало вам силы,
И дух, от скорбей изнемогший,
На нужды мои не внимает!
Мой тоненький стебель иссохший
Негодный червяк обнимает...
Не что, если корень подточит,
И сломится чашечка скоро,
А если Бог веку отсрочит:
Ведь зелье бесплодное споро!
Вы только — высокие колья —
Пугали собой червяченка,
И не было злему приволья,
Подкусывать стебель до-тонка.

А старец какого-то плоду
От *семячка* все ожидает,
Хотя и не видно по всходу,
Какой виноград воспитает!
Чуть ветер — к колу́ он головкой
Прижмется, как к матери милой;
Чуть стужа — к другому, и ловко
Придержется дерева силой!
Случалось, в ненастье, бывало,
Весною, и осенью, в слячу,
Что колья почти выбивало,
И гнуло их в крест — наудачу:
А зелье-то все расстиралось,
Цепляясь за них волосками,
Как будто оно распиналось
На дереве крестном руками!
Как буря-то колья шархнет —
Надежда на плод погубится:
Неважно, что зелье зачахнет, —
Да семя-то с ним истребится!

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 41 об.–42.

Датируется 2 апреля 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 94–95.

15

Игумен Антоний

Слабая былиночка,
К кольям не склоняйся,
Лучше кругом крепкого
Дуба увивайся —
«Но его корение
Мрет и¹ засыхает», —
Слабое растение
Томно отвечает.
Было время светлое,
Было время славы:

Над ильмом² и ветлюю —
Верх его кудрявый:
В высоту безмерную
Ветви возвышались,
В глубину пещерную
Корни прорывались.*³
А теперь в бессилии
Славный и великий:
И легкое былие,
Стебель повилики,
Десяти-столетнего
Обвивать страшится,
Чтоб от зноя летнего
С ним не сокрушиться.
Вот поэта дикого
Грубая картина
Нашего великого,
Ангельского чина.
Верховье могучего
Время оборвало;⁴
От вихря⁵ летучего
Сердце простонало.
У корене дерева
Уж лежит секира:
Наступает Зверевое
Царство среди мира.
Засыхай же, былие,
С крепкою опорой.
Расправляет крылия
Ангел: скоро, скоро
Затрубит он медною
Громкою трубою

* Еще в 1840-м году, в Новоезерске, написана была мною прозаическая поэма: «Повилика, обвивающая дуб». Потом мысль эта встретилась у Башуцкого в его «Сосне»; теперь накидываю легкими красками, может быть, водяными, эту верную картину засыхающего монашества, к которому страшно прилепиться, особливо к нам, гнилым кольям.

И громо-победною
Загремит пальбою.
И дождем живительным
Оживит растение —
Славно-победительным
Словом⁶ Воскресенья.
Хоть восстанет, примется
Много пальм в Нитрии,⁷
Выше не поднимется
Славныя Марии:⁸
Поступию⁹ смелою
Шла она рекою,
И лебедью белою
Взвилась над землею.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 59–59 об.
(письмо от 1 апреля 1864 г.).

Впервые: *Письма игумена Антония*. С 346–348.

Существует более поздний вариант этого стихотворения
под названием «Дуб» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 14).

¹ *Было*: Мерзнет.

² Ильм (берест) — высокоствольное дерево из рода вязовых.
Латинское название рода (*ilmus*) произошло от кельтского «elm»
(вяз). В русском языке слово «вяз» означало гибкий прут, свежая
хворостина.

³ Было время светлое ~ Корни прорывались *вписано вместо*
зачеркнутого: В глубину пещерную / Корни прорывались, / В
высоту безмерную / Ветви возвышались. Произведение «Пови-
лика, обвивающая дуб» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 59–
62) написано в жанре стихотворений в прозе, как и ранние
произведения свт. Игнатия (Брянчанинова) «Сад во время
зимы», «Кладбище», «Роса», «Чаша Христова» и др. (См.: I, 165–
532).

⁴ *Было*: Буря оборвала.

⁵ *Было*: От ветра.

⁶ *Было*: Солнцем.

⁷ Нитрийская пустыня в Египте — один из центров монашества IV–VI вв.

⁸ Подразумевается преп. Мария Египетская, чье имя носила монахиня Мария. Далее вспоминается одно из чудес «первой подвижницы всего монашества» (как назвал ее игумен Антоний в одном из писем) — переход реки Иордан в Великий Четверг, когда на другом берегу преподобную ожидал старец Зосима, пришедший, по ее просьбе, причастить ее Св. Тайн. См.: *Письма игумена Антония*. С. 343.

⁹ *Было*: походкою.

16

Игумен Антоний

Череменец

Полуостров, омовенный светлыми водами,
Отовсюду осененный липами, дубами;
Точно маленький ландшафтик на картинке детской,
Иль на шторах пейзажик с фермой немецкой.
Вот на первом плане видны: берег и коровки
И мальчишек деревенских льняные головки.
Гонят прутом в поле стадо маленькие дети,
Видны в озере покойном: лодка, парус, сети.
Холм могильный весь в деревьях; церковь посредине.
Что-то видно и не видно, точно на картине.
И белеет минаретом, тонким, осьмигранным,
Колоколенка на небе сером и туманном.
Кельи бедные под горкой в зелень приютились,
На гостинице тесины плесенью покрылись,
Лестница из грубой плиты в тридцать три ступени,
С балюстрадом, вся заглохла в крове из растений.
Сад запущенный, решетка; я скажу со вздохом:
Все печально, устарело, все покрылось мохом.
Домик сырый в шесть окошек, очень небогатый,
Деревянный — вот жилище бедного аббата.
И под окнами могила рыцаря Фон-Лоде,

Герб — три лапы, как прилично рыцарской породе,
И чугунная решетка, как *ланцье*¹ в турнире,
Изогнулась, хоть недавно рыцарь на квартире.
Из булыжника ограда; маленькие башни,
Гать предлинная, за нею огород и пашни.²
Черменецкий монастырь виден издалёка,
От Солнцева берега и из Наволока.*
Царь Иван Васильевич видом любовался;
Пьедестал его еще цел остался:
Камень старый, в землю вросший, весь позеленелый,
Указует он на место, где стоял Царь белый,
Сказывали прадеды, сказывали деды,
Что литва здесь воевала, может быть, и шведы.
Много наших положили, села разорили
И монахов Черменецких многих перебили.
С ними вместе убиен здешний настоятель.
Больше нет воспоминаний: вымел неприятель.
Что осталось — время съело, пролетев поспешно.
Спрашивал я землю нашу, инок многогрешный:
Сколько ты, родная, здесь похоронила?
Спрашивал и озеро: сколько ты носило
На водах твоих прозрачных, озеро святое?
Нет ответа. И взглянул я в небо голубое...
Нет воспоминаний в островке безвестном —
Помяни нас, Господи, в Царствии Небесном!

Но пойдем, помолимся Иконе старинной
Иоанна Богослова. Лик темный и длинный,
Как зерно пшеничное, густо пожелтый,
Уцелевшее одно от пшеницы спелой.
Жатва времени! ты здесь все косой скосила,
Прахом все посыпала и похоронила;
Лишь одно зерно осталось — этот лик священный,
Неизвестно, где он скрылся от бури военной.
От зерна священного вновь возшла обитель;
Но неведом нам остался первый обновитель;

* Соседние селения.

И опять монахи свое пепелище
Населили и легли на то же кладбище.

С той поры, как тихий сон без ярких видений,
Безыменной рекою течет меж селений
Жизнь монахов Черменецких: они Бога хвалят,
Молятся за Государя, службу свою правят.
И отходят незаметно к тем, чье имя носят.
Умирая благодушно, они братьев просят
Не о том, чтоб имена их славились в мире,
А о том, чтоб поминались при святом потире.
Нет земных воспоминаний, но отверзто небо.
Неснедаемой трапезой Жизненного Хлеба
Всех Господь усвоил нас, всех воспоминает,
Всех живых и мертвых в грудь свою вмещает
Таинственной Крови Пресвятая Чаша;
Всех приемлет, всех лобзает Церковь, Матерь наша.
Песни, слезы есть у ней всем давно почившим,
Есть венцы и похвалы преподобно-жившим.
Вышний всем нам простирает отческие недра;
Всех растений силу знает ото льна до кедра.
Древних пальм уже не стало и в песках Ливии,
Мачты корабельные чужды и в России.
И в шиповнике не скоро обретаем розу...

В жизни нет поэзии — примемся за прозу:
Вот еще недавно храм распространили,
Окна порасширили, железом покрыли,
Трапезой его сомкнули с древней колокольной,
Все любят; все хвалят; все стали довольней.
Купол новгородский, гордый, одинокий,
Уменьшили и воткнули очень невысоко
Деревянные четыре маленькие главки.
Лучше ли он стал, не знаю, от этой прибавки?
Стал собор пространней, сделали веселым;

Издали он кажется витебским костелом.
Прежний храм был тесный, точно храм Перунный,*
В озере столбом он стлался тихой ночью лунной.
И теперь он стройно на небе белеет —
Все пред ним понизилось, все благоговеет.
Окружен он всюду узкой эспланадой.⁴

Озеро! могу ль тебя звать Тивериадой?***
Часто здесь в народе праздничном, веселом
Ходит сам Апостол по деревням, селам;
За иконой приезжают лодочки и челны —
И Спаситель сам преходит чрез легкие волны.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3577. Л. 94–95.

Датируется 1864 г.

Впервые: *Письма игумена Антония*. С 428–430.

¹ Копье (от лат. lancea).

² Следующие две строки вписаны в сноске с пояснениями
автора: Пропуск.

³ См. примеч. свящ. А. Берташа на с. 123 наст. изд.

⁴ Эспланада — широкое открытое пространство перед крепостью.

⁵ Тивериадское озеро (Галилейское море, Генисаретское озеро, Бахр-Табария) — озеро в тектонической впадине Гхор на границе Израиля и Сирии.

* Новгородский Юрьевский скит на месте низвержения Перуна.³ Зодчество прежнего храма до пристройки и размеры те же.

** Здесь приложено описание в стихах сражения Тивериадского, после которого крестоносцы потеряли Палестину. Но это остается в портфеле.

Тивериада

Озеро Генисарета, светло-голубое,
Полное чудес великих, озеро святое,
Ты ль уступишь свою славу и воспоминанья?
Здесь блаженств Евангельских слышались вещанья,
Здесь плелися сети для мирской ловитвы.
Перестанем... Лучше вспомним день кровавой битвы,
День последний Королевства франков в Палестине.
Годфрида¹ уж не было в рыцарской дружине:
Меч его тяжелый в золоте заржавел;
Дух его геройский рыцарей оставил.
До начала битвы голос безнадежный
Предсказал о гибели близкой, неизбежной,
Уготованной заране роскошью, раздором.

Солнце шаром раскаленным встало над Фавором.
В узкую долину под холмом Гиттина
Заманили франков турки Саладина²
И зажгли кругом их высохшие травы.
В сем аду палящем, с мужеством без славы
Бились стройные дружины франков Лузиньяна³
Против полчищ Саладина, Сирского султана.
С рыцарями Гроба были тамплиеры,
Всей Святой земли бароны и госпитальеры.⁴
Благородной крови цвет под серпы собрался:
На Святой земле недолго он покрасовался;
Копья их колосьями и щиты с гербами,
Как цветы, потопчутся дикими ордами.
Страшные наездники становищ сирийских
Налетали на конях легких, аравийских,
Но пешие рыцари плотную стеною
Двигались на варваров, гнали их толпою.
Притупились копья храбрых крестоносцев
О полки несметные ярых чалмоносцев:

Сарацинские полки отступали дважды.
Франки, истомленные от смертельной жажды,
Бились нерешительно с чувством безотрадным
Против турок, освеженных озером прохладным.
Сдвинувшись кольцом железным, золотою рамой
У креста Спасителя, кавалеры Храма
Палашами тяжкими турок рассекали:
Что удар — то с кровию силы истекали.
Губы запеклися от пыли и зноя,
Руки опустились от тяжкого⁵ боя.
Шлемы и доспехи из дамасской стали,
Кровью обагренные, уже не блистали.
Юные оруженосцы, как цветы весною,
Падают, снесенные смертною косою.
Но и храбрый паладин с ужасом бледнеет,
Озираясь, видит он — полк его редееет.
«Иерусалим и Крест! Иисус! Мария!»
Шепчет, смертно пораженный страж земли Святыя,
И, целуя эту землю, тихо умирает.
Смерть еще сладка на ней; крест еще сияет.
Стоны; вопли; стук оружий; бьются; длится сеча;
Только где-то конский топот слышен издалеча.
Там отряд прорвался; спешно отступили;
Их преследуют; за ними вьется туча пыли.
Рыцари Святого Гроба! что вас ожидает?
Смерть — венец для храбрых; стыд не умирает!
Что вы предаете в руки Саладину?
Честь свою и Гроб Христов — с ними Палестину.
Гордостью пало царство Ровоама⁶:
Гордые блюстители рушенного Храма,
В час решительный, последний, что вы ослабели?
Ястреба над вами с криком пролетели.
Кликнули (?) долины дальние Фавора:
Псов летучих, кровожадных бешеная свора
Вторглася с своими длинными хвостами,
С белыми зубами, дикими очами,
Перескоком через падших, мертвых попирая,
С яростью и воем бешеная стая
С воплями на христиан мчались мусульманы,

Вознося свои кривые сабли, ятаганы.
Нет минуты отдохнуть, опершись на копьё;
Перья белые со шлемов, как снежные хлопья,
Сбитые на землю, кровию атели,
И щиты рассёченные, падая, звенели —
С ними рассыпалось царство Годофрида.
Крест или луна? Смерть или победа?
Ужель вознесется вновь на́ небе Востока
Серп кровавый, полумесяц, знамя Лже-пророка?
Бой еще не кончен. Страшны христиане:
Их не одолели и магометане.

С нетерпением Саладин то смотрит на битву,
То бросается в палатку на свою молитву,
В муке ожидания воздевая руки —
Уж два раза колебались его мамелюки.
Сарацины снова вьются саранчой крылатой
Стрелы градом свищут, бьются в рыцарские латы...

Скачет — вон — стремительно⁷ с вестью для Султана
Сын его; кричит: «победа! взяли Лузиньяна!» —
«Замолчи, щенок презренный! я тебе не верю;
Вижу только правоверных страшную потерю.
Не поверю я, доколе знамя не упало!*

Оно — крест священный тучей осеняло,
Оно развевалось, как яркое пламя». —
Победа! победа! вот упало знамя.⁸

Полностью печатается впервые по автографу: ИРЛИ.
Сигн. 3577. Л. 92–93.

Датируется 1864 г.

* Описание битвы сверено с историею крестовых походов. Отступление отряда тамплиеров в Иерусалимскую сторону решило битву. Туча стрел; отдаление от озера; полдневный жар; латы; нерешительность и раздоры крестоносцев и внутреннее поражение предшествовало поражению общему, кровавому. Знамя необыкновенной величины осеняло мачту с крестом, которая перетаскивалась на поле битвы своим отрядом

¹ Готфрид Бульонский (Годфруа де Бульон, Godefroi de Bouillon; ок. 1060, Булонь — 18 июля 1100, Иерусалим) — граф Бульонский (1076–1096), герцог Нижней Лотарингии (1087–1096), один из предводителей 1-го крестового похода 1096–1099 на Восток; после захвата Иерусалима был провозглашен правителем Иерусалимского королевства (с 1099). Отказавшись короноваться в городе, где Христос был коронован терновым венцом, Готфрид вместо королевского титула принял титул барона и «Защитника Гроба Господня» (лат. *Advocatus Sancti Sepulchri*). Игумен Антоний вспоминает в своем стихотворении о сражении 4 июля 1187 г. (Хаттинская битва), в котором крестоносцы потерпели поражение (у него — Гитин).

² Саладин (Салах-ад-Дин Юсуф Ибн Айюб; 1138–1193) — султан Сирии и Египта (с 1175), возглавивший борьбу мусульман против крестоносцев в 1187–1192 гг.

³ Ги де Лузиньян (1160–1194) — король Иерусалимского королевства (1186–1194), сеньор Кипра (1192–1194).

⁴ Тамплиеры (Рыцари Христа и Храма Соломона) и госпитальеры (современное название: Суверенный военный гостеприимный орден Св. Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты) — духовно-рыцарские ордена, возникшие, соответственно, в XII и XI веках.

⁵ *Было:* долгого.

⁶ Ровоам — сын и преемник царя Соломона, вступивший на престол Иудейский на 41-м году от роду и царствовавший 17 лет. Ровоам отверг мудрый совет старейшин и последовал легкомысленным советам молодых людей, тем самым возбудив сильное народное негодование и ускорив разделение своего царства (II Пар. 10: 1–14).

⁷ *Было:* И скачет стремительно.

⁸ *Далее зачеркнуто:* Размер верен, но не везде одинаков. Но слоги позволяют эту вольность, даже ухо любит это разнообразие. Читающий хорошо и в такт, может, как вариациями, отдыхами голоса сводить в один каданс все стихотворение. — При всем том прозаических стишков много

Монахиня Мария

Элегия

(По получении четырех видов
Черемнецкого Монастыря,
и при них двух Идиллий)

Озеро священное, холмик живописный,
Место, где спасается Старец — друг мой присный,
Здесь воображению не мечтой является,
Давнее желание вдруг осуществляется;
Чермонец увидела я со всех сторон:
Вот приют молитвенный — маленький Сион!

Весь он колоколенкой в небеса уходит,
Так и Старец мысль свою всю туда возводит!
Липы многолетние и дубы старинные,
Темно-синей зелени бросив тени длинные,
В озере, как в зеркале, ясно отражаются;
Так времен события все отображаются
На душе возвышенной инока-певца,
Их в стихи слагает он в похвалу Творца!

И встают видения древности священной,
Олицетворенные думой вдохновенной,
Разливаясь музыкой в звуки переливные, —
И несутся по ветру эти звуки дивные,
Далеко за озеро — до другой земли, —
А оттуда вторит им голос издали...

Однозвучно слышится голос песни дальней,
Будто вырывается вопль души печальной:
Горлица пустынная век не наворкуется, —
Так душа изгнанница здесь не натоскуется!
Оба безотрадные, с Старцем, мы зовем:
«Помяни нас, Господи, в Царствии Твоем!»

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 42 об.—43.

Датируется 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 90.

19

Игумен Антоний

Гефсимания

Из врат Зеведеова дома¹
Усопшую тихо износят
На легких и светлых носилках,
Под белым простым покрывалом,
Чистейшим Ливанского снега.

Украшенный одр погребальный
На плечи свои возложили;
Несут святолепные старцы
И девы и юноши с ними;
И шелест шагов их чуть слышен.

Земля умягчилась и плачет,
Приемля усопшую в недра,
Объятия Ей отверзает.
И вся украсилась цветами
И перлами — чистой росы.

А небо? Оно свои двери
Великой Жене отворяет.
И ангелов, ангелов сонмы
Летают, летают, готовят
Чертоги Царице Небесной.

Младенец, со славой введенный,
Дитя Соломонова храма,
Свой путь на земле совершила.

В ту землю святую нисходит,
Где Сын Ее трижды молился.

О дивное, дивное чудо!
Тебе ли, о Мать живущих!
Сном смерти уснуть, Панагия?²
И Ты ли земле дар приносишь,
Адамова Дщерь, Бого-Мать?

И в смерти Твой лик столько чуден:
С такою святой тишиною,
С такою небесной улыбкой,
Что небо к Тебе приклонилось;
Дивится чертам Опочившей.

И кротость, и благодать, и девство,
С безмерной Твоей чистотою —
Весь внутренний рай сокровенный
В покое Твоем отразился,
В сомкнутых устах и зеницах.

И время, черты изменяя,
Почтительно преобразило
Лицо Назаретския Девы
В Голгофскую скорбную Мать,
А смерть претворила в Царицу.

И ангели с трепетом видят
Безвестное им самим небо
На этом божественном лике;
И очи в молчаньи смежили
Пред славою Матери Бога.

И нам непостижные слезы
С очей их бесплотных струятся.
И в тайной, глубокой молитве
Весь ум и все мысли бесплотных
К ногам Опочившей склонились.

О чем же вы мыслите, духи?
И в вашей таинственной службе,
И в вашей безмолвной печали,
Святейшей всех радостей неба,
О чем вы согласно дивитесь?

О дивное, дивное чудо!
Какое величие мира,
Какая любовь к человекам,
Какая любовь ко всей твари,
Почила в сем Матернем сердце!

И мыслим, что мы недостойны
Коснуться воскрилиям ризы;
Коснуться до ног Ее чистых.
За взор Ее, слово едино,
Мы все отслужить не возможем,
Не можем воздать Ей достойно.

Дух, радостно Бога приявший,
Душа, величавшая Бога,
Теперь во объятиях Сына,
Отцу Им несется, избранный
Дар Богу от рода земного.

«О Сын мой!» — Ты тихо молилась
Смиренно пред светлым успеньем:
«По смерти Моей да не вижу
Погибших архангелов зраки,
Воздушного темного царства».

И Матери Он, ослабляясь,
Не словом ответствует — славой
Кругом Его сонмы святые,
Апостолы, Ангелы, Силы —
Посмеет ли тьма здесь явиться?

Не токмо Тебя охраняя,
За всех нас Он ужасы смерти

Приял, умоляя трикратно
В Твоем Гефсиманском селеньи
Вблизи Твоей новой гробницы.

Моление о чаше

Мы знаем три страшных поклона,
Какими молился Создатель
В подгорном саду Елеона,
Пред тем, как явился предатель;
Но знаем ли тайну молений,
Духовной томительной брани
И тяжких смертельных борений
В глубоком саду Гефсимани?
Быть может, не гвозди, не тёрны
Венца, возложенного Римом,
Не горечь всей чаши позорной,
Испитой во граде любимом,
Не злоба всей области темной,
Не стыд обнаженного тела —
Но мысль: «Ученик вероломный!..»
Страшнее Креста тяготела
Над вольным страдальцем невинным,
Когда Он повержен молился
Под темным навесом маслинным?

С главы Его хладной струился
Пот крупными каплями крови
На землю масличного сада.
Отвержена чаша любви!
Иуда — добычею ада.
Простить и спасти невозможно,
Сам Бог стал невольный Каратель
Того, кто из прибыли ложной
Соделался вольный предатель! —

И в будущем свитке согбенном
Уже имена написались
С Иудею тем осужденным,

Которые аду достались.
И молний струей быстротечной
На миг озарялись их лица.
И снова во мрак бесконечный
Звала их геенны темница.³
Хулы и отчаянья холод
Сгибал, безобразил их члены.
Насквозь копием сим проколот,
Склонял Искупитель колена.
Спасти их нельзя без их воли:
Но можно ль без тяжких страданий,
Без ужаса смертных боли
Творцу отрещись от созданий?
Возможно ль Отцу без усилий
Детей наказать правосудно?
И кокош⁴ из теплых подкрылий
Птенцов выдает небеструдно.
Легко ли рвать тела частицы
И видеть во тьме безотрадной,
Как хищные адские птицы
Пируют на них кровожадно?
Провидел Небесный Посланник,
Что в царстве Его благодати
Нечистый из неба изгнанник
Прельстил уже многих из братий.
Что Крест потемнел, не сияет,
Мир, скорбью, грехом утруженный,
Худу на него изрыгает,
Как тать, ко кресту пригвожденный.⁵
И что благовестия Слово
Отвержено. Мир искупленный
Ругается Господу снова.
Позора хламидой червленной,
Хулы, посмеянья порфирой
Того с торжеством облакает,
Кто кровью Своей грехи мира,
Как волну овец убеляет.⁶
Он слышал в ночи Гефсиманской
В миг быстрых летучих видений:

«Спаси же Ты род христианский
И нас всех от ночи сомнений!» —
Вопль книжников нашего рода,
Хулу слепоты горделивой
И бедную участь народа
Под властью несправедливой.
И новых своих фарисеев,
Которые казни позорной,
Смеясь, предают, как злодеев,
Кто слушает их непокорно.
Которые с низкою лестью
Пилатов казней утоляют,
А Иродов славой и честью
Из чести на царство венчают.
И, сильные, с гордой улыбкой,
Богатые чуждым именем,⁷
Свой грех называют ошибкой,
Ошибки других преступленьем.
Он видел в час краткой молитвы
Как Имя Его на знаменах
Водило в неправые битвы
Злодеев с Крестом на коронах;
Он видел блудниц без фиала,^{*8}
Не в плаче стыдом преклоненных,⁹
Но гордо смотрящих в зеркало
Царицами братий плененных.
От края до края земного —
Корысть и предательство всюду,
За золото продано Слово,^{**}
Царя над царями Иуду...

И кто бы в сем страшном виденьи,
Любовию к ближним томимый,
Не стал бы молиться в бореньи:
«Да чаша сия идет мимо?»¹⁰

* Многих государынь и фавориток.

** Ротшильд с братиею.

Быть может, всезрящие очи
Весь мир во мгновение зрели,
Но этой убийственной ночи
Мы таинств открыть не умели:
Росистое, хладное ложе,
Земля под густою оливой,
К тебе преклонялся Сын Божий,
Доселе и ты молчалива;
И сад твой, как рай орошенный
Холодными каплями пота,¹¹
Не светел и он, озаренный
Светилами Искарота.¹²
Но здесь Он, наш Вождь благодатный,
Нося осуждение наше,
Склонялся на землю трикратно,
Отца умоляя о чаше.
С главой приклоненной, прилипшей
К земле осуждений, проклятий,
Молился за род <наш> погибший,
Молился за ближних и братий.

Без этой кровавой молитвы,
Без этого тяжкого пота
Никто б не избегнул ловитвы;
Нас всех ожидала работа¹³
В заклепах¹⁴ подземного царства
И темного их властелина.

И Ты ли боишься мытарства,
О Матерь Святейшего Сына?..*
Смиранный Твой страх и моленье
Приемлются Сыном послушным:
Тебе ли хотя на мгновенье
Стоять перед князем воздушным?
Все казни, все адские муки
Виденья сего не страшнее.

* См. Четью Минею. Успение.

Простритесь, Сыновние руки,
К Кресту пригвождайтесь сильнее.

И Мститель, хладея от гнева,
Крестом потрясая победным,
Рвет челюсти адского зева,
К вратам устремляется медным —

И здесь начинается битва...
Но таинствам сим непостижным
Лишь тайная учит молитва,
И шепчут их горние нижним.

И Ты не напрасно страшилась,
Святейшая Дщерь Авраама!
В Тебе, в Твоей крови таилась
Часть капли той крови Адама.
Печатию сей роковою
За адом наш род укрепленный,
Доселе с поникшей главою
Вступал в подземелья, как пленный.

Ужели Небесной Царицы
Коснется и смерть и истленье?
Но нет, в Гефсиманской гробнице —
Не смерть, а святое усенье.
Нет! Сын Ее, львичиц¹⁵ Египта
И внук Иоакима и Анны
Исходит из темного крипта
Во всей красоте своей бранной.
Колеблет Он царскою гривой;
Как Лев от Иуды рыкает,^{16*}
Из ночи веков молчаливой
Весь сонм праотцев отвечает.¹⁷
Их внук, естества победитель,
Кровавую чашу приемлет,
И узников Узорешитель

* Нарцы имя ему: скоро плени, нагло расхити. Исаии. Гл. 8, ст. 3.

Из челюстей ада изъемлет
И, к небу им путь пролагая,
Рвет мыслию ада затворы,
С главы Своей землю стрясая,
Колеблет подземные горы,
Трепещет все царство Денницы:
Он черными машет крылами,
К вратам своей грозной темницы
Стремится с своими полками...
Бегите! Идет победитель!
Все пало. Пронзенной пятою
За праотцев кроткий Отмститель
Стоит над палящей главою.
Потухли коварные очи,
Сжимается сердце стальное.
Из области пагубной ночи¹⁸
Изводится племя земное.
И этой бессмертною славой
В молитве Христа укрепляя,
И пот Его хладный, кровавый,
Покорно с чела отирая,
Утешитель, ангел небесный,
Указывал мир искупленный.
Знак казни позорной, бесчестной —
Крест сделался скиптром вселенной!
Отселе с высот Елеона
Открылася к небу дорога,
Во славе небесного трона,
Отца одесную и Бога
Воссел Человек вознесенный.
Господства, Начала и Власти
Предносят пред Ним преклоненно
Все знаки позорная страсти.¹⁹
«Да будет же Отчая воля!
Безмолвен Твой Сын пред Тобою!»²⁰
И дебри печальной юдоли
Покрылись холодной росой,
И был Он один — все молчало...
Луна на стене Соломона²¹

И храма теньями писала,
Что сени преходят закона.²²
Как солнце, так Слово живое,
Лучами всю землю покроет,
Святой благовестий водою
И жертвы и камни омоет.
И снова приходят²³ виденья,
Как тучи над ясной луною,
Грядущих времен преступленья
Несутся своей чередою,
И царство на царство восстало,
И брат восстает против брата.*
Всё ценят ценою металла,
И богом стал людям богатый.
Язычникам вместе с отравой
Кумиров несут христиане**
И, силу явив вместо права,***
Крестят их кровавою баней.****
Святейшее Имя Христово,
Как щит, покрывает все страсти.
Им власть угрожает сурово,
С Ним воля идет против власти.*****
Им ересь, как бы чешую
Свои черноты испещряет,
Блестит Им и вьется змеею,
Им яды свои подслащает.*****
Войною идут христиане
Противу страдальца Голгофы.*⁽⁷⁾
На Бога в неистовой брани
Подъемлют мечи философь.
И вместо Креста гильотина

-
- * Америка нашего времени.
** Индия
*** Америка средних веков.
**** Папа.
***** Протестанты.
***** Философия.
⁽⁷⁾ Революция. Уничтожение христианства.

Свое лезвие возвышает,*
Раба и его властелина
Кровавым равенством равняет.
И дымом, и кровью, парами,
Железною сетью покрыта
И молнии тонкой струями
Земля отовсюду обвита.**
И гордый наш ум потемненный
Окинул и небо глазами.
Нет Бога: он — бог во вселенной
Со всеми ее чудесами.
И мир обновившее Слово
Считается баснею грека,
И кровь и заслуга Христова
Не нужны для позднего века.

За наши безумства, злодейства,
Отцом правосудно казимый,
Сын нашего рода, семейства,
Ты молишься, смертью томимый,
В ответе за род наш тревожный,
За все беззакония наши,
Сын Божий! Тебе невозможно
Избегнуть возмездия чаши.

+ + +

Свидетель Господних молений,
Голгофа души, нас любившей,
Ты выше всех райских селений,
Сад, сению Бога покрывший!
Здесь Агнец, за нас заколенный,
Он, чистый птенец голубиный,
На жертву за нас принесенный,
Скрывался в густые маслины.

И восемь маслин одиноких
С своей головой серебристой,

* Egalité, liberté, fraternité. Louis XVI.²⁴

** Наш XIX век.

Склоненных к земле, невысоких,
Окрепи в земле каменистой.
Над ними промчались веки
И волны крестовых походов,
Секирой Господней просеки
Пробились между народов.
И после убийств и пленений
Ослепших детей Авраама,
Как облак исчезло, как тени —
Вся честь Соломонова храма.
И римлян полки проходили,
Ведомые Веспасианом.²⁵
Стадами орлы воспарили —
Над трупами реяли²⁶ станом.
Но войны, огонь и секира,
Копыта коней мусульманских,
И бури и прах всего мира
Шли мимо маслин Гефсиманских.
И в долгом плену поседели
Они на своем Елеоне —
К стыду христиан и доселе
Не Крест, а луна на Сионе.
И верх христианской святыни
Стенами закрыт Солимана,²⁷
Ключи от Голгофы донине
В нечистых руках оттомана.²⁸
От Божия гнева и зною
Все высохло в русле долины,
Одни лишь с седой головою
Стоят, преклонившись, маслины.

Полностью печатается впервые по автографу: ИРЛИ.
Сигн. 3577. Л. 90–91 об.

Датируется 1864 г.

Варианты впервые опубликованы: *Письма игумена Антония*. С 351–353; 366–370.

¹ Т. е. дома апостола Иоанна Богослова, сына Зеведеева.

² Панагия — Всесвятая (*греч.*). В начале этой строфы — реминисценция из первой стихиры на Господи воззвах на праздник Успения Пресвятой Богородицы («О дивное чудо, источник жизни во гробе полагается...»).

³ *На полях приписан вариант:* Гнала их геенны зарница.

⁴ Наседка (*церк.-слав.*).

⁵ Ср.: Лк. 23: 39.

⁶ Ср.: Ис. 1: 18. Волна — шерсть (*церк.-слав.*).

⁷ Ср.: Мф. 23: 14.

⁸ Ср.: Откр. 17: 4.

⁹ *Зачеркнуто:* Неплачущих, непреклоненных. См.: Лк. 7: 37–38.

¹⁰ Лк. 22: 41.

¹¹ Ср.: Лк. 22: 44.

¹² Ср.: Ин. 18: 3.

¹³ Т. е. рабство, работа постоянная, не прерывающаяся даже в праздники.

¹⁴ Заклеп — запор у ворот (*церк.-слав.*).

¹⁵ Львичиц (молодой лев, *церк.-слав.*) *вписано карандашом над зачеркнутым:* лев от.

¹⁶ Иуда (хвала Иеговы. или Хвалите Господа) — четвертый сын Иакова от Лии, родился в Месопотамии около 2249 г. до Р. Х. Колено Иудино, во главе которого стоял он, получило первый удел по жребию при разделе Земли обетованной. В пророческом благословении, преподанном Иаковым Иуде, содержится указание на воинственный дух его потомков, равно как на время и продолжительность его могущества и власти: «Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих. Поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель и Ему покорность народов» (Быт 49: 8–12). Это пророчество в христианской традиции рассматривается как мессианское.

¹⁷ *Вместо Нет!* Сын Ее, Лев от Египта ~ Весь сонм праотцев отвечает *было:* Пещера убогого Крипта / В саду Иоакима

и Анны / Превыше всех зданий Египта / Встает в красоте не-
сказанной. *На полях помета изумена Антония:* Так было в пер-
вом листке, к Вам посланном. Ныне я несколько поправил.
А 4 стиха следует уничтожить.

¹⁸ *Было:* Из области темных ночи.

¹⁹ Т. е. орудия поругания и крестной казни Спасителя: бичи, терновый венец, крест, гвозди, трость с губкой, смоченной уку-
сусом, копие.

²⁰ Парафраз гефсиманской молитвы Иисуса Христа: «Отче! Если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впро-
чем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22: 41–42).

²¹ Имеется в виду притвор Соломона, располагавшийся вдоль восточной стороны двора язычников Иерусалимского Храма, построенного Иродом Великим и находившегося не-
вдалеке от Гефсиманского сада.

²² Реминисценция из догматика 2-го гласа («Прейде сень законная...»).

²³ Приходят *вписано карандашом над зачеркнутым:* тол-
пою.

²⁴ Равенство, свобода, братство. Луи XVI (*франц.*). Имеются в виду лозунги Французской революции и казнь короля Людо-
вика XVI (1754–1793).

²⁵ Тит Флавий Веспасиан (9–79) — римский император (69–
79). В 67–68 гг. подавил восстание в Иудее.

²⁶ *Было:* над трупом собрались.

²⁷ Имеется в виду храм Гроба Господня, рядом с которым в 1538 г. в правление султана Сулеймана Великолепного (1495–
1566) была возведена крепостная стена.

²⁸ Т. е. у турок.

Монахиня Мария

На стихотворение:
«Гефсиманская Молитва»
(и в ответ на письмо Автора,
признающего его
неудовлетворительным сравнительно
с поэзией Святых и древних)

Певец Гефсиманской молитвы!
В себе дар небесный сознай,
И голосу тайной ловитвы,
Как дерзкой хуле, не внимай!
Духовно отверстого слуха¹
Не должно хулой заграждать.
Различны явления Духа, —
Но та же Его благодать,²
Что в древних Пророках струилась
И в новозаветных текла,
Та в думе твоей отразилась,
Как солнце, на глади стекла...
Широкое царство Христово
Великих и малых вместит:³
Твое и Давидово слово
О том же Христе говорит!⁴
Как ты — созерцать Его в битве
С самым миродержцем, за мир,
В кровавом поту на молитве,
Не мог ни Мильтон, ни Шекспир!
Их мудрость — как пища без вкуса,⁵
Их гений — свет ложных богов;
Но Богом наречь⁶ Иисуса,
Без Духа Святого — нет слов!⁷

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 43 об. —44.

Датируется 10 июня 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 93–94.

Опубликовано под названием: «Отзыв на стихотворение: „Молитва Спасителя в саду Гефсиманском“. (С сознанием автора в его неудовлетворительности, по сравнению с поэзией древних, греческих и иностранных, поэтов)».

¹ В себе дар небесный сознай ~ Духовно отверстого слуха
вписано карандашом поверх зачеркнутого: Благоговей — и благодари! / Нельзя того разумом сведать, / Что ныне тебе из видений / Голгофский Страдалец открыл!

² Ср.: «Дары различны, но Дух один и тот же» (1 Кор. 12: 4).

³ Было: вмещает.

⁴ Было: Того же Христа возвещает!

⁵ Было: Из мудрость и роскошь — земная.

⁶ Было: назвать.

⁷ Аллюзия на 1 Кор. 12: 3 («...Никто не может назвать Иисуса Христа Господом, как только Духом Святым»).

Ночная птица

Воздух рассекая
Черными крылами,
Быстро, торопливо
В сумерках мелькаешь
Ты, ночная птица!

Небо золотое
Гаснет, зеленеет,
И в его прозрачном
Светлом¹ гиацинте
Листьев очертанья
Вырезкой чернеют.

В час тот переходный
От дневной тревоги
К ночи молчаливой
Птица, будто призрак,

Мечется над нами
И чего-то ищет.

И опять пугливо,
С трепетным полетом,
Призраком бесшумным
Прячется во мраке.

Точно потерявший
Царский вклад врученный,
С беспокойством ищет
Свой залог заветный,
Ото всех скрывая
Ужас наказания,
Стыд за небреженье.

Вот души погибшей,
Мне во всем подобной,
Образ начертанный
Резкими тенями
На вечернем небе.

Я утратил так же
Свой залог священный:
И в ночах бессонных,
От людей таяся,
Плачу, оценивая
Страшную потерю.
Я ищу осколков
Сокрушенной вазы,
Капли собираю
Вытекшего мира.
По труде напрасном
Скорбный, утомленный,
Вспять я отступаю
От своей святыни.
Ужас! стыд и мука!
Золото и миро
С грязью смешалось.
Смерть своей косою
Их сметет в могилу.

Печатается по автографу: РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 113 (датируется 25 августа 1864 г.). Автограф раннего варианта стихотворения см.: Там же. Л. 49 об.

¹ Было: желтом.

22

Монахиня Мария.

На стихотворение: «Ночная птица»

Быстрее запоздалой птицы,
Беглянки с теплого гнезда,
Не дни уж мечутся — седмицы
И исчезают без следа...
Увы мне! Скоро жизни книга
Перелистается в конец,
Весь счет годов — быстрее мига,
Сведет крестом мне смерть-резец.
И этот знак — залог спасенья —
Соединит всех нас с Христом,
Крест — общий выкуп воскресенья,
И нет погибших под крестом!

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 55.

Датируется 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 93.

23

Монахиня Мария

Перед иконою
Св. Иоанна Многострадального

Господь мой! сподоби меня, недостойную,
Любить тебя так, как любил Иоанн!
Настрой мою душу — доселе нестройную —
Как Твой, но давно поврежденный орган!

Настрой же ее — к Твоему славословию:
Пусть вся, под Твоими перстами, звучит,
А все, что в ней движется плотью и кровию,
То — пусть под наитием Духа молчит!
Тогда только выйдет, как звук музыкальный,
Из мысли и чувства сложившийся стих!

Со мной разделяет затвор мой печальный,
Убежище многих болезней моих,
Затворник и труженик многострадальный,
Один из Печерских, и — дивный из них!
В приют мой келейный икона старинная
Моими рукам, как клад, внесена:
Я в ней поучаюсь, как плоть неповинная
Огнем всесожжений была сожжена!
Как пламени веры — здесь пламень естественный,
При пламени адском, вконец уступил,
Когда плотоносец, как бы невещественный,
Стопою истлевшей на змия ступил...

Под землю сошел он — в могилу обширную,
В глухую пещеру отживших отцов,
Читая молитвенно книгу псалтирную
Над грудой иссохших костей, черепов,
Душой устремлялся он в область премирную,
Для тела же выкопал мертвенный ров, —
И был он — как труп, весь¹ земле уготованный,
Живой — лишь молебным движением рук,
Сухой, обнаженный, железом² окованный,
Готовой добычей³ всех адовых мук:
Рассыпался храм, от земли⁴ угнетаемый,
Растаяли связи всех жил и костей,
И снизу горел, и в огне⁵ несгораемый,
Самоумерщвленный губитель страстей,
Хребет же и череп насквозь пронизала
Холодная влага со стен земляных,
На впалых ланитах слеза замерзала;
Чуть искрясь светились, из впадин очных,
В кровавых зеницах глубокие очи,

И сини отверстые были уста!
Но не было дьяволу власти и мочи
Христу сораспятого снять со креста!
Стоял неподвижно в броне своей латник,
Стрелами бесовскими не уязвим,
С невидимой силой сражался, как ратник,⁶
Христа славословил он — как херувим!
Почленно весь тая болезнью тления,
Умом нерастленным Его призывал,
И страсть огневую, и жар воспаления⁷
Потоками⁸ пота и слез заливал, —
Так пост весь однажды — до Пасхи нетления
Псаломски «при аде»⁹ себя отпевал;
И, чувствуя мертвость орудий греховных,
Не только о муках плотских не радел
Но бодро, в молитвах и песнях духовных,
Под искрами огненных, демонских стрел,
Как мученик, радуясь в муках бескровных,
Торжественно руки на небо воздел,
Исполненный чистых, святых ликований, —
«О! да вознесется Бог в славе моей!» —
Воскликнул страдалец... но мрак страхований
Пустил на Святого вновь пагубный змей,
Зияя разинутой страшною пастью,
Огонь испускал он и искры метал,
И будто над преданной жертвой и частью,
Зубами неистово он скрежетал,
Дыхая весь пламенем, огненной властью,
Остатки волос, бороды щекотал,
И все опалив их от жгучести серной,
В воню благовонную дым воскурил,
Но он, из кадилъницы неимоверной,
Святым фимиамом врага возъярил:
Страшилище бросилось на Иоанна,
Зубами грозило его измолоть,
Но точно из камня была изъваянна
Железом и подвигом стертая плоть!

Что челюсти смерти — давно погребенному,
До пояса врытому, заживо, в прах?
Что гнет сатанинский — в оковах согбенному?
Сожителю мертвых — полуночный страх?

Застала Пасхальная ночь светоносная
Блаженного бдящим на страже своей:
Пожерта мучением похоть поносная, —
Нет пыла от крови, ни — членов страстей!
Соперник не вырвал ни вопля, ни стону,
Но руки и голову в пасть захватил,
И — чуть — как чудовище древле Иону¹⁰ —
В утробу несытую не проглотил!
Но девственник к праху припав, для поклону,
Пред Богом молитвенный глас испустил:
«О Господи, Боже мой! Спасе Владыко!
Почто Ты оставил раба Своего?
Твое милосердие к грешным велико,
И мощная сила превыше всего!
Единый безгрешный! Избави от скверны
Моих беззаконий и вражьих страстей!
Да ввек не увязнет служитель Твой верный
Среди заплетенных лукавым сетей!
Я — в челюстях змея, близ адской утробы,
Меня поглощает рыкающий лев!³⁴
Приди и избави от демонской злобы, —
До ада открылся мне весь ее зев!
Приди и воздвигни мне силу к спасению,
И молний Божественных светом блесни,
Чтоб враг не покрыл меня смертною сению,
Его от Лица Твоего прожени!»
И — быстро, как молния, чудный Божественный,
На голос молитвы, вдруг свет воссиял,
И в светлой той ночи, тот свет невещественный,
Светлее дневного, в пещере стоял
До самой кончины его... Испытание
Окончилось к чести святого борца:
О нем вековое проходит предание,
Во славу бессмертного Бога-Творца,

Доныне врачуют от плоти страдание
Стоящие мощи того мертвеца!¹²

Я кончила повесть простую, недлинную,
И все еще долго, в раздумьи, стою;
Смотрю на икону Святого, старинную,
И вот о чем мысля,¹³ так слезы и лью...

Так трудно для древних спасение было!
А нам-то, последним, чего ожидать?
Теперь человечество точно забыло,
Что ради блаженства нам нужно страдать!
Мы ищем ослабы, желаем покоя,
К Христу прибегая, врагу Его льстим:
По оперным нотам тщеславного строя
Священными гимнами слух щекотим!
На бдениях, в храмах и келлиях стоя,
Обманывать Бога и совесть¹⁴ хотим!
Глазами по книгам мы букву читаем,
А ум не внимает разумно стихам;
Стояние в церкви часами считаем,
А пуст и безгласен наш внутренний храм!
Не храм он, — а капище идолов разных,
Греховных пристрастий и целых страстей!
Придет ли, среди тех личин безобразных,
«Краснейший добро́тою паче людей»?¹⁵
Опять уклонится с народного места,
Где кличи и говор, и шум, и молва...
О! где твоя верность, Христова невеста?
Душа! где твои на святыню права?
Какими *ты* узами плоть свою свяжешь,
Отвергшую подвиг, беглянку труда?
Какие *ты* язвы и раны покажешь,
На теле воскресшем, в день страшный Суда?
Краса они телу, и — благопотребная,
Когда это — язвы святые Христа!
Болезни? — Но ближний и помощь врачебная,
Тебе услаждают все пытки Креста,
И в самой той неге — есть сладость целебная,

И пьют ее тайно и жадно уста...
Что будет, — как облако в свет несказанный,
Восхитит на воздух Святых телеса,
И все преподобные те Иоанны
Войдут невозбранно в *свои* небеса?
Что, если... Ты плачешь? —

Роса покаяния

Пусть, каплей по капле, твой камень дробит, —
Одной ее силой, ко дню воздаяния,
Он в мелкие дребезги будет разбит!
А ты — маломощная! вся во смирение,
Как нищая, в ветошь свою, облекись!
Не сильно пред Богом твое дерзновение:
Ты долу, к ногам Его, в прахе влекись!

Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3584. Л. 45–48 об.

Датируется 1 ноября 1864 г.

Впервые: *Собрание сочинений в стихах*. Ч. II. С. 65–69.

Преп. Иоанн Многострадальный (ок. 1160; память 18 (31) июля) — один из Киево-Печерских подвижников.

¹ Весь *вписано карандашом*.

² *Было*: цепями.

³ *Было*: отселе уж жертва.

⁴ *Было*: землей.

⁵ *Было*: в огни.

⁶ *Было*: И ратуя мужески доблестный ратник.

⁷ *Было*: И лютую страсть и жар воспаления.

⁸ *Было*: Ручьями он.

⁹ Пс. 140: 7.

¹⁰ Иона. 2: 1.

¹¹ Аллюзия на 1 Пет. 5: 8.

¹² *Было*: До ныне, от плоти и крови страдание, / Стоящие
мощи целят мертвеца!

¹³ *Было*: думая.

¹⁴ *Было*: и ближних.

¹⁵ Измененная цитата: Пс. 44: 3.

Игумен Антоний

Хотя я прожил долгий век,
И мне пора бы на ночлег,
Но все не знаю я покою.
И есть ли в мире человек,
Который бы страстей избег,
Прошел немокренно водою?
Многострадальный ваш святой,¹
До чресл засыпанный землей,
Себя живым похоронивший,
Со ангельскою чистотой —
И он был в пасти страшной той,
Весь мир зубами охватившей.
И в Преподобных в оны дни
Блуждали адские огни
И змеи темных похотений.
Хотя сто раз их прогони,
Но все являются они,
С полком нечистых приведений.
О! как возрадуешься ты,
Когда из этой темноты
Из этой тяжкия неволи,
Душа! ты вырвешься на свет,
Туда, где ни печалей нет
И где страстей не знают боле!²

Печатается впервые по автографу: ИРЛИ. Сигн. 3589.
Л. 30 об. (письмо от февраля 1866 г.).

¹ Имеется в виду преп. Иоанн Многострадальный.

² Аллюзия на слова песнопения «Со святыми упокой...»
(«Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь
бесконечная»).

Два письма
игумена Антония (Бочкова)
монахине Марии (Шаховой),
написанные по кончине
епископа Игнатия (Брянчанинова)

*Вступительная статья Е. М. Аксененко,
публикация и комментарии Е. М. Аксененко
и иеродиакона Антония (Козина)*

Публикуемые два письма игумена Антония (Бочкова) к монахине Марии (Шаховой) входят в состав большого комплекса его писем к разным лицам 1860-х — начала 1870-х годов, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде Елизаветы Шаховой (монахини Марии)¹. Односторонне сохранившаяся переписка представляет собой уникальный биографический источник, мимо которого не может пройти ни один исследователь жизни и творчества игумена Антония.²

Предлагаемые к публикации письма посвящены посмертной оценке личности святителя Игнатия (Брянчанинова), в разное время духовно окормлявшего обоих корреспондентов. Оставляя свою петербургскую паству с отъездом на Кавказскую кафедру,

¹ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 6–13 об.

² В «Ежегоднике Рукописного отдела» началась публикация писем игумена Антония (Бочкова) к монахине Марии (Шаховой). См.: *Письма игумена Антония*.

святитель не прервал связей с учениками, до конца жизни находясь с ними в переписке.³ Кроме того, епископа Игнатия можно назвать третьим — незримо присутствующим — участником переписки отца Антония и матери Марии: столь внимательно оба автора относились к его слову и мнению. Часто святитель передавал через одного корреспондента другому благословение или отзыв по какому-либо вопросу, живо интересовался поэтическими опытами игумена Антония и монахини Марии, просил высказать критические замечания о своих сочинениях и т. д.

Корреспонденты обсуждали в письмах совместную поездку к святителю в Николо-Бабаевский монастырь летом 1864 года: обоих тревожило ухудшающееся состояние его здоровья. Но, несмотря на то, что преосвященный тяжело болел и неоднократно говорил о приближающемся времени перехода в вечность, его кончина потрясла обоих корреспондентов и стала своеобразным рубежом в жизни каждого из них.

Первое из публикуемых писем игумена Антония датировано 1 мая 1867 года. Оно написано на следующий день после смерти святителя, сразу по получении от монахини Марии (вероятно, телеграммой) известия о кончине.

³ См.: Письма преосвященного Игнатия Брянчанинова, епископа Черноморского и Антония, игумена Черемнецкого / Предисл. А. Г.; сообщ. Пимен (Благово) // *ЧОИДР*. 1875. Кн. 2. С. 55–102. Отд.: Смесь. Отд. отт.: М., 1875. См. также: *Переписка*. С. 526–563. Переписка святителя Игнатия с монахиней Марией не сохранилась. Об этом см.: *Аксененко Е.* Елизавета Никитична Шахова (VIII, 257–280).

Второе письмо написано в преддверии сорокадневного поминовения усопшего. Оно датировано 31 мая — 1 июня 1867 года. Игумен Антоний добавляет к письму описание основных этапов жизненного пути святителя и краткую его биографию под названием «Беглые заметки».

Отдавая должное незаурядной личности святителя Игнатия, игумен Антоний еще при жизни преосвященного думал о написании его биографии. Например, в письме от 15 мая 1865 года о. Антоний делился с монахиней Марией своими размышлениями о сложности настоятельского служения святителя: «К похвале Вашего великого Отца (если б я писал его биографию) можно сказать, что в Сергиевой Пустыни от честнейшей братии он терпел ежечасно, но с великим иногда благодушием, и защищал их и монашество перед миром, скрывая домашние скандалы. Часто он уподоблялся сильному кормчему, который тешился бурей, поднимаемую духом или ветром злобы, зная, как провести свой корабль между бурными волнами. Домашние бури его не пугали: он находил в себе силу усмирять их по-отечески; но его трогали коварные происки и предательство иных его воскормленников. Они его низлагали на одр болезни и повергали в человеческую немощь; но доселе он остался еще и доверчив, и добр даже к интриганам».⁴

Несколькими неделями позже — в письме от 26 июня — игумен Антоний писал о редком даре слова святителя: «Припомните, что превосходное, глубокомысленное слово Отца Вашего, говоренное Сергиевской братии⁵, в котором каждая строчка ошлифо-

⁴ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 180 об.

⁵ Имеется в виду братия Троице-Сергиевой пустыни.

вана⁶, как сталь и должна бы глубоко войти в христианскую душу, это слово названо только *длинным* и *предлинным* г-ом Матвеевским.⁷ Правду Вам сказать, оно слишком было не по мере братии тогдашнего времени, которая всегда жаждала всяких кружек, честей, настоятельств. Это был глас вопиющего в Сергиевой Пустыне. Слушал разве Преподобный,⁸ конечно, радуясь, что Его преемник говорит таким языком, который мог показаться ангельским в его время, языком, невозможным для XIX-го столетия; его разве носили без выражения в сердцах своих преподобных Святые Отцы наши. И я бы подумился прочесть его и для нынешней братии, которая уже имеет и литераторов, как Оптиная».⁹

Очевидно, что после смерти святителя корреспонденты обсуждали вопрос о написании его биографии. Свой вариант жизнеописания почившего наставника игумен Антоний предложил во втором письме. Возвращаясь к периоду настоятельства святителя Игнатия в Сергиевой пустыни, он развивает некоторые из мыслей, высказанных ранее в письмах, перечисляет наиболее важные события того времени, свидетелем которых был, и дает их нравственную

⁶ Так в тексте.

⁷ См. отзыв на сочинения свт. Игнатия (Брянчанинова): *Матвеевский П., прот.* (Рец. на кн.: Поучения. СПб., 1863; Слово о смерти. СПб., 1863; Чаша Христова. СПб., 1862 (обл. 1863)) // Странник. Сент. С. 26–36.

⁸ Т. е. св. покровитель монастыря — преп. Сергей, игумен Радонежский.

⁹ ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 114 об.–115 об. Игумен Антоний имел в виду издательскую деятельность Оптиной пустыни. См.: *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006.

оценку. Игумен Антоний посылает монахини Марии «Беглые заметки» как материал для ее дальнейшей работы, о чем сообщает в подзаголовке: «из которых можете извлечь, что угодно и откинуть, что не нужно». В архиве монахини Марии не сохранилось документов о ее работе над жизнеописанием преосвященного, и «Беглые заметки» игумена Антония, возможно, представляют собой первый опыт биографии епископа Игнатия, написанной до публикации биографического очерка святителя в журнале «Домашняя беседа».¹⁰

Первое письмо написано на двух листах, второе — на шести, два с половиной из них занимают биографические записи и «Беглые заметки». Письма сшиты в тетрадь в хронологической последовательности, предположительно, монахиней Марией.

¹⁰ *Аскоченский В. И.* Преосвященный Игнатий (Брянчанинов): (Биогр. очерк) // Домашняя беседа. 1867. № 24. С. 654–665; № 25. С. 678–694.

(1)

Мая 1-го 1867 г.

День св. Иеремии пророка.

Христос воскрес из мертвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав.¹

Ваше Преподобие, честнейшая мать Мария!

Горестное известие Ваше я сегодня получил и благодарю за дружеское Ваше внимание. Я отслужил уже соборную панихиду по незабвенном нашем Отце и Учителе, Высокопреосвященнейшем Игнатии. Иеродиаконем со мною был и(еродиакон) Вологодский Аполлоний,² вызванный некогда Преосвященным в Сергиеву пустыню и его пострижник. 2-го числа и, если Бог поможет, до 7-го буду сам служить литургию, в той надежде, что и мне пора отдать отчет за мою малополезную жизнь.

Новопреставленный, новый Иеремия,³ плакал всю жизнь о бедственных временах наших, о потемнении камыков святыни,⁴ о монашестве, прилепленном к оставленному миру.

Девственный и чистый, он из смирения обвязывался как чресленником⁵ (Иеремии, гл. 13) нашими грехами и многих извлек из пропастей, из глубины погибели. Труды кончены; слава и честь подобает совершившему преподобно свой подвиг,⁶ донесшему тяжкий крест свой, крест болезней, душевных страданий, человеческих клевет и вражеских гонений, донесшему до Голгофы монашеского многотрудного безмолвия и почившему на нем страдальчески. Слава и честь преподобному Наставнику, учителю молитвы, сокровенного делания, учителю монашества

непритворного, неявлятельного, нелицемерного. После преподобного Нила Сорского⁷ прошли века; мы оставались без умственного кормчего, и Господь воздвиг в наше время богоносного отца, любителя и почитателя учения преподобного Нила.⁸ В день памяти его предадутся земле многотрудные останки земные истинного наследника и последователя Нила Сорского.⁹ Как благословенная земля, новопреставленный с весенних дней, в раннюю пору восприял в недра свои семена святых отцов (и кто из них был им позабыт?) и возвращал сторицею, как земля преподобной Ливии и берегов Нила.¹⁰ Святое учение их он носил в душе своей, во устах своих и беспримерно возвышался над всеми современниками в знании отеческих писаний. Это была живая *bibliot(h)eca patrum*.¹¹ И с каким благоговением он передавал слова их! Как многоценные, очищенные, золотые монеты, как алмазы сияли эти слова в золотых устах его. Премудрость капала, и благоуханное, целительное отеческое миро медленными светлыми каплями стекало с его языка, не знавшего лукавой, мирской мудрости, хотя он знал более других неглубокие тайны внешней философии. Но благородная светлая душа его, шествуя от юности к чистым источникам премудрости, не любила заглядывать на пути под портики мирских философов и почерпать от их мутных кладезей. Другая философия опытно и всю жизнь изучалась им: тайна падения нашего и потемнения нашего ума; с этим опытным открытием и смирение обручилось и воссело с ним на престол и с высоты склоняло его к покаянию, к сознанию своей немощи, к непрестанному плачу. И ко дню святого Иеремии пророка взят был в лики девственников и преподобных великий учитель смирения и плача.

Он оставил нам богатое наследство святоотеческих писаний; но, увы! живое слово, слово власти запечатлелось на его целомудренных устах. Многие обители, им восставленные и соблюденные, оплачут, вспомнят его,¹² но ответа его, всегда скорого, монашески-назидательного, смиренно-вежливого, советов премудрых не услышит уже вопрошающий. Ты живал, преподобный учитель! на берегах моря житейского,¹³ но и сквозь шум его бурь и тревожных слышалось твое сильное, начальственное слово: его не заглушали противные, сокрушительные ветры. И ныне, разлученный с нами безграничным морем вечности, преподаждь нам, хотя с высоты благословение небесное и не позабуди нас в молитвах твоих. Любовь твоя к ученикам твоим, слышавшим слово твое, была так же безгранична, как вечность. Кто это знал и испытал, тот до конца дней своих будет оплакивать тебя горьким плачем.¹⁴

Преподобная мать Мария, поклонитесь за меня неоднократно стопам почившего.

м(ногогрешный) и(гумен) А(нтоний)

Посылка Ваша получена, но мое извещение, вероятно, Вас не застало в Твери. Его Высокопреподобию отцу архимандриту Иустину¹⁵ передайте при случае мои усердные поклоны и Вениамину старца, брату Василию.¹⁶

Мая 31 ⟨1867⟩

Получил я Ваши письма с приписаниями и за них сердечно благодарю. При известии о смерти Владыки чувства мои смешались в некую необъяснимую печаль вместе со страхом и со многими, многими мыслями, что, *может быть*, нас судить будут в будущем за некоторые человеческие разногласия, за обоюдные неуступки, разделившие меня надолго с новопреставленным. Слово «нас» простите; оно не то, чтобы я равнял себя с покойным святителем, но в понятии о двух лицах оно употребилось как неизбежное словцо. Долгое разделение наше и попрепятствует мне быть историком покойного: более двадцати лет длилось оно, и в это время много было случаев или от врага вбиваемых клиньев, отколовших меня, ничтожный прививок, от великого древа. Но во мне хранилось всегда сердечное поклонение достоинствам Владыки, которое само собою и вылилось в письмах к Вам, первой его почитательнице.

Если б я стал писать горестную исповедь моей жизни, то Пр(еосвященному) Игнатию посвяtilась бы самая блистательная страница; но, проживя шестьдесят четыре года, такое дело становится невозможным и никому бесполезным: борьба со врагом мысленным почти с самого раннего развития мысли; потом своеволие этой мысли и отступление ее от христианства; страшные бо́рьбы и скорби, возвращение всею душою в лоно Церкви, не от человек, но самим Премилосердым Господом приготовленное почти чудесно. И потом, как конфирмация после кроваво-сердечного Крещения, как помазание Св. Духа — знакомство с Пр(еосвященным) Игнати-

ем и св. отцами, до того мне вовсе неизвестными. Из пребывания моего в Сергиев(ой) пустыни шесть недель были подвигом вышеестественного послушания; но затем неразорванные* связи с родными и прочие мира сего тяжкие цепи, носимые всеми нами в наши времена мнимого гражданского благоустройства, многие лица, ставшие между мною и Пр(еосвященным) И(гнатием), разные крючья врага стащили меня с неба послушания, на которое восшел я как во сне и был на нем во сне. Пробудившись, увидел себя не в V-ом, а в XIX-м веке, не в Лавре св. Саввы Освященного,¹⁷ а в Серг(иевой) пустыни,¹⁸ увидел пьянство, мною презираемое и ненавидимое, услышал кличи разношерстной братии, зверские поступки, застенки о. Ап(олло)са,¹⁹ проделки фаворитов всех начальственных лиц, царствующее повсюду честолюбие и молву: карты, песни, если не виденные и не слышанные мною (потому что меня опасались), но о которых знал я многие подробности и другие еще бóльшие неизглаголаные дела — все это было мастерски выставлено великим мастером и освещено; черные тени сколь можно ярче. Я увидел (или представил себе), что сам о. арх(имандрит) И(гнатий) был не в состоянии стать выше своего насильственного положения на этой питерской арене или публичной сцене и взять крепко в руки вожжи своих жеребцов и направлять их горячий бег на монашеские стези, что сам он совлечен с монашеского пути безмолвия и вступил в неславное состязание с разными правительственными персонами того времени, в борьбу открытую и потаенную, куда допущены были патроны и матроны всевозможных оттенков

* Сын был несовершеннолетним; я был пострижен неуказно: все было непрочно, без основания.

и классов. Они не помогли, а только повредили Пр(еосвященному) И(гнат)ию: он был страшен миру и без них своею духовною силою Илиї и крепок с первых дней в общественном мнении: стоило только обнажиться и вступить в смертельное состязание, в последний поединок с духом того времени. Озобляемый, терзаемый арх(имандри)т готовился на отчаянную выходку: предать анафеме с паперти Казанского собора громогласными своими дьяконами во услышание всего Петербурга весь Синод и с его прокурором.²⁰ И сожалею я, крайне сожалею, что это великое движение юного возраста и сильной души испарилось и охладилось, конечно, вследствие страха близких фаворитов потерять свои будущие архимандрии и игуменства, на которых уже они сидели мысленно и считали себя утвержденными при согласии настоятеля с правительством и при царском к нему фаворе. Это было еще до меня. Я застал уже о. арх(имандрита) измученного, обессиленного от домашней и заградской борьбы. Если бы он вступил, как св. мученик Гордий²¹ в великий подвиг исповедничества, то (думаю я) будущность его была бы еще выше, правильнее и, могу сказать, святее. Шампанское не лилось бы за столом, но сухая корка соловецкая была бы наградою, а Господь — посетителем вместо царя, другом и утешением.²² Вы видите, что я развиваю сказанную мною мысль в первых моих письмах, что кораблекрушение праведника соделалось спасением грешника.²³ Этот первый грешник был я. При моем вступлении в пристань спасения сцены были уже другие, не столь трагические, именно потому, что лицо великое играло не свою роль. Исповедничество было его уделом и назначением, а не шелковое настоятельство, улаживание ссор

между недостойными учениками, ухаживанье за беспутными детьми, потворство шалостям из-за голоса и крылоса, заботы о царских приездах, о том, что о нас говорят:²⁴ и это общественное мнение, часто выдуманное, из разных целей непременно передавалось всяким, бывшим в городе и возвращавшимся хотя бы через час. Шесть недель я не видал этой домашней драмы, скрываясь в келью за алтарем, как во Святая Святых, не зная ничего, кроме Настоятеля-Христа, не смея мыслить без его указания. Мысли во мне были важные, тишина души торжественная, и готовность на подвиги и на самоотвержение. Может быть, это святое состояние было выше моей меры, ранее моего духовного возраста, и потому Господь свергнул меня с него в обыкновенную жизнь, в которой и донныне кипеть должен я на малом огне и в общем котле. Арх(имандрит) в первую пору сам удивлялся моему необычному строю душевному, моему послушанию и говаривал о том некоторым приближенным. *Может быть!*.. поболее разума и крепости во мне — и Господь взял бы меня к себе с той высоты, ибо доселе я до той степени не только не восходил, но и думать о ней не смею. Но меня свел на землю самый добрейший и мягкосердечный из всех в С(ергиевой) пустыни, ближайшее к настоятелю лицо, наместник его, о. Феофан Комаровский.²⁵ Ему было не по сердцу управление казначея, знаменитого о. Аполлоса, кровавые иногда сцены его саморучия, и после одной молодецкой расправы с дьяконом,²⁶ ныне расстригшимся, тогдашним фаворитом о. Феофана, и я возмущился на такое управление, вверенное настоятелем, мимо наместника, рьяному второму по нем лицу, которое потом своими историями прославило себя. Мои филантро-

пические взгляды были ложны: «лучше язвы друга, нежели вольные лобзания врага», это мне и сказал о. арх(химандрит) при моем откровении помыслов. Аполлос был почти прав и действовал с бывшим своим соловецким товарищем, не щадя своей репутации и своего недавнего священства.

Вот была первая моя размолвка с настоятелем из-за лица, совершенно мне чуждого, которое Господь кинул мне на руки через 7 лет потом для испытания и для оправдания и о. арх(имандрита) и даже отца Аполлоса: лучше бы тогда быть убитому этому несчастному иеродиакону, нежели жить доселе, переходя из Сибири куда-то и вечно в посрамлении от страстей. Мои замечания неуместные не могли понравиться настоятелю и старцу, смотревшему тогда на все не моими глазами, а очами Провидения. Если и ошибался о. арх(имандри)т по человечеству, то разве тем, что смотрел на монашество с высокой точки зрения и полагал возможность водворить его у себя в наше время; желая того, он почти то и видел. А я (сознаюсь к стыду моему) не понимал тогда всей поэзии покаяния, темницы Лествичниковой²⁷ и плача сердечного. Впоследствии (на это есть свидетельство в его письмах ко мне) Пр(еосвященный) Игнатий потерял веру в восстановление монашества,²⁸ а я стал уверен, что это было возможно именно в его лучшее время и в С(ергиев)ой пустыни, если бы не окаянное честолюбие наше. Теперь я знаю, понимаю «Лествицу»: тогда был я слеп. — Длинное письмо мое или воспоминание заключаю выпискою из моего жиденького письмовника. Если Вы бережете письма мои (чего не ожидал я), то и это припрядьте, но это все непечатное.

«Монах-послушник с чистою совестью, с открытием помыслов старцу, с верою в будущее воздаяние, подобен нашему святому и праведному праотцу Адаму, ходившему в рай: рай послушника — невинная его душа. Но и Адаму захотелось быть Богом, и послушнику Христом, представлять хотя на время, на феатроне²⁹ Церкви Владыку, Помазанника, раздавателя дарований и благословений. И вот он жрец и священник. А что приобрел? Ризу и епитрахиль. Приобрел ли неоцененный бисер евангельский?³⁰ Горе нам! Мы, снявши куколь незлобия, надели наглавник³¹ честолюбия с его ненасытными желаниями и всосали в себя яд познания добра и зла. А в послушничестве были на рубеже райском, близкими ко ангелам верным.

Послушник не знает консисторий и архиерейских передних, настоятель не избежит их, хотя и страшится. Увы! напрасно прячется он от своей совести: она вопиет ему: „Адаме! Где еси?“³²

Белое духовенство готовится к алтарю с юности: это его цель. Оно начитывается и пастырских, и нравственных, и догматических богословий; разных гомилетик,³³ экзегетик³⁴ и прочей премудрости. Наша цель была просто спасение. Тó готовится быть правителями, учителями человек — наша цель была борьба с ангелами падшими и подражание земным ангелам и небесным человекам.

За белое духовенство теперь ответят журналы, трактаты, изыскания и бесчисленные сочинения нашего времени, показавшие, что ученики учились не напрасно. За монашество говорят мощи преподобных. Они безмолвно свидетельствуют, что их сокровенная наука была выше академической».

Сон Ваш напомнил мне одно обстоятельство, которое Вам сообщаю. 29-го декабря прошлого года во время освящения церкви в общине,³⁵ когда я поднял на голову дискос³⁶ с антиминомом,³⁷ то упала из-под воздуха³⁸ неловко поставленная звезда.³⁹ Тогда же я сказал казначею,⁴⁰ что умрет скоро духовное лицо. Потом уже дома сказал об этом моем замечании и думая о Пр(еосвященном) Игнатии. И Вам писал, что по моим приметам жить ему недолго.⁴¹

Ваш портрет некоего лица⁴² с лапами львиными, которые нейдут к беззубой пасти старого бульдога, весьма верен. Весьма умно сделает оно, если умное делание оставит и декламировать перестанет. За молитвы усопшего, может быть, и это лицо опростеет, что ему необходимо.

Другое Смоляное лицо⁴³ напрасно Вас возмущало. Ее секретарское Преподобие часто до того задумывалось, что не знало, кому верить и кого слушаться, что делать? Ум ее запутывался в лабиринтах мозга, как я бы заблудился в коридорах Смольного монастыря. Но ее доброта покрывала все умственные недостройки: и то слава Богу! И мы частенько не знаем, что нам делать при многосложных испытаниях, особливо нечаянных.

А Вася?⁴⁴ что-то с ним будет? Рудаковский⁴⁵ или немного выше? Мне приходит на ум первый келейник Преосвященного, Мезенцев.⁴⁶ Он был стройный и верный малый, но его до того избаловали, что конец его бедного (кажется, уже последовавший) предварился нищетою, глухотою, расслаблением. А его ставили чуть не на пьедестал гвардейские офицеры, любовавшиеся удивительным телосложением вологодского мужичка. И сколько, сколько таких Божиих статуек, истинно художнических, разбилось, за-

маралось и пропало без вѣсти и чѣсти по монастырям? Мезенцева Вы, конечно, знавали: он потом назывался Игнатием.

Казначей мой поехал в Питер хворый. Накануне отъезда опять заболела голова, возобновилась рвота, и он, как теленок, с мотающеюся головою потащился на тележке с двумя послушниками. Прошу о нем помолиться и обо мне многогрешном. О том же прошу и святую Старицу Вашу,⁴⁷ которой усерднейше с братскою любовью кланяюсь.

м<ногогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

Писать биографию духовного лица, потаенного монаха, епископа по внешности, настоятеля поневоле и по тяжким обстоятельствам, очень трудно. Истинные причины действий всегда останутся тайною, известною Господу Сердцеведцу и ангелу хранителю: можно начертать только внешние дела, но и тогда ошибаться мы все привыкли. Жизнеописатель непременно обязан отречься от собственного своего привычного, предвзятого, любимого взгляда на лицо, им описуемое: эта трудная задача никем еще не разрешена; никто ее не исполнил, начиная с Карамзина до Тацита; никто, кроме единого Бытописателя Моисея. Но именно этой зеркальной верности я не имею, всегда увлекаюсь моими собственными взглядами и отражая предмет в свое, не слишком правильное, стекло. Лучше оставим историю новопреставленного начертать нашим неподкупным свидетелям — их небесная фотография все сохранила до малейшей черты: там явится жизнь и усопшего и наша, как была, и то, если Господу угодно не покрыть все наши сокровенные дела и мысли. Мы сами любим рисоваться, выставлять себя с лучшей сторо-

ны, любим и наших ближних изображать по нашим впечатлениям — тут вечная неверность: всяк человек — ложь.⁴⁸

Но я задал бы такую программу для биографии П(реосвященного) И(гнатия). — Юность; воспитание; призвание оставить мир; характер; знакомство с о. Леонидом;⁴⁹ Оптина,⁵⁰ Площанская пустынь;⁵¹ потом вологодская жизнь⁵² и невольное возвращение в постылый, развратный дом к мистик у барину-отцу,⁵³ к его гарему;⁵⁴ пострижение, почти насильственное и такое же настоятельство;⁵⁵ потом вызов, посредством г. Орловой⁵⁶ и о. Фотия,⁵⁷ к Государю.⁵⁸ Обновление С(ергиевой) п(устыни).⁵⁹ Тут надобно быть живописцем в изображении лиц, нечаянно (повидимому), но по Божиему великому плану собравшихся около о. И(гнатия); их блестящие портреты: такого собрания фигур и характеров не было ни у одного настоятеля. Как бы разыгрывалась живая драма, искусно сочиненная Автором неба и земли; лица — актеры — были поставлены каждый на своем месте (это в первых годах); и в совокупности С(ергиева) п(устынь) была истинным позорищем⁶⁰ для ангелов. Тут надобно забыть монашество и предвзятую о нем идею: это была игра страстей, стремление к высоким целям, важным ролям и борьба с окружающим миром; зрители-любители мало-помалу вторглись за кулисы, и началось смешение духовного с мирским. Граф Протасов,⁶¹ м(итрополи)т Серафим,⁶² потом Антоний⁶³ и Нафанаил,⁶⁴ Потемкина⁶⁵ с аббатом⁶⁶ (кроме эпизодных по благочинию дел: Валаамский развод,⁶⁷ как его называют, смена настоятелей, Моденское⁶⁸ и Устюжское⁶⁹ следствия), дела о. Апол(лоса),⁷⁰ Игнатия Никандровского⁷¹ и все сцены с каждым, истинно романтические; затем некое

усыпление, не скажу упокоение, с Иларионом,⁷² потом все ниже, ниже: Исихий,⁷³ Аполлинарий,⁷⁴ Марко-духовник, Иосиф-казначей,⁷⁵ Бабаевское отшествие,⁷⁶ Оптина⁷⁷ паки в новом виде; епископство⁷⁸ с великим горем и великими хлопотами; наконец, желанное, последнее, Богомданное убежище.⁷⁹ А сколько пропущенного: тяжба с Зубовыми⁸⁰ преоригинальная и другие черты: все это требует кисти Ламартина (любимейшего моего историка), а не моей. Добавьте, усерднейше прошу, к моей программе Ваши воспоминания. Если не выйдет история, но напишем хотя заглавия и потешимся, как дети, воображающие, что делают дело.

А сколько мимолетных теней? Исайя Никифоровский,⁸¹ Амфилохий Реконьский,⁸² Варфоломей Южский⁸³ — все они были гостями и друзьями покойного. Муравьев,⁸⁴ Башуцкий,⁸⁵ Норов.⁸⁶

Беглые заметки,

из которых можете извлечь,
что угодно и откинуть, что не нужно.

П⟨реосвященный⟩ И⟨гнатий⟩ родился 6-го февраля, в день св. священномученика Вукола, епископа Смирнского, ученика св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. *Вукол* в переводе греческом означает *пастыря* или *пасущего юнцов*,⁸⁷ кажется, подобное значение и в латинском языке. По этому знаменательному имени и жительствовавал П⟨реосвященный⟩, возделывая, удобряя любимую им землю, не жалея ничего для ее смягчения и оплодотворения, выводя тучных юнцов из разных стран и водворяя их во дворе своем. И сколько препятствий, сколько хулы навлек он на свою голову и рамена, побелевшие

от зноя,* какой убийственный град насмешек и порицаний привлек на себя за это простое, святое, благословенное во Адаме делание? По сему можно судить и о противоборстве врагов в делании и возделывании сердечных нив, окамененных сердец многих из учеников своих.

Общежитие, желаемое им, было не по вкусу щеголеватых клириков, которые казнию считали провожать а(рхимандри)та на его ферму, даже тогда, когда он садил их с собою на дрожки и даже в карету. Казнию почли бы одеться в мухояр,⁸⁸ хотя настоятель нарочно сшил для себя когда-то подрясник из этой общежительной ткани.

Столповое пение, им любимое и прославленное в его книжке «Валаам»,⁸⁹ оно на краткое время раздалось в беленькой Сергиевской церкви, и эти своды ненадолго откликнулись на величественные древние напевы: они были не поняты Петербургом и тяготили певцов, желавших воспеть à parte,⁹⁰ выказывать solo, отдельно свои теноры и баритоны с разными заливаньями.⁹¹ И певцы победили. Рулады Самойлова** изгнали мужественное, безыскусственное, старинно-русское пение. Самойлов потонул буквально в житейском море, не избежали духовного потопления и многие певцы. Арх(имандри)т усту-

* Черные его рясы превращались в седые от суточной ходьбы по полям.

** Самойлов-отец, Василий Михайлович, посетитель и любитель С(ергиевой) п(устын)и, первый некогда театральный тенор, утонул, отправляясь с Петергофского гулянья. (Василий Михайлович Самойлов (1782–1839) — выдающийся оперный певец. Начинал с пения в церковных хорах, затем пел в хоре Императорской оперы, впоследствии первый тенор. Родоначальник известной артистической семьи. — Е. А.)

пал. Однажды некий певец после ужина пел trio с другими и с чувством; о том возвестили а(рхимандри)ту, ходившему большими шагами, закинув руки, в темной своей сквозной зале и, конечно, не внимавшему этому Кукузелли.⁹² «Да, — ответил он, — поет с чувственностью».

И сколько было домашних драм, чуть не трагедий из-за партесного пения, сколько романов сочинилось само собою из-за певцов: все это составило бы целые томы, если бы записывались эт(и) интересные домашние повести.

Потом — ловление благотворителей-миллионеров и стотысячников. В этом отличались некоторые, их же имена да не возглаголятся нами. И сколько кораблецев опять погибло в этой ловле? Не обретая перловых и алмазных* раковин, частенько вытаскивали одних раков. Г-жа Шаховская, урожденная Зеленкова,⁹³ была, кажется, самым ценным грузом. Ее период длился немало, и надобно отдать ей честь — она была бы приобретением для Божия невода, если бы ловили одну ее душу, благородную и прекрасную, а не одни ее перлы и алмазы. Некогда, накануне ее именин, 30-го октября целая ватага священно-певцов, из первейших, отправилась к ней петь всенощную на ее охтинскую дачу, и там ночевала. Наутрие был сильный мороз, и лед, шедший с вечера, затерло. Охтяне и жители Смоляного берега со смехом приветствовали черную полоску певцов, которая тянулась с перерывами по белому снежному полю, обновляя это Божие шоссе, неся кадила и кро-

* Это слово написано так, для подбора: алмаз рождается не в раковине.

пила под мышцами своими. Кажется, я Вам об этом писал.

Известная Вам княгиня Юсупова-старуха⁹⁴ также ловилась. Смерть уловила Ее сиятельство прежде сергиевских ловцов. Но во власти а(рхимандри)та было воспользоваться ее богатою шкатулкой, что она ему и предложила некогда, сказавши, что в ее не-сесере хранится столько-то (не помню, какая, но огромная сумма) и что о. И(гнати)й может взять сколько ему угодно. Пр(еосвященный) И(гнати)й не обратил на это предложение ни малейшего внимания, за что подвергся осуждению от домашних ловцов. Он по просьбе Юс(уповой) написал что-то на память в ее бархатную книжку, цвета oseille d'ours,⁹⁵ которую я видел и слова читал, но они изгладились из моей памяти: вероятно они были столь же драгоценны, как дукаты и билеты к(нягини) Ю(супо)вой. Книжка, кажется, заказывалась сергиевскими чело-векоугодниками у переплетчика. Все пожертвования Юс(уповой) кончились маленькою, дешевою даро-хранительницею. Как-то о. а(рхимандри)т читал ей Исаака Сирина,⁹⁶ не знаю, для чего? конечно, для себя и для сокращения ее визита, что, кажется, дела-лось и с другими, к великой скуке посетительниц. Скучала и m-me Юсупова, и она часто вертела во время чтения свою руку с браслетом, в котором бли-стал какой-то исторический бриллиант, незадолго ею купленный за страшную сумму; видя, что о. И(гнатий) не обращает на это внимания и не прельщается блеском и водою этого камня, она пре-рвала чтение и спросила: знает ли он цену этого бриллианта? «Извините, моя к(нягин)я, — отвечал сирский пустынный, — я не знаток в женских наря-дах».

Еще ранее словили Прянишникова-старичка,⁹⁷ бывшего откупщиком и родственника богатых людей. Уговаривали его оставить мир и вверить себя сергиевскому попечительству. Это было во время моего путешествия с о. Аполлосом:⁹⁸ он ехал в Курск на ярмарку закупать лошадей или отправленный по другой, более секретной причине; а меня с ним отправили для обозрения монастырей, о которых я до того не имел ни малейшего понятия. Возвратившись, я нашел свою келью занятую мнимым миллионером, который оказался впоследствии несостоятельным и был выжит под разными предложениями. Но и я, видя мое гнездо занятое, вылетел из него на волю.

Посудите: согласовались ли все эти дела, извиняемые ревностью о благе обители, с направлением ее настоятеля? Не позабудьте, что это было тридцать лет тому, в самое почти расцветание С(ергиев)ой пуст(ын)и. Слава Богу, что эти волчцы не вовсе заглушили добрую пшеницу.

Пишу это в некоторое подтверждение моего первого слова, что о. а(рхимандри)т уже был не в силах направить своих юнцов на пажити Евангельские. Не осуждая, это говорю: над собою чувствую и сам все это несу, слава Богу, что не на столь видной сцене, а то и мне было бы стыдно.

1-го июня
1867.

¹ Игумен Антоний начинает письмо к монахине Марии со слов пасхального песнопения, так как кончина свт. Игнатия прилась на сорокадневный период празднования Воскресе-

ния Христова, в Неделю жен-мироносиц (второе воскресение после Пасхи).

² Неустановленное лицо.

³ Игумен Антоний сравнивает свт. Игнатия с ветхозаветным пророком Иеремией (VII—VI в. до Р. Х.), имея в виду первостепенное значение проповеди покаяния, присущее служению обоих; а также произведение свт. Игнатия «Плач инока о брате его, впадшем в искушение греховное», написанное по образцу «Плача Иеремии» (II, 343–418).

⁴ Камык — камень (*церк.-слав.*). Характеризуя образ служения свт. Игнатия, игумен Антоний использует метафорический язык «Плача Иеремии». Ср.: «Какое потемне золото, изменился серебро доброе! Разсыпашася камыцы святыни в начале всех исходов» (Плач. 4: 1).

⁵ Чресленник — пояс (*церк.-слав.*). Игумен Антоний отсылает здесь к фрагменту Книги пророка Иеремии (Иер. 13: 1–8), в котором ставший ни к чему не годным чресленник прообразует разрушение Иерусалима.

⁶ Ср. у ап. Павла: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил...» (2 Тим. 4: 7).

⁷ Нил Сорский (Майков, 1433–1508), прп. — духовный писатель, основатель на Руси скитского жития, одной из форм монашеского жительства, автор «Устава скитской жизни». Духовно возглавил движение «нестяжателей», спор которых с «иосифлянами» (последователями прп. Иосифа Волоцкого) во многом определил дальнейшие пути развития русского монашества.

⁸ В своем аскетическом учении свт. Игнатий повторяет и развивает основное положение учения прп. Нила о первостепенном значении для христианского подвижника изучения Св. Писания и творений св. отцов. Например, в сочинении «О чтении святых отцов» святитель писал: «Чтение отеческих писаний, по умалении духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства» (I, 103). Ср. об этом также у прп. Нила Сорского: «Если же не обретется <непрельщенный

наставник), повелели святые отцы от божественных Писаний научиться, слыша Самого Господа, говорившего: „Исследуйте Писания, и в них обретете жизнь вечную“» (*Нил Сорский, прп. Устав // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб., 2005. С. 103*).

⁹ Память прп. Нила Сорского 7/20 мая. В этот день, по предположению игумена Антония, должно было состояться погребение святителя, который в действительности был погребен 5/18 мая.

¹⁰ Ливия и Египет — центры зарождения и последующего расцвета монашества в IV–V вв.

¹¹ *Bibliotheca patrum* — библиотека отцов (*лат.*).

¹² Игумен Антоний имеет в виду обширную переписку, которую вел свт. Игнатий с монашествующими, пользующимися его духовными наставлениями. Среди них было немало настоятелей монастырей, призванных к этому служению при деятельном участии святителя: валаамский игумен Дамаскин (Кононов) (см. о нем примеч. 67); игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей; настоятель Троицкого Зеленецкого монастыря, впоследствии наместник Александро-Невской Лавры, архим. Аарон (Петров, † 1844); настоятель Свято-Благовещенской Никандровой пустыни архим. Игнатий (Васильев) (см. о нем примеч. 71); архим. Игнатий (Малышев, 1811–1897), сменивший в 1857 г. архим. Игнатия (Брянчанинова), возведенного на Кавказскую кафедру, на должности настоятеля Троице-Сергиевой пустыни; архим. Иустин (Татаринов) (см. о нем примеч. 15). О роли свт. Игнатия в назначении иеромонаха Антония (Бочкова) настоятелем Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря см.: *Переписка. С. 530–531*.

¹³ Ср. слова свт. Игнатия из его речи при наречении во епископа Кавказского и Черноморского: «Недолго пользовался я свободой юности: вскоре был опоясан и окован непостижимым Божественным Промыслом. Всемогущая десница Его, в противоположность предположению моему, внезапно восхитила меня из глуши лесов и пустынь, — поставила в обитель

преподобного Сергия, на берег моря житейского, великого и пространного» (III, 297).

¹⁴ См. об этом также заметку духовной дочери святителя С. И. Снегиревой «Кончина Преосвященного епископа Игнатия» (II, 622–628).

¹⁵ Иустин (Татаринов; 1827–1896), архим. — келейник свт. Игнатия, впоследствии наместник, а с 1867 г. настоятель Николо-Бабаевского монастыря Костромской епархии, в котором с 1861 по 1867 гг. жил на покое удалившийся с кафедры святитель.

¹⁶ Василий Павлов, впоследствии иеромонах Александро-Невской Лавры Вениамин — последний по времени келейник свт. Игнатия, которого о. Антоний называет здесь Вениамином, имея в виду последнего сына библейского патриарха Иакова (Быт. 35: 16–18).

¹⁷ Савва Освященный (438–532), прп., память 5/18 дек. — основатель палестинской Лавры, впоследствии названной его именем, одного из центров монашества того времени, автор Иерусалимского церковного устава.

¹⁸ О своем настоятельстве в Троице-Сергиевой Приморской пустыни под Петербургом, сам святитель отзывался так: «Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему не соответствующую моим целям духовным. (...) Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унижительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный; здесь я увидел врагов, дышащих непримиримую злобою и жаждою гибели моей; здесь милосердный Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души» (I, 527).

¹⁹ Аполлос (Попов; † 1874), архим. — с 1836 г. казначей, а в 1841–1844 гг. — наместник Троице-Сергиевой пустыни, впоследствии настоятель Старо-Ладожского Никольского монастыря.

²⁰ Подтверждений этого факта в биографической литературе не обнаружено.

²¹ Гордый Каппадокийский (IV в.), мч., память 3/16 янв. — служил сотником в Римской армии. Во время одного из гонений, «славу мимотекущую презрев», удалился в пустыню, где сугубым подвигом приутогодил себя к желанному мученичеству за Христа. Исповедав свою веру перед префектом, после долговременных мучений, был усечен мечем.

²² Ср. отзыв свт. Игнатия о Сергиевой пустыни из письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому от 12 июня 1856 г.: «...Все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтобы вырваться из Петербурга и Сергиевой пустыни. Что требуется там от духовного лица? Парадерство, одно парадерство; не требуется от него ни разума, ни познаний, ни душевной силы, ни добродетели. Все это вменяется ему в порок: его внимание должно быть сосредоточено на одно парадерство, на одно человекоугодие. (...) Парадерство и духовное созерцание не могут пребывать в одной душе; они в непримиримой вражде; одно другим непременно должно быть вытеснено. Каким было мое положение в Петербурге в течение 23-летнего пребывания моего там? Оно было положением движущейся статуи, не имевшей право ни на слово, ни на чувство, ни на закон» (V, 455–456).

²³ В бумагах племянника свт. Игнатия, сенатора Н. С. Брянчанинова, сохранился «Отзыв современника», датированный 6 и 19 мая 1867 г., который, предположительно, и является ходившей в списках копией одного из упоминаемых здесь «первых писем» игумена Антония к монашине Марии. Ср.: «Кораблекрушение праведника соделывается пристанищем грешников. Сергиева пустыня, хотя и не была крушением для о. Игнатия, но в ней остановился, и надолго, его корабль, тяжело нагруженный духовным богатством, и принял в раззолоченные ребра свои множество погибавших в житейском море. Далее идти он не мог, потому что команде полюбились питерские берега, камарилья не пускала адмирала своего плыть далее...» (Сokolov Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов: его жизнь, личность

и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 1. С. 381).

²⁴ Ср.: «Между учениками были истинные предатели, которые вились без угрызения доколе на отеческой, их отогревшей, груди, доколе видели в старце царского любимца и всемогущего настоятеля, готового возвысить их вровень с собою, и шипевшие на отца, когда он, утомленный своею ношею, — а на плечах своих он выносил почти всех, — падал иногда в немощи и равнялся немощию с ближними» (Там же).

²⁵ Феофан (Комаровский, † 1871), архим. — наместник Троице-Сергиевой пустыни в 1830-е гг., впоследствии игумен Кирилло-Новозерского монастыря.

²⁶ Неустановленное лицо.

²⁷ Игумен Антоний ссылается здесь на «Лествицу» прп. Иоанна Лествичника (VI—VII вв.), игумена Синайской горы, — широко известное аскетическое произведение, в котором добродетели рассматриваются как ступени, а страсти как препятствия при восхождении человека к Царствию Небесному. О «темнице» см.: *Иоанн Лествичник, прп.* О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников, и о темнице. Слово 5 // *Иоанн Лествичник, прп. Лествица*. М., 2006. С. 133–158.

²⁸ Например, в письме к игумену Антонию от 21 февраля 1864 г. свт. Игнатий писал: «Относительно монастырей я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе. Вам известен отеческий путь, состоящий в духовном подвиге, основанном на телесном подвиге в разуме. Опять Вам известно монашество русское: укажите на людей, проходящих этот подвиг правильно. Их нет. Существует по некоторым монастырям телесный подвиг, и то более непоказ людям. <...> Дух времени таков, что скорее должно ожидать окончательных ударов, а не восстановления. Спасаяй, да спасет свою душу, сказали святые отцы» (*Переписка*. С. 547).

²⁹ Т. е. театре.

³⁰ Аллюзия на Мф. 13: 46.

³¹ Куколь — древний монашеский головной убор, символизирующий младенческое незлобие. Наглавник, наглавие — то же, что кидар или митра — царский и первосвященнический головной убор в Ветхозаветной Церкви.

³² Быт. 3: 9.

³³ Гомилетика — наука о церковной проповеди.

³⁴ Экзегетика — наука о трактовке, толковании Священного Писания.

³⁵ Речь идет о состоявшемся 29 декабря 1866 г. освящении в Свято-Троицкой Творожковской женской общине домово́й церкви во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», которое «совершено было игуменом Антонием, казначеем Иоанном, сборщиком Авраамом (Турчаниновым, впоследствии игуменом того же Черемнецкого монастыря) и священниками: о. Кириллом Аристотелевым, Быстревской церкви, о. Андреем Лебедевым с Гвозденского погоста и о. Петром Недремским» (Монахиня Ангелина (в мире Александра Филипповна фон Розе), основательница и строительница Свято-Троицкой Творожковской женской общины, возведенной в монастырь с наименованием его Свято-Троицким общежительным женским монастырем. СПб., 1888. С. 31). Игумен Антоний, будучи в 1865–1868 годах благочинным вновь основанной Общины, вел в эти годы с основательницей монахиней Ангелиной (фон Розе) оживленную переписку, отвечая на ее многочисленные вопросы, касающиеся устройства жизни Общины, которую таким образом «руководил своими опытными советами» (Там же. С. 35).

³⁶ Дискос — церковный сосуд, употребляющийся при служении Божественной литургии.

³⁷ Антиминс — шелковый плат с зашитой в него частицей святых мощей, на котором служит Божественная литургия.

³⁸ Возду́х — покров, которым покрываются чаша и дискос в определенные моменты Божественной литургии.

³⁹ Звезда — богослужебный предмет из двух соединенных крестообразно металлических дуг, символизирующий Вифлеемскую звезду.

⁴⁰ Иоанн (Краев, † 1867), иером. — келейник и духовный сын игумена Антония, казначей Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря. Скончался через три года после рукоположения во иеромонаха «христианскую кончиною после продолжительной головной простудной болезни» (Дело Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря о смерти казначея сего монастыря иеромонаха Иоанна // ЦГИА СПб. Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 945. Л. 1).

⁴¹ Письмо в архиве отсутствует. В более раннем письме к монахине Марии от 3 июня 1865 г. о. Антоний писал: «Удивляюсь, как он (свт. Игнатий) мог прожить год после того ослабления, в котором мы его застали» (ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 169 об.). Игумен Антоний имеет в виду совместное с монахиней Марией посещение святителя в июле 1864 г. в Николо-Бабаевском монастыре.

⁴² Не ясно, о ком идет речь.

⁴³ Предположительно, имеется в виду монахиня Варсонофия (Крымова; 1800–1866), казначея Санкт-Петербургского Новодевичьего Воскресенского монастыря, воспитанница Смольного института.

⁴⁴ См. примеч. 16.

⁴⁵ Неустановленное лицо.

⁴⁶ Неустановленное лицо.

⁴⁷ Монахиня Августа (Козмина) — с 1848 г. духовная мать монахини Марии (Шаховой).

⁴⁸ Пс. 115: 2.

⁴⁹ Леонид, в схиме Лев (Наголкин, 1768–1841), прп., память 11/24 окт. — основатель старчества в Свято-Введенской Козельской Оптиной пустыни. Встреча с ним окончательно определила выбор жизненного пути свт. Игнатия (Димитрия Александровича Брянчанинова), ставшего в 1827 г. послушником о. Леонида. Ср. слова Д. Брянчанинова, сказанные в это время ближайшему другу Михаилу Чихачеву (впоследствии схимон. Михаил): «Сердце вырвал у меня отец Леонид, теперъ решено дело: иду проситься в отставку от службы и последую старцу...» (I, 596).

⁵⁰ В Оптиной пустыни послушник Д. Брянчанинов находился весной 1829 г.

⁵¹ В Богородицкой Площанской пустыни послушник Д. Брянчанинов провел зиму 1829 г.

⁵² В Вологду, в дом родителей Д. Брянчанинов возвратился в том же 1829 г., оставив монастырь по просьбе тяжело заболевшей матери.

⁵³ Александр Семенович Брянчанинов (1784–1875) — отец свт. Игнатия, воспитанник Императорского пажееского корпуса, обедневший вологодский помещик. На протяжении всей жизни между отцом и старшим сыном Дмитрием сохранялись непростые отношения, вызванные прежде всего решением одаренного первенца, на которого отец возлагал большие надежды, избрать монашеский путь.

⁵⁴ Данное свидетельство не подтверждается другими биографическими источниками.

⁵⁵ Монашеский постриг Д. Брянчанинова с наречением имени в честь сщмч. Игнатия Богоносца (память 20 дек./2 янв.) состоялся 28 июня 1831 г. в Воскресенском кафедральном соборе г. Вологды. 4 июля епископ Вологодский Стефан рукоположил монаха Игнатия во иеродиакона, а 25 числа того же месяца — в иеромонаха. В январе 1831 г. иеромонах Игнатий был назначен строителем Григорие-Пельшемского Лопотова монастыря, которым управлял по ноябрь 1833 г.

⁵⁶ Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848), гр. — дочь героя Чесмы гр. А. Г. Орлова и духовная дочь архим. Фотия (см. след. примеч.), известная церковная благотворительница. Ходатайствовала перед церковными иерархами и императором Николаем I о перемещении игумена Игнатия (Брянчанинова) из Вологодской епархии в Санкт-Петербургскую.

⁵⁷ Архимандрит Фотий (в миру Петр Николаевич Спасский; 1792–1838) — настоятель новгородского Юрьева монастыря с 1822 г.

⁵⁸ В декабре 1833 г. игумен Игнатий был представлен Николаю I в Зимнем дворце. При встрече государь сказал: «Ты у

меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, — на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей» (Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова; I, 40).

⁵⁹ В 1834 г. архим. Игнатий принял настоятельство над находившейся в крайнем упадке Троице-Сергиевой Приморской пустынью под Петербургом. Под началом будущего святителя в ней были обновлены и воздвигнуты новые храмы, введено уставное богослужение, налажено образцовое хозяйство, собрана многочисленная братия.

⁶⁰ Позорище — зрелище (*церк.-слав.*).

⁶¹ Николай Александрович Протасов (1799–1855), гр., генерал-лейтенант — с 1836 г. обер-прокурор Св. Синода, с 1850 г. исполнитель особых поручений по духовному ведомству.

⁶² Серафим (Глаголевский, 1763–1843), митр. — с 1821 по 1843 г. митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

⁶³ Антоний (Рафальский, 1789–1848), митр. — с 1843 и до кончины митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

⁶⁴ Нафанаил (Савченко, † 1875), еп. — с 1845 г. епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии, с 1850 — епископ Старорусский, впоследствии — Черниговский.

⁶⁵ Татьяна Борисовна Потемкина (урожд. кнж. Голицына; 1797, по др. свед. 1801–1869), кн. — статс-дама, жена предводителя дворянства Петербургской губернии действительного тайного советника кн. А. М. Потемкина, известная церковная благотворительница.

⁶⁶ О его личности см: *Соколов Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов... Ч. 1. С. 172.*

⁶⁷ Валаамским разводом игумен Антоний называет разрешение в 1838 г. конфликта среди братства Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. В этом деле архим. Игнатий принял деятельное участие как благочинный монастырей

Санкт-Петербургской епархии — по его представлению игуменом монастыря был назначен монах Дамаскин (Кононов; 1795–1881), под чьим началом обитель в дальнейшем достигла подлинного расцвета.

⁶⁸ В 1837 г. в Николаевском Воскресенском Моденском монастыре Новгородской епархии был убит архим. Пахомий. Гражданские власти дважды начинали следствие, но виновные обнаружены не были. К третьему следствию в 1839 г. был привлечен архим. Игнатий, давший своим участием делу верное направление. В том же году дело было закрыто, виновные изобличены.

⁶⁹ В 1851 г. в Новгородской епархии возникло следственное дело «по доносу священника Александра Ивановского о противозаконных действиях помещика Страхова, и по встречному доносу последнего на священника за подстрекательство будто бы им крестьян Страхова к неповиновению». В следственную комиссию был направлен архим. Игнатий, благодаря участию которого дело было справедливо разрешено. См.: Дело о крестьянах помещика Страхова (VI, 597–636).

⁷⁰ См. о нем примеч. 19.

⁷¹ Игнатий (Васильев; 1806–1870), архим. — с 1844 г. наместник Троице-Сергиевой пустыни, впоследствии игумен Свято-Благовещенской Никандровой пустыни.

⁷² Иларион, игум. — наместник Троице-Сергиевой пустыни с 1853 до 1857 г., впоследствии игумен Юрьевского Архангельского монастыря Владимирской епархии.

⁷³ Исихий, иером. — наместник Троице-Сергиевой пустыни до 1853 г., в 1853–1861 гг. — настоятель Иоанно-Богословского Черемецкого монастыря.

⁷⁴ Аполлинарий, игум. — наместник Троице-Сергиевой пустыни до 1862 г., впоследствии настоятель Введено-Оятского Островского монастыря.

⁷⁵ Марко-духовник, Иосиф-казначей — насельники Троице-Сергиевой пустыни периода настоятельства архим. Игнатия.

⁷⁶ Летом 1847 г. архим. Игнатий получил одиннадцатимесячный отпуск по болезни, который провел в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.

⁷⁷ В 1856 г. архим. Игнатий посетил Оптину пустынь, предполагая удалиться на покой в ее Иоанно-Предтеченский скит, о чем была достигнута договоренность, впоследствии не осуществившаяся.

⁷⁸ Имеется в виду хиротония архим. Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского, состоявшаяся 27 октября 1857 г. в Казанском кафедральном соборе Санкт-Петербурга.

⁷⁹ В 1861 г. свт. Игнатий ушел на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.

⁸⁰ При Сергиевой пустыни иждивением графов Зубовых был устроен инвалидный дом, о статусе которого в 1835–1837 гг. между архим. Игнатием и устроителями велся спор, окончательно урегулированный указом Св. Синода от 20 мая 1837 г.

⁸¹ Исаия, в схиме Игнатий (ок. 1780–1852), мон. (?) — возобновитель Никифоровской пустыни Олонецкого уезда, духовный друг и корреспондент свт. Игнатия.

⁸² Амфилохий (Шапошников, ок. 1780–1865), схимон. — возобновитель Свято-Троицкой Реконьской пустыни.

⁸³ Варфоломей, игум. — настоятель Дорофеевой Югской пустыни Ярославской епархии, многолетний адресат писем свт. Игнатия.

⁸⁴ Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) — поэт, драматург, выдающийся церковный писатель, религиозный деятель, путешественник, мемуарист, чиновник за обер-прокурорским столом Св. Синода (1833–1846). Состоял в дальнем родстве со свт. Игнатием, был частым паломником Троице-Сергиевой пустыни.

⁸⁵ Александр Павлович Башуцкий (1803–1876) — прозаик, публицист, журналист, издатель. Один из немногих светских журналистов и литераторов, выступивших в защиту Церкви и монашества от нападок либеральной печати. Был послушником в нескольких монастырях. Учредитель Первого миссио-

нерского общества, занимался иконописью, составлял назидательные брошюры. Близкий духовный друг и многолетний адресат писем игумена Антония.

⁸⁶ Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) — писатель, государственный деятель. В 1850–1854 гг. — товарищ министра, а с 1854 по 1858 г. — министр народного просвещения. С 1858 — член Государственного Совета. Председатель Археографической комиссии, издававшей памятники древнерусской литературы. Состоял в многолетней дружбе и переписке со свт. Игнатием. Погребен в Троице-Сергиевой пустыни. См. подробнее о нем: Любомудров А. М. Искреннейший друг (VI, 763–771).

⁸⁷ Юнец — бычок, теленок (*церк.-слав.*).

⁸⁸ Мухояр — дешевая бумажная ткань с примесью шерсти или шелка.

⁸⁹ Игумен Антоний имеет в виду очерк свт. Игнатия «Валаамский монастырь», вышедший в 1847 г. двумя изданиями в типографии К. Крайя и третьим в 1856 г. в типографии Г. Трусова. См.: Посещение Валаамского монастыря (I, 394–420).

⁹⁰ На партии (*итал.*).

⁹¹ Ср.: «Столповое пение, им столько любимое, не могло нравиться испорченному уху питерцев и даже большей части избалованной братии, как шум и музыка в искусственном саду, какими сделалась постепенно Сергиева пустыня» (Соколов Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов... Ч. 1. С. 381).

⁹² Игумен Антоний иронически переименовал на итальянский манер имя знаменитого византийского придворного певчего XII в. прп. Иоанна Кукузеля (память во 2-ю неделю по Пятидесятнице).

⁹³ Зиновия Петровна Шаховская (урожд. Зеленкова, во втором браке Уткина; ок. 1811—ок. 1874) — супруга полковника лейб-гвардии Семеновского полка кн. А. Я. Шаховского, церковная благотворительница.

⁹⁴ Татьяна Васильевна Юсупова (1767–1841) — супруга кн. Н. Б. Юсупова, фрейлина, церковная благотворительница.

⁹⁵ Oreille d'ours — медвежье ушко (*франц.*) — толкнянка.

⁹⁶ Исаак Сирин (VII в.), прп., память 28 янв./10 февр. — епископ Ниневийский, автор «Слов подвижнических», аскетического произведения, описывающего как деятельную, так и созерцательную стороны монашеского подвига.

⁹⁷ Неустановленное лицо.

⁹⁸ См. примеч. 19.

Список иллюстраций

С. 12

Могила игумена Антония (Бочкова) в Николо-Угрешском монастыре, восстановленная в 2007 г.

Вклейка

Авантитул альманаха «Календарь муз на 1826 год», в котором был опубликован путевой очерк А. П. Бочкова «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле» (СПб.: Тип. А. Смирдина, 1826. С. 60–75).

А. П. Бочков. «Видение», очерк. Фрагмент последней страницы. Автограф. 28 августа 1824. ИРЛИ.

Вид Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне. Неизвестный литограф по рисунку Ф.-В. Перро. Литография с тоном. 1841. Литературный музей Пушкинского Дома.

Вид Козельской Введенской Оптиной пустыни с юго-западной стороны. Фотография. Конец XIX века. Литературный музей Пушкинского Дома.

Архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Офорт Л. Е. Дмитриева-Кавказского с живописного портрета Яковлева с факсимиле подписи. 1881. Литературный музей Пушкинского Дома.

Игумен Антоний (Бочков). «Мы, кажется, живем под Римом...», стихотворение. Фрагмент. Автограф. 1860-е гг. РГИА.

Игумен Антоний (Бочков). Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. «С востока с озера». Рисунок. Перо. Автограф. 1864. ИРЛИ.

Игумен Антоний (Бочков). Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. «С запада внутри монастыря». Рисунок. Перо. Автограф. 1864.

Чудотворный образ св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова из Черемнецкого монастыря, обретенный в 1478 г. Фотография.

Из письма игумена Антония (Бочкова) к монахини Марии (Шаховой). Автограф. Конец марта 1868. ИРЛИ.

Монахиня Мария (Шахова). Фотография на паспарту ателье Э. Ф. Брейера. С.-Петербург. Середина XIX в. Литературный музей Пушкинского Дома.

Монахиня Мария (Шахова). «Элегия», «Голос из-за Волги». Стихотворения. Автографы в тетради. 1864. ИРЛИ.

Игумен Антоний (Бочков) (справа) и его духовные чада: предположительно иеродьякон Сергей (слева) и послушник Иоанн (Краев). Фотография. 1860-е гг. РГИА.

Петропавловская церковь одноименного скита Николо-Угрешского монастыря. Высокое надгробие у стены — могила игумена Антония (Бочкова). Фотография. Начало XX в. Архив Николо-Угрешского монастыря.

Игумен Антоний (Бочков). «Он ангелов Своих оставил и всю славу...». Стихотворение (последнее из дошедших до нас). Из письма к М. А. Башуцкой от 17 февраля 1872 г. Автограф. ИРЛИ.

Список сокращений

Архивохранилища

- ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).
- РГБ — Российская государственная библиотека (С.-Петербург).
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
- ЦГИА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

Печатные источники

- ЛН — «Литературное наследство».
- Переписка* — Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым) // *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собрание творений. М., 2002. Т. IV. С. 526–563.
- Письма игумена Антония* — «...И дружба сохранит немногие листки»: (Письма игумена Антония (Бочкова) к монахине Марии (Шаховой)). Ч. I: 1862–1864 гг. / Публ. Е. М. Аксенов // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2009. С. 313–433.
- РСт* — «Русская старина».
- Собрание сочинений в стихах* — Шахова Е. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб., 1911. Ч. I—III.
- ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

Указатель имен

- А. Г. 24, 243
Аарон (Петров), архим. 265
Августа (Козмина), мон. 144–147, 164, 205, 257, 270
Авраам, праотец 130, 225, 229
Авраам (Турчанинов), игум. 129–132, 269
Аглаида, св. 57, 108
Адам, праотец 179, 219, 225, 255, 260
Айвазовский К. М. 179
Аксененко Е. М. 10, 139, 242, 243, 279, 286
Аладьин Е. В. 21
Александр II Николаевич, имп. 94
Александр Невский, св. блгв. кн. 34, 87, 191, 265
Алексей Михайлович, царь 147
Алексий, Человек Божий, прп. 183, 184
Амфилохий (Шапошников), схимон. 259, 274
Ангелина (фон Розе, урожд. Шмакова), мон. 119, 120, 269
Анна, св. прав., мать Пресвятой Богородицы, 225, 231
Анна Иоанновна, имп. 87
Анна Кашинская, прп., вел. кн. 175, 191
Анна Симоновна, крестьянка 119
Антоний (Козин), иеродиак. 242, 286
Антоний Оптинский, прп. 31
Антоний (Рафальский), митр. 258, 272
Антоний Сийский, прп. 34
Антонов В. В. 129
Аполлинарий, игум. 259, 273
Аполлоний, иеродиак. 247
Аполлос (Попов), архим. 251, 253, 254, 258, 263, 266
Аристотелев К., свящ. 269
Аскоченский (наст. фам. Оскошный, затем Отскоченский) В. И. 41, 120, 246
Базанин, помещик 127
Базанины, семья 135
Баратынский Е. А. 86
Барятинский А. И., кн. 94
Батюшков К. Д. 66
Башуцкая М. А. 23, 42, 47, 55, 112, 130–132, 180, 278
Башуцкий А. П. 6, 41, 47, 50, 59, 117, 131, 132, 177, 207, 259, 274
Башуцкий П. Я. 117
Безобразовы, семья 135
Беловолов Г. В., прот. 8, 9, 79, 286
Бенедиктов В. Г. 51, 63, 160
Бердяев Н. А. 64, 65
Берташ А. В., свящ. 9, 114, 120, 168, 212, 286
Бестужев-Марлинский А. А. 19, 20, 31, 85, 98
Благово Д. Д. см. Пимен (Благово), архим.
Бодянский О. М. 35, 36
Бочков А. И. 17
Бочков П. А. 23, 34, 85, 132, 133
Бочков Пол. А. 17
Бочкова (урожд. Пономарева) А. П. 5, 17, 85, 99
Брейер Э. Ф. 278
Бригитта, св. 5, 20, 98
Брюллов К. П. 66, 78
Брянчанинов А. С. 258, 271
Брянчанинов Д. А. см. Игнатий (Брянчанинов), свт.
Брянчанинов Н. С. 267

- Брянчанинов П. А. 94
 Брянчанинова С. А. 271
 Бунина А. П. 17, 140
- Варавва, разбойник 112
 Варлаам, игум. 31
 Варлаам (Высоцкий), архим. 31
 Варсонофия (Крымова), мон. 256, 270
 Варфоломей, игум. 259, 265, 274
 Василий см. Вениамин (Павлов)
 Вацуро В. Э. 18
 Веневитинов Д. В. 86
 Вениамин, прав. 266
 Вениамин (Зарицкий), еп. 7
 Вениамин (Павлов), иером. 249, 256, 266
 Вениамин Петроградский, сщмч. 134
 Вересай О. 153
 Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан), имп. 229, 231
 Виндельбандт В. В. 128
 Волконская З. А., кн. 86
 Волконский Н. Г., кн. 86
 Вольтер (наст. имя и фам. М.-Ф. Аруэ) 85
 Вонифатий, мч. 57, 108
 Вукол Смирнский, сщмч. 259
 Вяземский П. А., кн. 19, 49, 86
- Гаспаров М. Л. 166
 Гедеон (Вишневский), архиеп. 31, 33, 100
 Георгий Хозевит, прп. 195, 195
 Герасим, иером. 62
 Глинка М. И. 51, 66, 68
 Глинка Ф. Н. 49, 50, 177
 Глинки-Маврины, семья 135
 Гнедич Н. И. 66
 Гоголь Н. В. 8, 18, 50, 56, 68
 Голицын Н. С., кн. 16, 38, 41, 43, 114
- Гомер 55, 82
 Гордий Каппадокийский, мч. 252, 267
 Готфрид Бульонский (Godefroi de Bouillon), герц. 213, 216
 Грибоедов А. С. 8, 19, 20, 31, 49, 50, 56, 160
 Григорий Пельшемский, прп. 271
 Гумилевский А. В., свящ. 127
 Гусев В. Е. 157
- Давид, царь и пророк 103, 108, 151, 171, 175, 190, 200, 201, 232
 Даль В. И. 151, 154
 Дамаскин (Кононов), игум. 265, 273
 Даргомьжский А. С. 157
 Девиер, гр., семья 135
 Дельвиг А. А., бар. 22
 Димитрий Донской, св. блгв. кн. 41, 42
 Димитрий Ростовский, свт. 54, 165
 Дмитриев И. И. 19
 Дмитриев-Кавказский Л. Е. 277
 Дорофей Югский, прп. 265
 Достоевский Ф. М. 8, 51, 52, 80, 81
- Ева, праматерь 197
 Евдокия, царица 61
 Евдокия, жена крестьянина Симона 119
 Евфемьян см. Евфимиан
 Евфимиан, отец св. Алексия, Человека Божия 183
 Егорова Е. Н. 9, 98, 286
 Екатерина II Великая, имп. 117, 124
 Екатерина Павловна, вел. кн. 190, 191
 Елизавета Петровна, имп. 124, 154

- Жуковский В. А. 19, 69, 86
- Закхей, иером. 116
- Здравомыслов К. 25
- Зеведей, отец св. ап. Иоанна Богослова 229
- Зильберштейн И. С. 18
- Зиновьев А. И. 37, 106
- Зосима, прп. 209
- Зубовы, гр., семья 259, 274
- Иаков, праотец 230, 266
- Иван см. Иоанн (Краев), иеродиак.
- Ивановский А., свящ. 273
- Ивановский А. А. 16, 18, 21, 23, 99
- Игнатий Богоносец, сщмч. 271
- Игнатий (Брянчанинов), свт. 6, 8–11, 25, 26, 44–46, 50, 51, 65–78, 80, 83–97, 100, 104, 110, 113, 116, 117, 123, 139, 142–147, 156, 158, 165, 173, 196–198, 203, 208, 242–254, 256–268, 270–275, 277, 279
- Игнатий (Васильев), иером. 143, 258, 265, 273
- Игнатий (Малышев), архим. 127, 265
- Игнатий (Мезенцев), мон. 256, 257
- Иеремия, пророк 96, 247, 248, 264
- Измайлов А. Е. 18, 20
- Иисус Христос 37, 51, 56, 72, 75, 84, 112, 117, 121, 158, 170, 171, 174, 187, 198, 208, 212, 214, 216, 219–228, 230–233, 235, 237, 239, 245, 247, 264, 267
- Иларион, игум. 259, 273
- Илия, пророк 252
- Иннокентий Комельский, прп. 265
- Иоаким, св. прав. 225, 230
- Иоанн III Васильевич, вел. кн. 116
- Иоанн IV Васильевич, царь 123, 210
- Иоанн Богослов, св. ап. и еванг. 38–40, 53, 104, 116, 120, 123–125, 128, 129, 134–136, 168, 210, 212, 218, 229, 259, 265, 269, 270, 277
- Иоанн (Краев), иеродиак. 118, 192, 193, 257, 270, 278
- Иоанн Кукузель, прп. 275
- Иоанн Лествичник, прп. 254, 268
- Иоанн Многострадальный, прп. 109, 176–178, 235–241
- Иоанн Предтеча, св. 216, 274
- Иона, пророк 238
- Иосиф, казначей 259, 273
- Иосиф Волоцкий, прп. 264
- Ирод Великий, царь 223, 231
- Исаак Сирий, прп. 90, 262, 276
- Исаия, пророк 225
- Исаия (в схиме Игнатий), мон. 259, 274
- Исаков С. Г. 8, 15, 16, 20, 28, 73, 101, 102, 107, 111, 113, 114, 286
- Исидор (Никольский), митр. 25, 93, 124, 129
- Исихий, иером. 259, 273
- Иуда, св. праотец 225, 230
- Иуда Искариот 221, 223, 224
- Иустин (Татарин), архим. 249, 265, 266
- Карамзин Н. М. 19, 190, 191, 257
- Карамышевы, семья 135
- Карпов Г. И. 128, 136
- Каширина В. В. 245
- Квашнины-Самарины, семья 135
- Киреевская (урожд. Арбенина) Н. П. 41
- Киреевский И. В. 31
- Кирилл Новоезерский, прп. 268

- Клеопа, мон. 28
 Климент (Зедергольм), иером. 28, 29
 Кобак А. В. 129
 Кольман К. К. 122
 Кольцов А. В. 174
 Константин Константинович, вел. кн. 134
 Корнилович А. О. 19
 Крайя К. 275
 Крестовский В. В. 52, 80
 Крушельницкая Е. В. 110
 Крылов И. А. 19, 66
 Ксения Георгиевна, вел. кн., схимон. 191
 Кудрявцев Н. Г. 135
 Кульман Е. Б. 140
 Купер Ф. 75
 Курицын Е. В. 117
 Кюхельбекер В. К. 19
- Ламартин (Lamartine) А.-М.-Л. де 103, 259
 Лебедев А., свящ. 269
 Леонид, инок 70
 Леонид (в схиме Лев) Оптинский, прп. 26–32, 52, 54, 84, 258, 270
 Леонид (Кавелин), архим. 27–30, 43
 Лермонтов М. Ю. 18
 Лисенко Н. В. 153
 Лия, библи. 230
 Лоде фон, рыцарь 168, 209
 Лузиньян (Lusignan) Г. де, король 213, 215, 216
 Львов А. Ф. 66
 Любомудров А. М. 7, 8, 11, 64, 275, 286
 Людовик XVI (Louis XVI), король 228, 231
- Майков А. Н. 50, 63, 110, 160
 Макарий Оптинский, прп. 6, 26, 31, 32
- Мамай, хан 42
 Мария, Пресвятая Богородица 58, 117, 121, 134, 135, 167, 179, 214, 218–221, 224, 225, 230, 269
 Мария Александровна, имп. 163
 Мария Египетская, преп. 208, 209
 Мария (Игнатъева), игум. 145
 Мария Магдалина, св. равноап. 180
 Мария (Тучкова; урожд. Нарышкина), игум. 142, 162–164, 175
 Мария (Шахова), мон. 6, 10, 16, 17, 20, 23, 37, 41, 45, 47, 48, 50, 51, 53–57, 59, 62, 73, 75, 76, 80, 81, 83, 87, 89, 92, 96, 98, 100, 102, 103, 108, 109, 117, 119, 125, 128–130, 139–186, 189, 191–197, 201, 203, 205, 208, 209, 217, 232, 235, 242–247, 249, 250, 252, 254, 256, 257, 262, 263, 267, 270, 277
 Марко, иером. 259, 273
 Мартирий Зеленецкий, прп. 110
 Масанов И. Ф. 40
 Матвеевский П., прот. 245
 Мезенцев см. Игнатий (Мезенцев)
 Мей Л. А. 63, 160
 Мелетий (Урядинский-Жолнин), архим. 116
 Миллер Ф. Б. 157, 158
 Милорадович М. А., гр. 117
 Мильтон (Milton) Дж. 49, 232
 Митрофан (Осяк), игум. 136
 Михаил Павлович, вел. кн. 84
 Михаил (Чихачев), схимон. 270
 Михаил Ярославич Тверской, св. блгв. вел. кн. 58, 175, 176, 190
 Моисей, пророк 129, 203, 257
 Мокий, крестьянин 116
 Мохаммед 215
 Муравьев А. Н. 36, 175, 259, 274
 Муравьев-Карский Н. Н., гр. 267

- Мурашова Н. В. 116, 176
Мыслина Л. П. 116, 176
- Нафанаил (Савченко), еп. 258, 272
Недремский П., свящ. 269
Некрасов Н. А. 6, 8, 50, 51, 63, 74, 110, 160
Никитин И. С. 51, 166
Николай I Павлович, имп. 47, 84, 87, 163, 164, 258, 271, 272
Николай Мирликийский Чудотворец, св. 20, 42, 57, 99, 266, 277
Никон, патр. 147
Нил Сорский, прп. 96, 248, 264, 265
Норов А. С. 36, 259, 275
- Олай, св. 62
Омир см. Гомер
Орлов А. П. 121
Орлов П. И. 120, 121
Орлов-Чесменский А. Г., гр. 271
Орлова-Чесменская А. А., гр. 258, 271
- Павел, св. первоверх. ап. 79, 194, 264
Панченко А. М. 142
Пахомий, архим. 273
Перро Ф.-В. 277
Петр I Великий, имп. 61, 86, 133
Петр (Григоров), впоследствии мон. Порфирий 31
Печерин В. С. 86
Пиксанов Н. К. 31
Пилат Понтий 112, 223
Пимен (Благово) (псевд. — ***), архим. 15, 34, 42, 243
Пимен (Мясников), архим. (прп. Пимен Угрешский) 16, 37, 40–43, 133, 134
- Плетнев П. А. 167
Полевой Н. А. 141, 142
Полетика, семья 135
Половцовы, семья 135
Пономарев П. И. 17, 23, 34
Пономарева А. П. см. Бочкова А. П.
Пономарева (урожд. Позняк) С. Д. 18
Потемкин А. М., кн. 272
Потемкина (урожд. кнж. Голицына) Т. Б., кн. 258, 272
Протасов Н. А., гр. 258, 272
Прянишников 263
Пушкин А. С. 18, 19, 23, 49, 58, 66, 73, 78, 86, 105, 110, 111, 142, 166
- Рейтблат А. И. 16, 114
Ренни, семья 135
Ровоам, царь 214, 216
Романовы, династия 44
Ростопчина (урожд. Сушкова) Е. П., гр. 180
Ротшильд (Rothschild) Э.-Б.-Д. де бар. 223
Рудавский 256
Рылеев К. Ф. 18, 19, 58, 176
- Савва Освященный, прп. 89, 251, 266
Саладин (Салах-ад-Дин), султан 169, 213–216
Саладина сын 215
Саломон (Соломон; урожд. Головина) П. В. 150, 182
Саломон (Соломон) П. И. 145, 150, 182
Самойлов В. М. 260
Сарра (Сара), прав. 130
Сенковский О. И. 141
Серафим (Глаголевский), митр. 258, 272
Сергий, иером. 118, 192, 193, 278

Указатель имен

- Сергий (Веснин), иеросхимон. Фонвизин Д. И. 8, 50, 56
(псевд. — Святогорец) 6, 32, Фотий (Спасский), архим. 50, 258,
35, 36 271
- Сергий Радонежский, прп. 95, Херасковы, семья 135
163, 245, 266 Холшевников В. Е. 158
- Силуан Афонский, прп. 65 Хохловы, семья 135
- Симон, крестьянин 119
- Смирдин А. Ф. 277
- Снессорева С. И. 266 Царькова Т. С. 279
- Соколов Л. А. 267, 272, 275
- Солиман см. Сулейман Велико- Чернышев, художник 122
лепный Чумиков А. А. 22–24, 41, 114
- Соломон, царь и пророк 216, 218, Шамиль, имам 94
226, 229 Шахов Н. Н. 156, 279
- Софроний (Сахаров), архим. 65 Шахова (урожд. Сытина) К. Е.
- Стефан (Романовский), еп. 271 Шаховская (урожд. Зеленкова, во
Страхов, помещик 273 втором браке Уткина) З. П.,
Сукины, семья 135 кн. 261, 275
- Сулейман Великолепный, султан Шаховской А. Я., кн. 275
229, 231 Шекспир (Shakespeare) У. 49, 55,
99, 232
- Тацит Корнелий 257
- Терентий, иером. 27
- Тихомиров Д. П. 151
- Толстой А. К., гр. 110
- Трусов Г. 275
- Туранов В. Т. 128
- Туранов Т. 128
- Турчанинов П. И., прот. 66
- Тучков А. А. 163
- Файнштейн М. Ш. 180
- Фаминцын А. С. 151
- Фара, отец Авраама 130
- Феодор, схимон. 28, 29
- Феодосий, архим. 50
- Феофан (Комаровский), архим. Ямпольский И. Г. 160
115, 253, 268 Ярослав Ярославич, вел. кн. 191
- Феофан Новоезерский, архим. 52
- Фет А. А. 63, 110, 160
- Филарет Московский, свт. 81, 163
- Флери (Fleury) К., аббат 143
- Флоринский Д., свящ. 127
- Фомичев С. А. 180
- Энгельгардт (урожд. Хераскова) А. Р. 175, 176
- Энгельгардт Ф. В. 176
- Юдифь, прав. 181
- Юсупов Н. Б., кн. 275
- Юсупова (урожд. Энгельгардт, в первом браке Потемкина) Т. В., кн. 89, 90, 262, 275
- Яковлев, художник 277
- Яковлев Н. А. 120
- Яковлев П. Л. 20
- Луиs XVI см. Людовик XVI, ко- роль
- *** см. Пимен (Благово), архим.

Об авторах и составителях

Аксененко Елена Михайловна — младший научный сотрудник Рукописного Отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Антоний (Козин), иеродиакон — клирик храма Рождества Христова в пос. Старополье.

Беловолов Геннадий Владимирович, протоиерей — настоятель храма во имя св. ап. и ев. Иоанна Богослова (Леушинское подворье), научный сотрудник Мемориального Музея-квартиры Ф. М. Достоевского.

Берташ Александр Витальевич, священник — клирик Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря ведущий научный сотрудник Государственного музея истории С.-Петербурга.

Егорова Елена Николаевна — ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, член Союза писателей России.

Исаков Сергей Геннадиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Тартуского университета.

Любомудров Алексей Маркович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, член Союза писателей России.

СОДЕРЖАНИЕ

А. М. Любомудров. Предисловие 5

Исследования

- С. Г. Исаков. Игумен Антоний (Бочков).
Жизнь и творчество.* 15
- А. М. Любомудров. Вопросы художественного творчества
в переписке святителя Игнатия (Брянчанинова)
и игумена Антония (Бочкова).* 64
- Г. Беловолов, прот. Игумен Антоний Бочков
и святитель Игнатий Брянчанинов
(К истории взаимоотношений)* 79
- Е. Н. Егорова. Поэтическое творчество
игумена Антония (Бочкова)* 98
- А. Берташ, свящ. Игумен Антоний (Бочков)
и Черемнецкий монастырь.* 114

Публикации

- Поэтический диалог игумена Антония (Бочкова)
и монахини Марии (Шаховой)
Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. М. Аксененко.* 139
- Два письма игумена Антония (Бочкова)
монахине Марии (Шаховой), написанные по
кончине епископа Игнатия (Брянчанинова)
Вступительная статья Е. М. Аксененко,
подготовка текста и комментарии
Е. М. Аксененко и иеродиакона Антония (Козина)* . 242
- Список иллюстраций.* 277
- Список сокращений.* 278
- Указатель имен* 280
- Об авторах и составителях* 286

Научное издание

Дон-Кихот русского монашества
Жизнь и творчество
игумена Антония (Бочкова) (1803–1872).
Исследования и публикации

Утверждено к печати

*Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Директор издательства Е. И. Гончарова
Обложка и оформление Е. П. Фокиной
Оригинал-макет И. И. Фокина

Издательство «Пушкинский Дом»
199 034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Тел.: 8 901 315 49 11; факс: (812) 343 09 38
E-mail: pushkindom2008@yandex.ru
www.pushkindom.ru

Реализация книг издательства
за пределами Российской Федерации:
KUBON & SAGNER Buchexport-Import GmbH
Heßstrasse 39/41. D-80798. München (Germany)
www.kubon-sagner.de

Подписано в печать 03. 11. 2009. Формат 84 × 108 / 32
Усл.-печ. л. 9. Тираж 300 экз. Заказ № 622

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Савож»
Санкт-Петербург, ул. Жукова, д. 18
Тел. (812) 740 77 99

*На обложке воспроизводятся портрет игумена Антония
(фрагмент групповой фотографии 1860-х гг. из собрания РГИА)
и фрагменты его рисунков, хранящихся в ИРЛИ*